1-й экз. Исп. фонда
ЭР1—
417
323.2 (47) „1

МАТЕРІАЛЫ
„Музея Современныхъ Событій въ Россіи“
Я. М. ЛИСОВОГО.

БѢЛЫЙ АРХИВЪ

Сборники матеріаловъ по исторіи и литературѣ войны, революціи, большевизма, бѣлаго движенія и т. п. подъ редакціей Я. М. Лисового.

I.

ПРИЛОЖЕНІЕ
Памятка «Музея Современныхъ Событій въ Россіи»

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
«The Museum Contemporary Events in Russia».

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 3373
С. ф. № 426

ПАРИЖЪ
1926

« Перепечатка статей и документовъ и копировка иллюстрацій разрѣшается съ уплатой въ пользу «Музея Современныхъ Событій» 10% съ каждаго тиражнаго экземпляра».

Директоръ «Музея Современныхъ Событій въ Россіи» и редакторъ «Бѣлаго Архива» обращается съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ русскимъ людямъ зарубежной и внутренней Россіи, сочувствующимъ идеѣ сохраненія и опубликованія историческихъ матеріаловъ, принять активное участіе въ этомъ *общерусскомъ дѣлѣ*.

«Музей» и «Архивъ» охватываютъ всѣ событія послѣднихъ лѣтъ: отъ Великой войны и до настоящихъ дней невольнаго скитанія и всѣ присланные матеріалы по разнымъ вопросамъ этого періода (документы, дневники, воспоминанія, фотографіи, книги, брошюры, листовки, карты, діаграммы, плакаты, рисунки, эскизы и т. п.) — будутъ по желанію собственника—или сохраняться въ цѣлости и неприкосновенности въ музеѣ и демонстрироваться въ рядѣ передвижныхъ выставокъ въ числѣ прочихъ матеріаловъ музея,—или же опубликовываться въ «Бѣломъ Архивѣ».

Важнѣйшіе изъ нихъ будутъ переведены на англійскій языкъ и напечатаны въ крупныхъ американскихъ журналахъ и газетахъ.

И въ томъ, и другомъ случаяхъ — всѣ матеріалы будутъ оплачены въ предѣлахъ ихъ исторической важности и реальной цѣнности.

Восьмилѣтнее существованіе музея и его активная дѣятельность служатъ порукой тому, что всѣ матеріалы будутъ использованы въ русскихъ національныхъ цѣляхъ.

Техническая сторона присылаемыхъ рукописей безразлична.

Матеріалы предлагается направлять по слѣдующимъ адресамъ:

1. J. M. LISSOVOY — 2, rue Belloni, Paris XV, France.
2. P. T. KOROLEVITCH—120, rue de prince Alexander, Belgrade, S.H.S.
3. M. O. JURGELONIS — 1739, So. Halsted Str., Chicago Ill. U. S. A.

ДИРЕКТОРЪ

«Музея Современныхъ Событій въ Россіи»

Я. М. ЛИСОВОЙ

приноситъ искреннюю благодарность за пожертвованные въ собственность музея матеріалы:

I. Е. К. Л. — Коллекцію Совѣтскихъ серебрянныхъ, мѣдныхъ и бронзовыхъ монетъ

2. В. П. Сіяльскому — Коллекцію Эмигрантскихъ плакатовъ

3. Союзу Галлиполійцевъ – нѣсколько плакатовъ

4. В. А. Горяинову – прислaвшему изъ Швейцаріи русскіе плакаты изд. Лиги Націи.

Оглавленіе

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ 9

I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

1. Секретный Отчетъ Комиссаровъ XI Арм. И. Кириенко и А. Чекотило 13
2. *Я. Л. Лисовой.* А. Керенскій въ Арміи Генерала Деникина (по матеріал. щт. 28-й дивизіи) 35
3. ,, Революціонные генералы 52

II. РЕВОЛЮЦІЯ И БОЛЬШЕВИЗМЪ.

1. *П. Нестеренко.* Гатчино въ дни борьбы съ большевизм. 72
2. *Ф. Гнѣсинъ.* Туркестанъ въ дни революціи и большевиз. 81

III. БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. Засѣданіе Политическаго Совѣщанія Добр. Арміи 15 января 1918 г. 96
2. Докладъ Главнок. Воор. Силами Юга Россіи о положеніи дѣлъ на Зап. фронтѣ вообще и объ арміи полк. Бермонта Авалова въ частности 101
3. Объяснит. записка по этому докл. ген. шт. полк. Я. М. Лисового 127

IV. ПИСЬМА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ.

1. Письмо Верховн. Правителя Адмирала А. В. Колчака Донск. Атаману генер. А. П. Богаевскому 136
2. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. А. И. Деникину 138
3. Наказъ генерала М. В. Алексѣева Членамъ Донской миссіи 142
4. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. П. Н. Краснову 144
5. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. А. П. Богаевскому 147

6. Письмо генер. И. П. Романовскаго генер. А. П. Богаевскому 151
7. Директивы генер. М. В. Алексѣева Нач. В. Полит. Отд. Д. Ар. М. 153
8. Изъ блокъ-нота генер. М. Б. Алексѣева..... 154

V. СЛАВЯНЕ — БОЛЬШЕВИЗМЪ — БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. Черезъ Сибирь къ свободѣ (переводъ съ чешскаго)..... 158
2. *Г. Малецъ.* Докладъ Главнокомандующему Вооружен. Сил. Юга Россіи Члена Русскаго Нар. Сов. Прикарпатской Руси..... 163
3. Письма Карпаторусск. Обществ. и Полит. дѣятелей 177

VI. МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.

П. Н. Милюковъ, А. И. Гучковъ, Н. Н. Щепкинъ, И. И. Кирієнко, М. Каменскій, Дж. Бьюконенъ, Генералы М. В. Алексѣевъ, А. М. Драгомировъ, В. Лечицкій, М. Лешъ, полк. Васильевъ и др. 181

VII. ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ.

Лекція Е. Д. Кусковой. Зарубежный Съѣздъ. Католичество и Православіе на фонѣ Парижскихъ дней. Красновъ — Койсуговъ — Суворинъ. Годовщина смерти генерала Л. Г. Корнилова. 187

VIII. ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ.

1. *Влад. Игоревъ.* Красная Армія и «Военизація» 197

IX. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ 203

X. ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. Памятка «Музея Современныхъ Событій въ Россіи» 207

ИЛЛЮСТРАЦІИ

— Послѣдній портретъ Адмирала А. В. Колчака, Офицеры до митинга и во время митинга, А. Керенскій въ арміи ген. Деникина, Бермонтъ-Аваловъ — генералъ Гольцъ и ихъ армія, Прапорщикъ Крыленко, Поручикъ Дзевалтовскій, Призывъ въ красную армію, Жизнь красныхъ курсантовъ и др.

Фотодокументы, карты, копіи прокламаціи, карикатуры и т. п.

ПРЕДИСЛОВІЕ

«Не мудрствуя лукаво».

Послѣ восьмилѣтняго существованія, музей «Современныхъ Событій въ Россіи» вступаетъ въ новый фазисъ активной дѣятельности —

«БѢЛЫЙ АРХИВЪ»
является дѣтищемъ музея.

Столь продолжительное существованіе этого культурно-историческаго предпріятія въ тяжкихъ условіяхъ бѣженскаго скитанія объясняется тѣми принципами, которые, повидимому, были правильно заложены въ основу бытія музея, и принципы эти слѣдующіе: 1) Дерзаніе, 2) Единоначаліе, 3) Объективность, 4) Глубокая вѣра въ дѣло, 5) Полная независимость отъ партійныхъ и т. п. узъ и 6) Исканіе новыхъ путей.

Правда, въ наше эмигрантское время переорганизаціи, комитетодержавія и многоначалія, музею, въ его дѣятельности, зачастую приходилось оставаться въ одиночествѣ—не использовавъ всей своей продуктивности, но, въ этомъ случаѣ, предпочиталось скорѣе временное бездѣйствіе, чѣмъ провалъ его въ связи съ проваломъ тѣхъ или иныхъ партій, тѣхъ или другихъ организацій — компромиссы же всегда были чужды дѣятельности музея.

«БѢЛЫЙ АРХИВЪ» являясь дѣтищемъ музея, заложенъ на тѣхъ же основныхъ принципахъ и будетъ служить выразителемъ здоровой активной мысли въ условіяхъ полной свободы слова.

И, во имя этой послѣдней задачи, страницы «БѢЛАГО АРХИВА» предназначены не только для архивныхъ матеріаловъ музея, но открыты и перу всѣхъ обладающихъ страницами воспоминаній и сочувствующихъ идеѣ будущей активной и безкомпромиссной бѣлой борьбы съ большевизмомъ во имя возсозданія поруганной Россіи.

Черпая въ тяжелыхъ дняхъ прошлаго поучительные уроки для построенія свѣтлаго будущаго, «БѢЛЫЙ АРХИВЪ», будучи совершенно независимъ въ своемъ мнѣніи, не обойдетъ молчаніемъ и тѣхъ темныхъ сторонъ минувшей борьбы, которыя такъ запятнали бѣлое движеніе, дискредитировали его сущность, свели на нѣтъ всѣ достигнутые успѣхи и породили недоброжелательную критику къ бѣлому деиженію вообще.

«БѢЛЫЙ АРХИВЪ» рѣшительно отвергаетъ кабинетно-схоластическую формулу престарѣлыхъ отцевъ:

«терпѣніе, терпѣніе, терпѣніе»...

и взамѣнъ противупоставляетъ формулу молодости, жизненности и энергіи

«исканіе, дерзаніе и наступленіе»

ибо

«Промедленіе времени смерти невозвратной подобно».

(Петръ Великій),

ибо

«Промедленіе времени столь полезное въ спокойное время, губитъ людей въ бурные времена».

(Ламартинъ),

ибо

«Угрожать не наступая, значитъ обнаруживать свое безсиліе».

(Ламартинъ)

Итакъ—величіе былыхъ подвиговъ и павшихъ за Россію героевъ, уваженіе къ сѣдинамъ, обезсиленной въ неравной борьбѣ, старости, призывъ къ исканію новыхъ путей и дерзанію молодости и гражданское мужество изслѣдованія причинъ содѣянныхъ ошибокъ и даже преступленій—таковы п у т и «БѢЛАГО АРХИВА».

Я. М. Лисовой.

I.

ВОЙНА и РЕВОЛЮЦІЯ

СОЛДАТЫ!

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ РЕВОЛЮЦІЯ!

А вы еще не замѣчаете, что васъ обманываютъ?

А вы еще не замѣчаете, что англичане погоняютъ Россію, что они вгоняютъ ваше Отечество въ бѣдствіе?

Англичане обманули вашего Царя, они принудили Его къ войнѣ, чтобы съ Его помощью овладѣть міромъ.

Сперва англичане шли рука объ руку съ Царемъ, теперь они противъ него: всегда они добивались только своихъ собственныхъ, корыстныхъ цѣлей.

Англичане заставили вашего Богомъ вамъ даннаго Царя отказаться отъ престола.

Почему?

Потому, что Онъ уже не хотѣлъ больше даваться имъ въ обманъ Потому, что Онъ понялъ всю лживость англійской игры.

Военныя поставки дали англичанамъ огромный заработокъ, дали имъ безчисленные милліоны, и **отъ продолженія войны можетъ быть польза только для англичанъ.**

А кто ведетъ эту кровавую войну? — Это мужикъ, славный, много терпящій мужикъ, молча страдающій, молча умирающій безъ понятія о томъ, что **проливаетъ кровь для Англіи.**

А кто еще больше страдаетъ отъ этой ужасной кровавой войны? Это ваши матери, ваши жены, ваши дѣти Уже болѣе двухъ съ половиною лѣтъ у нихъ нѣтъ сына, мужа, отца. Бьются онѣ безъ помощи, безъ поддержки, а теперь передъ ними новый врагъ: дороговизна, недостатокъ хлѣба, недостатокъ всякихъ съѣстныхъ припасовъ И придется имъ гибнуть отъ нужды и голода.

А откуда дороговизна, голодъ, нужда? — Вотъ откуда. **Англія и кулаки-торговцы,** вступившіе съ ней въ союзъ, скупили всякіе припасы и хранятъ ихъ у себя, чтобы послѣ добиться невиданныхъ и неслыханныхъ цѣнъ.

Кого обогатитъ война? — Англію и спекулянтовъ.

Русскій Народъ! Проснись! Отверзи очи!

Вся бѣда отъ Англіи.

Англія ворочаетъ дѣлами въ Россіи!

Вашъ врагъ — Англія!!

Одна изъ рѣдкихъ нѣмецкихъ прокламацій разбросанныхъ передъ русскими окопами въ ночь 27-28 февраля 1917 г. — первое извѣстіе полученное фронтомъ о началѣ революціи.

СЕКРЕТНО
Названіе частей войскъ, городовъ, мѣстечекъ и деревень оглашенію не подлежитъ.

ОТЧЕТЪ № 1.

Оть 26-го мая по 26-е іюня 1917 года.

Выѣхавъ изъ Петрограда 28-го мая, я и мой помощникъ А. М. ЧЕКОТИЛО прибыли въ расположеніе XI-й арміи лишь 8-го іюня, задержавшись въ Кіевѣ и Каменецъ-Подольскѣ для совѣщанія съ комиссарами особой, 7-й и 8-й армій, а также для ознакомленія съ дѣятельностью фронтового комитета и согласованія съ ними въ будущемъ нашей работы и выступленій.

По прибытіи въ армію, мы явились на засѣданіе Исполнительнаго комитета XI-й арміи, который познакомили съ нашей ролью въ арміи и тѣми принципами, которыми мы полагали руководствоваться въ своей дѣятельности, а также уговорились о способахъ согласованія нашихъ дѣйствій.

По нашему мнѣнію, назначеніе комиссаровъ — помочь арміи стать въ такія условія, при которыхъ комиссары будутъ излишни. Это можетъ быть достигнуто съ одной стороны усиленіемъ и упроченіемъ выборныхъ солдатскихъ организацій (ротныхъ, полковыхъ, дивизіонныхъ, армейскаго и пр. комитетовъ), а съ другой — созданіемъ и укрѣпленіемъ въ арміи сознательной дисциплины, какъ основного фактора ея мощи и боеспособности.

Все таки развить планомѣрную дѣятельность въ этихъ двухъ главнѣйшихъ направленіяхъ намъ не удалось. Мы прибыли въ армію за 10 дней до начала наступленія. Пришлось думать не объ организаціонныхъ задачахъ, а направить всѣ силы и энергію на устраненіе длиннаго ряда разныхъ конфликтовъ, мѣшавшихъ осуществить намѣченный планъ военныхъ операцій. Эти конфликты сводились къ отказу разныхъ частей арміи исполнять приказы команднаго состава, касавшіеся въ началѣ перегруппировки войскъ, а затѣмъ и чисто боевые. Были впрочемъ случаи, когда нѣкоторыя части намѣревались совершенно бросить окопы, оставить въ нихъ оружіе и уйти по домамъ.

Количество конфликтовъ не уменьшилось и послѣ начала наступленія, хотя во многихъ случаяхъ измѣнился ихъ характеръ. Сущность подавляющаго большинства конфликтовъ — нежеланіе вести активныя операціи, стремленіе выйти въ резервъ, отдохнуть. Отсутствіе у многихъ солдатъ сознанія своего долга и убѣжденіе въ полной безнаказанности за любое нарушеніе дисциплины, создали чрезвычайно благопріятную почву для дезорганизующихъ армію теченій. Тѣмъ болѣе, что они черпали идейное благословеніе на это въ разнаго рода «Правдахъ», широкой волной затоплявшихъ и затопляющихъ фронтъ и тылъ.

Идейной подкладки во всѣхъ конфликтахъ нѣтъ, есть только пользованіе большевистской фразеологіей для прикрытія неприглядныхъ побужденій. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прослушать нѣсколько рѣчей ораторовъ, говорящихъ противъ наступленія, причемъ большевистскіе лозунги находятъ здѣсь такихъ истолкователей, что большевикамъ надо бы отъ нихъ только открещиваться и отмежеваться самымъ рѣшительнымъ образомъ, но они этого, къ сожалѣнію, не пытаются даже дѣлать. Въ результатѣ дѣйствительные, идейные большевики, отходятъ далеко на задній планъ, ихъ мѣсто занимаютъ и выступаютъ подъ ихъ флагомъ бывшіе уголовные, полицейскіе, жандармы, провокаторы, нѣмецкіе агенты и разный сбродъ трусовъ, негодяевъ и предателей.

Намъ приходилось выслушивать на митингахъ отъ этого сорта «большевиковъ» и проповѣдь немедленнаго прекращенія войны, заключенія какого угодно мира на какихъ угодно условіяхъ.

Намъ приходилось слышать проповѣдь возстанія не только противъ Временнаго Правительства, но и противъ Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, которые «подкуплены буржуями».

Намъ приходилось наблюдать такихъ «большевиковъ» въ роли вожаковъ солдатъ, открыто, даже въ дни наступленія, братавшихся съ нѣмцами, призывавшихъ къ неисполненію приказовъ и ведшихъ солдатъ въ тылъ, когда другіе сражались въ это время въ окопахъ, страстно ожидая поддержки и смѣны.

И всѣ они ссылаются на «Правды», всѣ они пользуются аргументами «Правдъ», распространяемыхъ иногда даже нелегальнымъ путемъ.

Точка зрѣнія С. Р. и С. Д. безсовѣстно искажается такими «большевиками», часто распространяются отъ его имени совершенно невѣроятныя вѣсти вродѣ того, напр., что С. Р. и С. Д. высказался и высказывается про-

тивъ наступленія, или что С. Р. и С. Д. не довѣряетъ Временному Правительству и т. п.

Создается опредѣленное впечатлѣніе, что въ большевистскую агитацію вмѣшалась преступная рука, творящая гнусное дѣло измѣны и предательства. Очевидной становится работа контръ-революціонныхъ силъ, выступающихъ подъ фирмой большевизма. Дальше будутъ приведены многочисленные факты, подтверждающіе эти выводы.

Но все же, какъ ни были сильны эти группы, играющія на низменныхъ инстинктахъ трусости и подлости, большинство арміи, если не сознаніемъ то чутьемъ, идетъ по пути большинства революціонной демократіи, проявляя большую гражданскую зрѣлость, сознавая свои обязанности по отношенію къ родинѣ и революціи.

Этотъ результатъ въ большой степени надо отнести за счетъ интенсивной дѣятельности выборныхъ солдатскихъ организацій, особенно армейскаго комитета, ведущихъ неустанную агитацію, пропаганду, и улаживающихъ многочисленные конфликты исключительно силой убѣжденія и своего авторитета. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ представители солдатскихъ организацій оказываются безсильными. Это почти всегда , когда конфликты создаются, поддерживаются и раздуваются темными силами.

Безотвѣтственность и безнаказанность нарушителей дисциплины очень усиливали вліяніе «большевиковъ», позволяя имъ утверждать и доказывать, что власть въ Россіи безсильна и поэтому можно дѣлать все, что угодно.

Дѣйствительность, къ сожалѣнію, ихъ не опровергала ни событіями на фронтѣ, ни событіями въ тылу. Принудительная дисциплина стараго режима пала, а новая дисциплина, основанная на сознаніи своего долга, еще не укрѣпилась, не вылилась въ опредѣленныя формы. Колебанія же и нерѣшительность центральной власти по отношенію ко всякаго рода дезорганизующимъ революцію группамъ, никоимъ образомъ не могли помочь процессу укрѣпленія революціонной дисциплины, тѣмъ болѣе, что командный составъ послѣ революціи оказался фактически безсильнымъ. Всѣ его распоряженія оставались пустымъ звукомъ, если горсть провокаторовъ или «шкурниковъ» не хотѣла ихъ исполнять. Воздѣйствіе же на нихъ убѣжденіемъ, конечно, должно разсматриваться, какъ покушеніе съ негодными средствами.

Тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ эти горсти пускали въ ходъ терроръ по отношенію къ большинству, съ ними несогласному. Угрозы примѣ-

ненія и примѣненіе оружія, ручныхъ бомбъ, являлись слишкомъ сильными средствами противъ пассивнаго большинства и достигали результатовъ, которые были нужны преступному меньшинству.

Это породило даже новую форму дезертирства — въ окопы. Многіе сознательные солдаты, не имѣя возможности бороться съ терроромъ меньшинства, желая исполнить свой долгъ, тайкомъ уходили изъ неповинующихся властямъ частей, несмотря даже на караулы, которые разставлялись иногда для предотвращенія такихъ побѣговъ.

Поэтому на насъ легла прежде всего задача указать и доказать, что свобода не означаетъ еще своевольства всѣхъ и каждаго, что революціонная власть большинства народа, представителями которой мы являемся, — есть и что она не потерпитъ анархическихъ, дезорганизующихъ армію выступленій.

И очень часто одного выступленія кого либо изъ насъ, — представителей Исп. Ком. С. Р. и С. Д., съ рѣшительными заявленіями о необходимости неуклоннаго исполненія приказовъ командnаго состава было достаточно, чтобы сознательное, но пассивное нерѣшительное большинство, рѣзко отмежевалось отъ меньшинства или брало рѣшительный надъ нимъ перевѣсъ и водворяло порядокъ и дисциплину. Такъ бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда конфликты возникали только на почвѣ малосознательности солдатской массы, ея утомленности трехлѣтней войной и недостатка внутренней дисциплины, неправильномъ пониманіи своего долга.

Совершенно иное дѣло, когда конфликтъ подогрѣвался дѣятелями, прошлое и настоящее которыхъ весьма подозрительно. Всѣ рѣчи, увѣщеванія, уговоры не только не достигали цѣли, но наоборотъ — создавали въ толпѣ увѣренность, что ихъ «уговариваютъ» потому, что ничего съ ними не могутъ сдѣлать. *Въ такихъ случаяхъ, мы считали и считаемъ необходимымъ не останавливаться въ нужныхъ случаяхъ передъ самыми рѣшительными мѣрами, вплоть до примѣненія силы оружія, какъ бы не оцѣнивала это критика слѣва. Иначе становится невозможной сколько нибудь дѣйствительная борьба съ разложеніемъ арміи и упадкомъ ея боеспособности.*

Воевать съ помощью однихъ только уговоровъ и увѣщеваній немыслимо.

Описаніемъ фактической стороны конфликтовъ, въ разрѣшеніи которыхъ мы принимали участіе, выяснится правильность вышеизложенныхъ общихъ соображеній и выводовъ.

Первое наше выступленіе было въ *2о пѣхотной дивизіи*, стоявшей на

позиціи на пассивномъ участкѣ. Два полка дивизіи были въ окопахъ, а 2 — — въ ближайшемъ резервѣ, причемъ полки находились въ окопахъ посмѣнно. При подготовкѣ къ активнымъ операціямъ, дивизію потребовалось перемѣстить на другой пассивный участокъ фронта, верстъ на 20 сѣвернѣе. Начавшееся давно въ дивизіи броженіе вылилось въ отказѣ дивизіи исполнить этотъ приказъ. Усилія Армейскаго Комитета понудить дивизію выполнить этотъ приказъ оказались безрезультатными...

11-го іюня, мы оба отправились въ 20 дивизію. Первымъ посѣтили 77-й Тенгинскій полкъ, который встрѣтилъ насъ, выстроившись по-ротно, во главѣ съ офицерами. Поздоровавшись съ полкомъ, мы устроили митингъ, на которомъ намъ удалось повліять на полкъ, дать перевѣсъ благоразумному большинству. Два батальона и всѣ команды полка рѣшили выполнять всѣ приказы командnаго состава и черезъ 2 часа выступили съ музыкой къ мѣсту назначенія, несмотря на начавшійся дождь. Со стороны оставшагося 1-го батальона были угрозы силой оружія помѣшать полку выполнить приказъ, но пулеметная команда демонстративно выступила съ приготовленными къ бою пулеметами — и никакого столкновенія не произошло. До настоящаго времени 77-й Тенгинскій полкъ остается вѣрнымъ своему рѣшенію и сохраняетъ хорошее, бодрое настроеніе, которое сильно повысилось послѣ привѣтствія полка Исполнит. Ком. С. Р. и С. Д., сдѣланнаго по докладу комиссара И. КИРІЕНКО, послѣ принятаго полкомъ рѣшенія.

Послѣ выступленія въ 77 Тенгинскомъ полку, мы поѣхали въ 78 Навагинскій полкъ, который встрѣтилъ насъ очень холодно, почти враждебно. Наши рѣчи слушались неохотно, прерывались возгласами «довольно», «долой», «слышали» и т. д. За позднимъ временемъ окончаніе митинга было перенесено на утро слѣдующаго дня. На этотъ митингъ явились свободные солдаты и другихъ полковъ дивизіи. Выступавшіе противъ насъ ораторы рѣшительно заявляли, что они противъ наступленія, а такъ какъ передвиженіе дивизіи способствуетъ наступленію, то дивизія исполнять приказъ не должна. Говорилось, что мы съ Германіей никогда не справимся, поэтому не надо новыхъ жертвъ, а надо немедленно заключить миръ какой угодно цѣною. Говорилось, что пусть воюютъ буржуи, которымъ нужна война, а пролетарій воевать больше не будетъ, такъ какъ если ихъ перебьютъ, то буржуи восторжествуютъ. Говорилось, что пусть правительство сначала опубликуетъ тайные договоры, пусть сначала соберется стокгольмская конференція и только послѣ этого можно вести наступленіе. Словомъ, го-

ворилось все то, чѣмъ богаты страницы «Правды», но только еще въ болѣе сгущенныхъ тонахъ, безграмотно, съ прибавленіемъ всяческой отсебятины. Однимъ изъ такихъ ораторовъ былъ, какъ мы потомъ узнали, отбывавшій каторгу за какое то уголовное дѣло разжалованный офицеръ, служащій теперь солдатомъ. Другой ораторъ-офицеръ былъ исключенъ судомъ чести изъ общества офицеровъ за мордобой.

Нужно отмѣтить, что дивизія не отказывалась стоять на позиціи и съ гордостью говорила, что она будетъ защищать родину, но только не станетъ наступать. Объясненіемъ этого служитъ положеніе позиціи, занимаемой дивизіей: это одинъ изъ самыхъ спокойныхъ и удобныхъ участковъ фронта. Окопы противника расположены въ 1½ — 2 верстахъ на другомъ берегу трудно переходимой рѣки, части дивизіи расположены въ прекрасномъ сосновомъ лѣсу, въ сухомъ мѣстѣ. Отсюда нѣсколько неожиданное горячее стремленіе, проливать свою кровь за родину, хотя за 8 мѣсяцевъ стоянки дивизіи на этой позиціи потери были только отъ болѣзней; ни убитыхъ, ни раненныхъ въ дивизіи не было.

Въ результатѣ митинга на нашъ призывъ, подчиниться всѣмъ приказамъ командnаго состава, вышла группа всего въ 40-50 человѣкъ, нашедшихъ въ себѣ мужество сдѣлать это, несмотря на грубыя издѣвательства и угрозы. Подавляющее же большинство полка осталось при своихъ руководителяхъ, характеристики нѣкоторыхъ приведены выше. Надо добавить, что отколовшійся 1-й батальонъ 77 Тенгинскаго полка явился на митингъ съ винтовками, имѣя въ виду расправиться съ нами, но повидимому на это у нихъ не хватило рѣшимости. Съ остальными полками дивизіи 79 Куринскимъ и 80 Кабардинскимъ мы не успѣли переговорить, т. к. необходимо было срочно уѣхать въ ударную группу, начавшую наступленіе.

Эти полки, также какъ 1-й батальонъ 77 Тенгинскаго и 78-й Навагинскій полки отказались отъ исполненія приказа и остались на прежнемъ мѣстѣ. Потомъ они отведены были въ резервъ, гдѣ предполагалось ликвидировать всю эту исторію, которая затянулась вслѣдствіе начала активныхъ операцій и необходимости нашего присутствія въ наступающихъ частяхъ въ т. н. ударной группѣ.

Ликвидацію исторіи съ 20 дивизіей пришлось отложить до болѣе благопріятнаго момента, несмотря на всю нежелательность такой оттяжки.

Въ ударной группѣ насъ ожидалъ рядъ конфликтовъ, отнявшихъ у насъ большую часть нашего времени и энергіи.

14-го іюня помощ. комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО долженъ былъ уладить конфликтъ въ *21 Финляндскомъ стрѣлковомъ полку*, который раскололся на двѣ части: 4 ½ роты стояли на позиціи, а 7 ½ ротъ бездѣйствовали въ тылу. Пришлось съѣздить на передовыя позиціи въ дер. Августовку переговорить съ ротами, т. к. они не хотѣли объединиться съ оставшимися въ тылу. Послѣ ½ часовой бесѣды эти роты согласились на объединеніе при условіи извѣстной фильтраціи — должны были быть удалены изъ полка нѣкоторые солдаты, дезорганизовавшіе полкъ. Съ этимъ рѣшеніемъ А. М. ЧЕКОТИЛО поѣхалъ къ остальнымъ ротамъ, стоявшимъ въ дер. Цебровѣ, которыя были къ его пріѣзду выстроены въ полномъ порядкѣ. Послѣ рѣчи А. М. ЧЕКОТИЛО, роты безпрекословно обязались выполнить всѣ предъявленныя къ нимъ требованія. Около 20 человѣкъ изъ полка были выдѣлены самими ротами и человѣкъ 10 отказались итти куда бы то ни было и исполнять какіе бы то ни было приказы. Всѣ они переданы судебнымъ властямъ. Часть ротъ, согласно отданнаго имъ приказа, въ тотъ же день выступила на позицію, а остальныя—черезъ три дня. Такимъ путемъ было достигнуто возстановленіе 21 Финляндскаго стрѣлковаго полка, какъ боевой единицы, геройски выполнившаго затѣмъ свою задачу въ дни наступленія 18, 19 и 23 іюня.

15 іюня мы оба, совмѣстно съ членами армейскаго и фронтового комитетовъ, отправились *въ 13 Финляндскій стрѣлковый полкъ*, въ большинствѣ своемъ, отказавшійся отъ выполненія приказаній командnаго состава. Только около 300 человѣкъ изъ полка ушло на позицію, желая исполнить свой долгъ. 13 Финляндскій стрѣлковый полкъ, между прочимъ, именно тотъ, въ которомъ служилъ извѣстный большевикъ прапорщикъ КРЫЛЕНКО (товарищъ Абрамъ). Полкъ такъ быстро воспринялъ откровенія большевизма, что очень быстро перегналъ въ практическихъ выводахъ своихъ учителей и даже вліяніе КРЫЛЕНКО оказалось безсильнымъ остановить разложеніе полка и убѣдить его подчиняться приказамъ.

Когда мы подъѣхали къ расположенію полка, то они не пожелали выстроиться по-ротно, какъ мы требовали, а сбились въ безпорядочную кучу. Не доѣзжая примѣрно шаговъ 400 до полка, мы категорически потребовали, чтобы полкъ выстроился, на что дали 10 минутъ сроку, угрожая въ противномъ случаѣ уѣхать. Полкъ требованіе исполнилъ, за исключеніемъ кучки вожаковъ, ушедшихъ совсѣмъ изъ полка и удалившихся въ дер. въ мѣсто стоянки полка. Послѣ рѣчи комиссара И. И. КИРІЕНКО, предъявившаго полку требованіе подчиниться волѣ большинства револю-

ціонной демократіи, изъ него выдѣлилось около 300 человѣкъ, изъявившихъ безусловное желаніе подчиняться всѣмъ приказамъ командnаго состава. Этихъ товарищей, какъ оказалось, раньше не выпускали изъ полка угрозами расправиться съ ними штыками и ручными гранатами. Остальнымъ, около 700 человѣкъ, было также разрѣшено присоединиться къ полку, ввиду выраженнаго ими, хотя и нѣсколько запоздалаго согласія, выполнять всѣ приказы. Но этого обѣщанія они не выполнили и присоединились черезъ нѣсколько дней къ отказавшемуся повиноваться Гвардіи Гренадерскому полку, о которомъ будетъ сказано выше.

Вечеромъ, того же 15 іюня, помощникъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО поѣхалъ въ дер. Ерчевцы ликвидировать конфликтъ въ 1-мъ батальонѣ 138 *Болховского полка*, отказавшемся отъ исполненія приказа. Дивизіонный и полковой комитеты, послѣ долгой возни съ этимъ батальономъ, не добившись удовлетворительныхъ результатовъ, обратились за помощью къ намъ. Выяснилось, что остальные полки 35 дивизіи, къ которой принадлежитъ Болховской полкъ, также какъ и остальные 2 батальона полка, очень возмущены исторіей съ 1-мъ батальономъ и настаиваютъ на чисткѣ батальона и преданіи суду виновныхъ въ призывѣ къ неповиновенію. Дивизіонный и полковой комитеты поэтому пришли къ заключенію о необходимости временнаго изолированія батальона и назначенія слѣдствія. Послѣ рѣчи А. М. ЧЕКОТИЛО батальонъ безпрекословно согласился на эти условія, былъ отведенъ въ тылъ и тамъ производится слѣдствіе, имѣющее цѣлью выяснить виновныхъ въ призывахъ къ неповиновенію и преданію ихъ суду. По имѣющимся свѣдѣніямъ, батальонъ очень тяготится своей вынужденной бездѣятельностью, когда вся дивизія сражается съ врагомъ и рвется на позицію. На дняхъ это желаніе батальона будетъ исполнено, т. к. слѣдствіе заканчивается.

Слѣдующимъ конфликтомъ явился отказъ *6-й Гренадерской дивизіи* двигаться на другой участокъ фронта. Дивизія передвигалась изъ Особ. арміи въ XI-ю и, остановившись въ Кременцѣ, отказалась двигаться дальше, требуя отвода въ резервъ и продолжительнаго отдыха. Со стороны чиновъ дивизіи раздавались угрозы самовольно сѣсть въ поѣздъ и силой принудить везти ихъ, куда имъ хочется. Армейскому комитету удалось убѣдить подчиниться приказу часть одного полка, но остальные не поддавались убѣжденію. Понадобилось вмѣшательство комиссара, и въ Кременецъ поѣхалъ И. И. КИРІЕНКО вмѣстѣ съ членомъ Исполн. комитета Юго-Западнаго

фронта д-ромъ ГУРЕВИЧЕМЪ. Собравъ полковые комитеты неповинующейся дивизіи, И. И. КИРІЕНКО и тов. ГУРЕВИЧЪ выяснили имъ вообще недопустимость такого поведенія полковъ, а особенно въ тотъ моментъ, когда революціонная армія перешла въ наступленіе, повинуясь волѣ большинства Русскаго Народа. Полковые комитеты согласились съ этимъ и обязались соотвѣтственно воздѣйствовать на полки дивизіи, которые дѣйствительно въ полномъ порядкѣ выступили въ назначенный имъ раіонъ. Такая легкая и быстрая ликвидація конфликта обусловливалась, главнымъ образомъ, извѣстіями объ успѣхахъ начавшагося наступленія.

Сплошная полоса очень серьезныхъ конфликтовъ ожидала насъ *въ 1-мъ Гвардейскомъ корпусѣ*, сильно зараженномъ «большевизмомъ» самаго специфическаго, шкурнаго оттѣнка. Корпусъ стоялъ въ резервѣ въ Тарнополѣ и очень неохотно выступилъ, когда понадобилось двинуть его на позицію.

Командный составъ, особенно высшій, представлялъ самыя пессимистическія оцѣнки боеспособности корпуса и не могъ быть увѣреннымъ ни одну минуту въ исполненіи имъ приказовъ, кромѣ только одного Измайловскаго полка и отчасти Семеновскаго и Преображенскаго полковъ. Такое состояніе 1-го Гвардейскаго корпуса, естественно озабачивало какъ высшій командный составъ арміи, такъ и насъ, ибо въ начавшихся бояхъ, при недостаточности пополненій и отсутствіи глубокихъ резервовъ, каждая боевая единица была на счету, а тѣмъ болѣе такая крупная, какъ корпусъ.

Въ Гвардейскій корпусъ направился помощникъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО. Однако, вопреки ожиданіямъ командnаго состава корпуса, послѣдній уже выступилъ и слѣдовалъ къ мѣстамъ своего назначенія. На другой день А. М. ЧЕКОТИЛО поѣхалъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ былъ очень тепло встрѣченъ. Настроеніе полка не оставляло желать лучшаго: бодрое, увѣренное, сознательное. Въ тотъ же день А. М. ЧЕКОТИЛО имѣлъ бесѣду съ полковымъ комитетомъ Семеновскаго полка, изъ которой выяснилось также очень хорошее, твердое настроеніе всего полка, готоваго итти по первому приказу куда угодно. Далѣе были имъ посѣщены Павловскій полкъ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, положеніе было много хуже, нежели въ предыдущихъ полкахъ: одинъ баталіонъ совсѣмъ отказался итти съ полкомъ, два другихъ колебались, и только второй батальонъ рѣшилъ итти по первому зову и участвовать въ бояхъ. Въ моментъ пріѣзда А. М. ЧЕКОТИЛО въ полкъ, послѣдній однако укладывался и готовился къ выступле-

нію вмѣстѣ съ другими полками корпуса. Тѣмъ не менѣе состоялось краткое совѣщаніе съ предсѣдателемъ полкового комитета и нѣкоторыми изъ его членовъ, на которомъ выяснилось, что полкъ, кромѣ 1-го батальона, готовъ исполнить всѣ приказанія командnаго состава, хотя въ общемъ это настроеніе, кромѣ 2-го батальона, не твердое.

Въ Гренадерскомъ полку ни совѣщанія, ни митинга устроить не удалось, т. к. этотъ ультра-большевистскій полкъ, находившійся подъ исключительнымъ вліяніемъ нѣкоего поручика ДЗЕВАЛТОВСКАГО, не желалъ никого выслушивать. Товарищу А. М. ЧЕКОТИЛО ДЗЕВАЛТОВСКИМЪ было заявлено тоже, что и КЕРЕНСКОМУ: «Мы не нуждаемся ни въ уговорахъ, ни въ совѣтахъ, т. к. хорошо разбираемся во всемъ сами, ибо выписываемъ много газетъ, поэтому можете не тратить напрасно времени».

Понятно, что такое заявленіе, поддержанное большой группой бывшихъ при этомъ гренадеръ, диктовало только рѣшеніе уѣхать дальше, что и было Тов. ЧЕКОТИЛО сдѣлано.

На другой день А. М. ЧЕКОТИЛО долженъ былъ посѣтить Егерскій и Финляндскій полки, но вслѣдствіе дождя автомобиль завязъ въ грязи, время ушло и посѣщеніе полковъ не состоялось.

Черезъ день А. М. ЧЕКОТИЛО посѣтилъ Павловскій полкъ, настроеніе въ которомъ нѣсколько окрѣпло, но все же оставалась неувѣренность въ его прочности, особенно ввиду создавшагося положенія въ Гренадерскомъ полку.

Конфликтъ съ Гренадерскимъ полкомъ явился наиболѣе значительнымъ и яркимъ изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ. Гренадерскій полкъ — это маленькій Кронштадтъ со всѣми специфическими особенностями оплотовъ большевизма. Огромнымъ вліяніемъ въ полку пользовался поручикъ ДЗЕВАЛТОВСКІЙ, энергичный человѣкъ, ставшій большевикомъ послѣ поѣздки въ Петроградъ. Полкъ быстро воспринялъ большевистскую окраску и, кромѣ большевистской литературы, не довѣрялъ никакой другой, да и попадала такая въ полкъ рѣдко и въ очень ограниченномъ количествѣ, такъ какъ ДЗЕВАЛТОВСКІЙ и Ко. тщательно старались охранять распропагандированный ими полкъ отъ всякаго иного вліянія.

Настроеніе полка впервые выявилось для насъ при поѣздкѣ КЕРЕНСКАГО, когда онъ посѣтилъ 16-го іюня Гвардейскій корпусъ. Всѣ полки корпуса собрались въ одномъ мѣстѣ и только Гренадерскій полкъ съ большей частью Павловскаго стали отдѣльно отъ нихъ шагахъ въ 500 , требуя, чтобы КЕ-

РЕНСКІЙ говорилъ съ ними особо. Голосованіемъ солдатъ корпуса, собравшихся на митингъ, было рѣшено, чтобы эти полки присоединились къ общему собранію, но тѣ остались при своемъ рѣшеніи. И только отдѣльныя группы солдатъ подошли къ митингу съ явнымъ желаніемъ сорвать его: КЕРЕНСКАГО прерывали криками «довольно», «долой» и даже ругательствами, а товарищу И. И. КИРІЕНКО не дали даже закончить свою рѣчь.

По окончаніи митинга, горячо проводившаго любимаго Министра, Гренадеры однако окружили его автомобиль и убѣдили выступить передъ полкомъ. Здѣсь выступилъ руководитель полка ДЗЕВАЛТОВСКІЙ, вызывающе заявившій КЕРЕНСКОМУ: «Мы позвали Васъ не затѣмъ, чтобы выслушивать Ваши рѣчи, краснорѣчіе Ваше намъ извѣстно, но мы не нуждаемся въ уговорахъ или въ рѣчахъ, мы читаемъ много газетъ и хорошо разбираемся во всемъ сами и Васъ мы позвали для того, чтобы вручить нашу резолюцію».

Резолюція эта была составлена по большевистскому трафарету и содержала обычные лозунги недовѣрія Временному Правительству и т. д.

На рядъ вопросовъ КЕРЕНСКІЙ отвѣтилъ весьма удачно и тактично, но проводили его все же весьма недружелюбно, слышались даже ругательства по его адресу. Одного этого было вполнѣ достаточно, чтобы охарактеризовать этотъ полкъ центромъ дезорганизаціи Гвардейскаго корпуса даже если бы не было послѣдующихъ фактовъ. А эти факты таковы: когда полки корпуса должны были сдѣлать послѣдній переходъ передъ занятіемъ позицій, то Гренадерскій полкъ отказался слѣдовать дальше и остался въ дер. Даниловце, вызвавъ этимъ массовое возмущеніе въ тѣхъ частяхъ, которыя уже приняли участіе въ бояхъ. Это негодованіе очень усилилось, когда черезъ день послѣ этого Гренадерскій полкъ , по командѣ ДЗЕВАЛТОВСКАГО, самовольно вернулся въ предыдущую свою стоянку, верстъ на 20 въ тылъ въ дер. Хородыще. Всѣ офицеры полка, по распоряженію Командарма, остались и полкъ пошелъ безъ нихъ, при чемъ они должны были сдѣлать это украдкой т. к. иначе имъ угрожали расправой. Чувство возмущенія по адресу Гренадеръ во многихъ частяхъ было такъ велико, что грозило вылиться даже въ форму самосуда. Были части, требовавшія принужденія Гренадеръ къ повиновенію и заявлявшія, что въ противномъ случаѣ они сами это сдѣлаютъ.

Положеніе очень обострилось послѣ присоединенія къ гренадерамъ батальона Павловскаго полка и 700 человѣкъ 13 Финляндскаго стрѣлковаго

полка; кромѣ того къ гренадерамъ стали присоединяться одиночками и небольшими кучками дезертиры и другихъ полковъ. Гренадеры вели повсюду свою агитацію противъ наступленія и на ст. Езерно дошли до того, что стали глумиться надъ раненными, которые за это стали гренадеръ избивать. Только вмѣшательство бывшаго неподалеку члена армейскаго комитета спасло гренадеръ отъ смерти.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось арестовать по обвиненію въ подстрекательствѣ къ убійству КЕРЕНСКАГО, призывахъ къ неповиновенію, но всѣ они были освобождены по недостаточности обвинительнаго матеріала.

На совѣщаніи съ членами армейскаго и фронтового комитетовъ, а также по соглашенію съ Командармомъ было рѣшено принять противъ Гренадеръ рѣшительныя мѣры, чтобы привести ихъ къ повиновенію и остановить растущую деморализацію арміи, не останавливаясь даже передъ силой оружія. Чтобы избѣжать возможнаго кровопролитія требовалась сильная вооруженная демонстрація, которая показала бы неповинующимся солдатамъ всю безцѣльность сопротивленія. Для этой цѣли, къ полудню 24 іюня, къ мѣсту стоянки Гренадеръ, Павловцевъ и Финляндцевъ была подтянута кавалерійская дивизія, двѣ батареи артиллеріи и два броневыхъ автомобиля. Когда стоянка ихъ была оцѣплена, комиссаръ И. И. КИРІЕНКО вызвалъ представителей полка и предъявилъ имъ письменный приказъ, выработанный на совѣщаніи:

Выйти безъ оружія въ указанное пункты: желающихъ подчиняться всѣмъ приказамъ командnаго состава и выполнить свой долгъ передъ родиной и революціей — въ одномъ мѣстѣ, всему полковому совѣту — въ другомъ и, наконецъ, отказывающимся отъ повиновенія — въ третьемъ.

Все оружіе и казенное имущество должно было быть оставлено въ полномъ порядкѣ и цѣлости на мѣстѣ стоянки.

Никому изъ желающихъ выполнить приказъ не должно быть оказано никакого противодѣйствія, а тѣмъ болѣе насилія.

На исполненіе этого приказа данъ былъ срокъ въ 2 часа.

По истеченіи этого срока по стоянкѣ долженъ былъ быть открытъ предварительный артиллерійскій огонь съ высокими разрывами.

По истеченіи получаса послѣ открытія предварительнаго артиллерійскаго огня, въ случаѣ неисполненія приказа, артиллерія должна была перейти на пораженіе при содѣйствіи пулеметнаго и ружейнаго огня,

За 10 минутъ до истеченія срока ,всѣ осажденные Гренадеры, Павловцы и Финляндцы съ оркестромъ музыки во главѣ, подъ звуки марсельезы стройными рядами, безъ оружія вышли на указанное имъ мѣсто. Здѣсь ДЗЕВАЛТОВСКІЙ началъ требовать отъ И. И. КИРІЕНКО его документовъ, хотя онъ хорошо зналъ его, такъ же какъ и положеніе И. И. КИРІЕНКО въ арміи въ качествѣ комиссара. Но И. И. КИРІЕНКО оборвалъ его и приказалъ немедленно и безпрекословно выполнить требованія приказа, что ДЗЕВАЛТОВСКИМЪ и было сдѣлано.

Весь полковой совѣтъ былъ арестованъ и преданъ суду, тоже было сдѣлано по отношенію къ ряду другихъ чиновъ полка, относительно которыхъ имѣлись данныя для возможности преданія ихъ суду. Въ Гренадерскомъ полку послѣ этой операціи осталось около 300 человѣкъ солдатъ, которые хотѣли исполнить свой долгъ и удерживались остальными угрозами примѣненія къ нимъ оружія, а также всѣ офицеры. Остальныхъ Гренадеръ, Павловцевъ и Финляндцевъ рѣшено было расформировать по другимъ полкамъ группами по 50 — 70 человѣкъ. Такимъ образомъ была ликвидирована исторія съ Гренадерскимъ полкомъ.

Не успѣли мы еще закончить дѣло съ Гренадерами, какъ на очередь выплылъ вопросъ объ остальныхъ полкахъ Гвардейскаго корпуса.

Происходившій 23 іюня, по нашей иниціативѣ бой, обнаружилъ большую деморализацію въ полкахъ *2-й дивизіи Гвардейскаго корпуса*, особенно Московскомъ и Финляндскомъ. Было созвано соединенное засѣданіе всѣхъ ротныхъ и полковыхъ комитетовъ этихъ полковъ, на которое отправился помощникъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО. На этомъ собраніи рѣзко выявился полный моральный развалъ полковъ — особенно Московскаго. Оказалось, что полки пошливъатакуочень хорошо, нотакъ какъ они своевременно съ противникомъ не сближались, то имъ пришлось отъ своихъ до непріятельскихъ окоповъ пробѣжать отъ 1 до 2 верстъ и они выдохлись въ своемъ наступательномъ порывѣ. Наткнувшись же на неразбитую артиллеріей проволоку, состоящую изъ одного ряда низкихъ кольевъ, полки совсѣмъ растерялись и залегли, несмотря на то, что противникъ бѣжалъ изъ своихъ окоповъ и прекратилъ на 20 минутъ совершенно огонь. Несмотря на всѣ усилія офицеровъ, солдаты продолжали лежать передъ проволокой, пока не вернулись нѣмцы и почти въ упоръ не стали ихъ разстрѣливать. Полки понесли значительныя потери безъ всякой пользы для дѣла. Эта неудача, постигшая полки 2-й Гвардейской дивизіи, обусловливалась,

конечно, не только тѣми обстоятельствами на которыя указывали солдаты этихъ полковъ. По отзыву компетентныхъ лицъ, такія препятствія были бы пустяками для боеспособныхъ полковъ. Дѣйствительно, на томъ же засѣданіи обнаружились болѣе глубокія и существенныя причины неудачи. Главная изъ нихъ—это качество пополненій, приходившихъ изъ Петрограда. Такъ Московскій полкъ пополнялся исключительно городовыми, стражниками и жандармами, которыхъ въ полку оказалось около 150 человѣкъ. Многіе изъ нихъ стали большевиками, отрицающими необходимость наступленія и т. д., другіе просто не были обучены, т. к. занятія въ запасномъ батальонѣ по винѣ большевиковъ, были поставлены настолько скверно, что нѣкоторые солдаты не умѣли даже зарядить винтовку, никто не умѣлъ метать ручныя гранаты, никто не умѣлъ рѣзать проволоку. Естественно, что такіе солдаты не могли составить боеспособной части, тѣмъ болѣе, что большинство полка ни разу не слыхали пушечнаго выстрѣла. Къ этому прибавилось еще то, что много старыхъ солдатъ, дисциплинированныхъ, обученныхъ и обстрѣлянныхъ было отправлено въ запасный полкъ.

Въ Финляндскомъ и Павловскомъ полкахъ городовыхъ и жандармовъ было сравнительно немного, и здѣсь точно также распущенныя, распропагандированныя большевиками пополненія явились элементами дезорганизаціи, неповиновенія самой низкой шкурности. Сознательные солдаты, весь командный составъ въ одинъ голосъ умоляетъ не посылать пополненій изъ Петрограда, такъ какъ кромѣ вреда, разложенія и деморализующихъ большевистскихъ идей и лозунговъ эти пополненія ничего не приносятъ.

Въ конечномъ результатѣ засѣданія опредѣлилось полное нежеланіе Московскаго полка воевать, а Финляндскій и Павловскій полки выставляли рядъ условій, при которыхъ они согласятся вести операціи. Въ сущности это надо было разсматривать, какъ благовидный замаскированный отказъ отъ исполненія своего долга.

Характерной для Финляндскаго полка явилась исторія съ арестомъ солдата ВАСИЛЬЕВА, выдававшаго себя за члена Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д., хотя и не имѣвшаго въ подтвержденіе этого никакихъ документовъ. ВАСИЛЬЕВЪ типичный «большевикъ» шкурной категоріи. Свою агитацію противъ наступленія онъ подкрѣпилъ и дѣломъ, отказавшись участвовать въ бою 23 іюня, но взявши на себя организацію уборки раненныхъ. Въ моментъ боя ВАСИЛЬЕВЪ отсиживался въ 5 — 6 верстахъ въ тылу, а уборка раненныхъ была имъ такъ преступно небрежно организована,

что много раненныхъ оказалось неподобранными на 2-й и даже на 3-й день послѣ боя, несмотря на полную безпрепятственность это сдѣлать. Съ нашего согласія Командармъ распорядился арестовать ВАСИЛЬЕВА и предать его суду. Въ полку послѣ этого началось броженіе, 11-я рота заявила, что ВАСИЛЬЕВА не выдастъ; полковой комитетъ послѣ долгихъ и жаркихъ дебатовъ рѣшилъ наконецъ, что ВАСИЛЬЕВЪ долженъ быть арестованъ, но для наблюденія за ходомъ слѣдствія рѣшилъ командировать двухъ солдатъ делегатовъ. Согласились выдать ВАСИЛЬЕВА и 11-я рота, но для его охраны послала 12 человѣкъ. Намъ понадобилось болѣе двухъ часовъ времени, чтобы убѣдить делегатовъ полкового комитета въ законности и необходимости ареста и преданія суду ВАСИЛЬЕВА, виновнаго въ тяжеломъ преступленіи. Еще труднѣе было убѣдить ихъ въ неисполнимости ихъ желанія наблюдать за ходомъ слѣдствія, какъ недопустимаго вмѣшательства въ дѣйствія судебной власти. Однако это удалось сдѣлать и на этомъ исторія съ арестомъ ВАСИЛЬЕВА пока кончилась. Остальные конфликты послѣ первыхъ наступательныхъ операцій сводились къ требованіямъ отдыха. Солдаты при этомъ совершенно не ставили передъ собой вопроса — нужно или не нужно наступать, есть ли кѣмъ ихъ смѣнить, какъ это можетъ отразиться на общемъ ходѣ дѣлъ, а просто на просто заявляли: «мы свое дѣло сдѣлали, теперь пусть дѣлаютъ другіе, а намъ нужно отдохнуть, пополнить свои ряды и привести себя въ порядокъ». Эти требованія подкрѣплялись иногда угрозами даже уйти съ позиціи, не дожидаясь смѣны. А *4-я Финляндская дивизія* (13, 14, 15 и 16 полки) эту угрозу привела въ исполненіе, вслѣдствіе чего пришлось растягивать для закрытія этой дыры на фронтѣ сосѣднія части, двинуть изъ резерва Чехо-Словацкую бригаду, понесшую большія потери въ бояхъ 18 и 19 іюня.

Считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить беззавѣтный героизмъ Чехо-Словаковъ, дравшихся, какъ львы, вынесшихъ на себѣ главную тяжесть боя при занятіи сильно укрѣпленной австрійцами высоты «Могила» и взявшихъ болѣе 3000 плѣнныхъ и 15 орудій.

Нѣкоторыя изъ частей, требовавшихъ отвода въ тылъ, имѣли для этого всѣ основанія. Такъ напримѣръ *151 пѣхотная дивизія*, доблестно учавствовавшая въ бояхъ 18, 19 и 23 іюня, потеряла выбившими изъ строя до 70% своего состава, а въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось 10-15 штыковъ. Конечно такую дивизію необходимо было сохранить, т. к. доводить ее до полной потери боеспособности и истощенія кадровъ являлось бы крайне нецѣле-

сообразнымъ. Эта дивизія немедленно была смѣнена послѣ сообщенія Командарму помощникомъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО дѣйствительнаго положенія дивизіи.

Точно также *6 Финляндская стрѣлковая дивизія*, послѣ боевъ 18 — 19 іюня, въ которыхъ она геройски выполнила свою задачу, потеряла въ общемъ болѣе 50% своего состава и настоятельно требовала отвода ея въ тылъ на отдыхъ и для пополненія.

Однако на фронтѣ создалось такое положеніе, что удовлетворить подобныя требованія можно было только цѣною отказа отъ активныхъ операцій и предоставленіемъ иниціативы противнику. Такъ, *82 пѣхотная дивизія*, при удовлетвореніи требованія 6 Финляндской, оставалась бы безъ всякаго резерва, что разумѣется лишало ее оперативной свободы. Помощнику комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО пришлось ѣхать въ эту дивизію съ задачей убѣдить отказаться отъ этого требованія, хотя на нѣсколько ближайшихъ дней. Предъявлять къ дивизіи требованіе было невозможно, какъ по неимѣнію средствъ принудить ее исполнить требованіе въ случаѣ отказа съ ея стороны, такъ и потому, что дивизія дѣйствительно нуждалась въ отводѣ въ тылъ, для нѣкотораго, хотя бы кратковременнаго отдыха и пополненія. А. М. ЧЕКОТИЛО такъ и подошелъ къ вопросу и, когда бесѣдовалъ съ полками онъ заявилъ имъ прямо: «мы отъ Васъ ничего не требуемъ, такъ какъ Вамъ безусловно нужно дать отдыхъ, но положеніе сейчасъ такое, что Васъ некѣмъ замѣнить. Вашъ уходъ явится большимъ ударомъ для хода операціи. Поэтому именемъ Временнаго Правительства и С. Р. и С. Д. прошу Васъ остаться на мѣстѣ». 21 и 22 Финляндскіе стрѣлковые полки единогласно согласились на это. Изъ 23-го полка, понесшаго большія потери (болѣе 60%) согласилось около ¼. И только 24 полкъ категорически отказался отъ поддержки товарищей. Нѣкоторымъ оправданіемъ ему можетъ служить лишь то обстоятельство, что полкъ потерялъ около 70% своего состава и лучшіе элементы полка были выбиты въ бояхъ 18-19 іюня, вслѣдствіе чего шкурники оказались въ большинствѣ, тогда какъ до боевъ они не имѣли значенія и полкъ считался по праву лучшимъ въ дивизіи.

Требовали отдыха также *2-я Финляндская, 152, 35, 2 Гвардейская дивизіи*, словомъ большая часть войскъ ударной групы. Весьма значительную роль въ этомъ процессѣ тяготѣнія въ тылъ сыграла непрекращавшаяся ни на минуту большевистская агитація, разрушавшая и безъ того слабую, почти призрачную дисциплину и сознаніе своего долга.

Во всѣхъ этихъ конфликтахъ, также какъ и въ тѣхъ, которые улаживались членами армейскаго комитета, бросалось въ глаза прежде всего невозможное положеніе офицерскаго состава, безсильнаго, непризнаваемаго солдатами, третируемаго ими и лишеннаго возможности реализировать свои полномочія. При большой отвѣтственности, офицерство оказалось лишеннымъ правъ не только командныхъ, но зачастую и многихъ гражданскихъ, какъ напр. свободы слова. Всякій призывъ съ ихъ стороны къ солдатамъ къ исполненію своихъ обязанностей, вообще все, что шло въ разрѣзъ съ инстинктами и пожеланіями шкурныхъ элементовъ арміи, встрѣчается послѣдними рѣзко враждебно, причемъ нерѣдко раздавались угрозы расправы оружіемъ. И это были не пустыя угрозы. Такое положеніе сильно затрудняло вообще созданіе новой революціонной дисциплины и исключало возможность имѣть въ арміи тотъ сложный и правильно дѣйствующій механизмъ, какимъ она должна являться. Но стоило кому либо изъ офицеровъ принять большевистскую окраску или просто потакать шкурникамъ, что бы онъ быстро дѣлался вождемъ массы. Но только до перваго противорѣчія ей. Достаточно такому вождю призывать солдатъ къ исполненію долга, хотя бы въ исключительномъ случаѣ, чтобы по его адресу вообще посыпались самые рѣзкіе упреки, обвиненія въ продажности (съ легкой руки «большевиковъ», обвиняющихъ министровъ-соціалистовъ и С. Р. и С. Д. въ подкупности, этотъ способъ опорачиванія своихъ противниковъ очень привился въ арміи).

Конечно, не вездѣ къ офицерамъ такое отношеніе, но во всякомъ случаѣ оно господствующее. Послѣ боевъ 18 — 19 и 23 іюня оно немного улучшилось, т. к. офицеры съ легендарной отвагой шли впереди солдатъ, подавая примѣръ храбрости и неустрашимости и этимъ заставили относиться солдатъ къ нимъ съ большимъ уваженіемъ. Но это мало измѣнило общее незавидное положеніе офицерства въ арміи.

При разрѣшеніи описанныхъ конфликтовъ, мы попутно выполняли и общеполитическую работу, направленную на поднятіе сознательности массъ, пробужденія въ нихъ чувства гражданственности и пониманія своего долга передъ революціей, необходимости наступленія; наша работа въ этомъ направленіи совпадала и согласовалась съ дѣятельностью выборныхъ солдатскихъ организацій, изъ которыхъ особенно значительную работу выполнилъ армейскій комитетъ.

Въ результатѣ этой работы, въ арміи, къ началу наступленія, создалось въ общемъ удовлетворительное, можно сказать, даже хорошее настроеніе.

Дезорганизующіе армію элементы встрѣтили достаточно сильное противодѣйствіе и почти всѣ части войскъ, участвовавшія въ наступленіи 18 — 19 іюня, шли въ бой съ энтузіазмомъ. Помимо ряда выступленій съ рѣчами въ полкахъ, нами, совмѣстно съ комиссаріатомъ 7-й арміи и тов. СТАНКЕВИЧЕМЪ было выпущено передъ началомъ наступленія воззваніе.

Передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій фронтовой и армейскій комитеты и делегація черноморцевъ послали своихъ представителей въ полки ударной групы съ цѣлью ободрить войска, подтвердить своимъ участіемъ въ бояхъ необходимость и цѣлесообразность наступленія, а также являться примѣромъ мужества, сознательнаго исполненія долга и подчиненія боевымъ приказамъ командnаго состава. Эти представители сыграли очень большую роль въ происшедшихъ бояхъ, причемъ три члена армейскаго комитета были убиты, два члена армейскаго комитета и нѣсколько черноморцевъ были ранены. Мы съ своей стороны вмѣстѣ съ Тов. СТАНКЕВИЧЕМЪ обходили передъ боемъ окопы и передавали солдатамъ привѣтствіе отъ имени Исп. Ком. С. Р. и С. Д. и во время боя находились на наблюдательныхъ пунктахъ.

Удача наступленія 18 — 19 іюня сильно подорвала вліяніе «большевистской» агитаціи. Но, къ сожалѣнію, не надолго.

Порывъ воодушевленія, поддержанный удачей, началъ постепенно угасать, подтачиваемый, съ одной стороны, агитаціей темныхъ элементовъ арміи, выступающихъ подъ фирмой большевизма, а съ другой — сознаніемъ массы своей безотвѣтственности и безнаказанности. Неудивительно поэтому, что дезорганизаторскія теченія не умерли и вновь подняли голову. Малоуспѣшный въ общемъ, по винѣ главнымъ образомъ гвардіи, бой 23 іюня, далъ сильный толчекъ въ этомъ направленіи, деморализовавъ рядъ полковъ и подорвавъ, съ такимъ трудомъ налаживавшееся, довѣріе къ командному составу.

Стало несомнѣннымъ, что поддерживать дисциплину и порядокъ въ арміи одними лишь мѣрами нравственнаго воздѣйствія невозможно.

Конечно, нельзя сказать, что въ солдатской массѣ нѣтъ вовсе правового сознанія, нѣтъ пониманія своихъ обязанностей, чувства отвѣтственности. Одна возможность наступленія и сохраненія въ цѣлости арміи послѣ переворота доказываютъ противное. Все это есть, но находится въ состояніи

неустойчиваго равновѣсія. Новыя правовыя отношенія не выкристаллизовались въ юридическихъ и судебныхъ нормахъ, не вошли въ сознаніе массъ конкретно. *Масса не знаетъ что можно и что нельзя и въ понятіи очень многихъ ея представителей, свобода часто смѣшивается съ полнымъ своевольствомъ.* Этимъ объясняется большинство непорядковъ въ арміи.

Одной изъ основныхъ настоятельнѣйшихъ задачъ текущаго момента — выясненіе и укрѣпленіе въ солдатскихъ массахъ идей права и законности. Революціонная власть должна проявляться во всѣхъ областяхъ солдатской жизни, нормировать и опредѣлять общественно-политическія ея стороны, а не отсутствовать, предоставляя массу самое себѣ или демагогамъ, провокаторамъ, шкурникамъ и германскимъ агентамъ, творящимъ дѣло разрушенія арміи.

Организація ротныхъ, полковыхъ, корпусныхъ и военно-окружныхъ судовъ стоитъ на очереди дня, какъ безотлагательная задача; къ фактическому проведенію ея въ жизнь и направляются наши усилія. Этотъ вопросъ былъ вынесенъ комиссаромъ И. И. КИРІЕНКО и нѣкоторыми членами фронтового комитета на собраніи, состоявшемся въ концѣ іюня въ Каменецъ-Подольскѣ. Фронтовый комитетъ рѣшилъ принять самыя энергичныя мѣры къ скорѣйшей организаціи судовъ и разъясненію солдатамъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности.

Въ арміи приходится слышать очень много нареканій на систему полковыхъ и ротныхъ судовъ. Страшитъ названіе «дисциплинарный», указывается на большую роль, отведенную въ этихъ судахъ офицерамъ, и т. д. Недостатки судовъ извѣстны, — полагаемъ, что Всероссійскій Съѣздъ С. Р. и С. Д. достаточно полно ихъ освѣтилъ и, надо думать, что уставъ о нихъ будетъ надлежащимъ образомъ исправленъ. Ссылаясь же на эти недостатки, солдатскія организаціи не находятъ возможнымъ вводить ротные и полковые суды, опасаясь сильной оппозиціи со стороны массъ, и армія остается совершенно безъ судовъ. Мы полагаемъ, что эта ссылка неосновательна, что подъ оппозиціей массъ скрывается «большевистская» непріязнь ко всякому вообще суду, нежеланіе вообще нести отвѣтственность за свои поступки и правонарушенія. Эту боязнь необходимо преодолѣть и ввести въ жизнь идеи права и законности, заставить солдатскую массу воспринять опредѣленную систему правъ и обязанностей передъ родиной.

Особенно большое значеніе въ этомъ отношеніи могутъ имѣть корпусные и военно-окружные суды, вѣдѣнію которыхъ будутъ подлежать всѣ наиболѣе

значительные проступки противъ дисциплины. Дѣло борьбы съ анархіей, дезорганизаціей будетъ поставлено на прочную почву лишь тогда, когда оно будетъ систематическимъ и опирающимся на постоянно дѣйствующій институтъ судебной власти. Принимаемыя комиссарами и солдатскими организаціями мѣры въ видѣ расформированія частей и арестовъ лицъ, неисполняющихъ приказанія, являются въ сущности, полумѣрами. Правда, онѣ производятъ сильныя впечатлѣнія, какъ на тѣ части, къ которымъ примѣняются эти мѣры, такъ и на окружающихъ, — въ арміи укрѣпляются идеи дисциплины и права.*) Но такія мѣры примѣняются лишь въ исключительныхъ случаяхъ, менѣе же значительные факты нарушенія дисциплины сплошь и рядомъ остаются безнаказанными и даже часто незамѣченными. Необходимо, чтобы такія мѣры, оставаясь чрезвычайными, только для исключительныхъ моментовъ, дополнялись правильно и постоянно дѣйствующимъ институтомъ суда.

Въ жизни армій и дѣятельности солдатскихъ организацій необходимо отмѣтить еще одну весьма существенную особенность — *это оторванность, какъ солдатскихъ массъ, такъ и ея выборныхъ организацій отъ Всероссійскихъ Съѣздовъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.* Къ голосу ихъ прислушиваются, съ постановленіями ихъ считаются, авторитетъ ихъ великъ. Но нѣтъ сознанія чувства, что это — ихъ собственные органы, что они съ этими органами крѣпко связаны. Сплошь и рядомъ очень важные вопросы обсуждаются и рѣшаются совершенно независимо отъ рѣшеній совѣтовъ. Такая оторванность отъ Всероссійскихъ органовъ революціонной демократіи, обусловливается, съ одной стороны, общей нашей отсталостью и непривычкой къ общественной жизни. а съ другой — инертностью самихъ совѣтовъ и беззаботностью насчетъ упроченія и усиленія своего вліянія. Армія наводнена «Правдами» всѣхъ видовъ, тогда какъ «Извѣстія С. Р. и С. Д.», «Голосъ Солдата», такъ же какъ и «Извѣстія Кр. Д.» можно найти съ большимъ трудомъ даже въ такихъ значительныхъ тыловыхъ центрахъ, какъ Тарнополь, Вишневецъ, Кременецъ. Агитаторовъ большевиковъ въ арміи туча, тогда какъ представители Совѣтовъ являются здѣсь очень рѣдкими голосами. Естественно, что солдаты не знаютъ, не слышатъ голоса Совѣтовъ, что любому демагогу такъ легко извратить его въ своихъ

*) Такъ въ дѣлѣ ликвидаціи конфликтовъ въ XI арміи несомнѣнно очень благопріятно отразились произведенныя комиссаромъ 7 арміи Савинковымъ расформированія частей войскъ, отказавшихся отъ повиновенія.

Прапорщ. Крыленко (тов. Абрамъ)
(по сов. юбил. фотогр. 1917–18 гг.)

Бывшій поручикъ Л.-Гв. Гренад. полка Дзевалтовскій.

Офицеры до митинга.

... Во всѣхъ конфликтахъ бросалось въ глаза прежде всего невозможное положеніе офицерскаго состава, безсильнаго, непризнаваемаго солдатами третируемаго ими и лишеннаго возможности реализовать свои полномочія. При большой отвѣтственности, офицерство оказалось лишеннымъ правъ не только командныхъ, но зачастую и многихъ гражданскихъ...

Офицеры во время митинга, на которомъ солдаты призывались къ недовѣрію имъ — «старымъ слугамъ царскаго режима и приспѣшникамъ буржуазіи».

... Нервное, измученное, сѣровато-желтое, безъ признаковъ какой бы то ни было растительности лицо, мутные глаза... таково было первое впечатлѣніе произведенное «премьеромъ»...

... Обходъ кончился... далеко растянувшаяся свита начала подтягиваться»...

Къ ст. „А. Керенскій въ арміи ген. Деникина".

Къ оружію—Граждане!

(Le Rire) (Paris)

Керенскій—душа русской революціи.

(По замыслу франц. худ. К. Ленарда—это не каррикатура, но плакатъ. Тѣмъ не менѣе, *жизнь* сдѣлала изъ него злую каррикатуру).

„Среди непосредственно слѣдующихъ за Керенскимъ, общее вниманіе привлекала сумрачная фигура генерала съ двумя Георгіевскими крестами"...

„Товарищи, взгляните на это красное знамя"!...

цѣляхъ и даже прикрыться ихъ авторитетомъ. Понятно само собою, насколько такое положеніе способствуетъ росту въ арміи дезорганизаторскихъ теченій и затрудняетъ борьбу съ ними. Необходимо принять самыя энергичныя мѣры къ наиболѣе широкому и полному распространенію идей и взглядовъ С. Р. и С. Д., ихъ постановленій. Необходимо затопить армію «Извѣстіями», «Голосомъ Солдата» и вообще всей той литературой, которая отражаетъ взгляды Совѣтовъ по вопросамъ момента, по основнымъ вопросамъ революціи. Необходимо направить въ армію тучу агитаторовъ и особенное вниманіе обратить на запасные полки и батальоны, посылающіе въ армію пополненія. Въ этомъ вопросѣ ни передъ трудностями, ни передъ затратами останавливаться нельзя.

По нашему почину и по почину фронтоваго комитета дѣлаются попытки помочь этому горю, но они не дали пока, къ сожалѣнію, осязательныхъ результатовъ, такъ какъ нѣтъ возможности посвятить этому дѣлу достаточно силъ, времени и средствъ. Обязанность иногороднаго отдѣла — поставить массовую доставку литературы на должную высоту. Цѣлесообразно было бы для этого воспользоваться въ раіонѣ армій Юго-Западнаго фронта средствами транспорта «Кіевской Мысли», поставленнаго этой газетой превосходно: она всюду и вездѣ въ арміи. Соглашеніе здѣсь вполнѣ возможно.

Фронтовый и армейскій комитеты издаютъ свои газеты. Онѣ небольшого формата, выходятъ въ небольшихъ количествахъ и не пользуются большимъ вліяніемъ. Замѣнить Петроградскія газеты онѣ, конечно, не могутъ.

Кромѣ періодическихъ изданій солдатская масса нуждается вообще въ литературѣ, не только политическаго содержанія, но и беллетристической.

Для солдатъ, побывавшихъ въ бою и ушедшихъ въ тылъ на отдыхъ, предполагается устроить лекціи, спектакли, кинематографическіе сеансы и проч. разумныя развлеченія. Считаемъ, что такія мѣропріятія благотворно должны дѣйствовать на психику и настроеніе солдатъ. Но недостатокъ культурныхъ силъ мѣшаетъ широко поставить это дѣло. Безъ помощи Иногороднаго отдѣла и здѣсь трудно расчитывать на успѣхъ. Вообще необходимо Иногороднему отдѣлу самымъ широкимъ образомъ придти на помощь арміи, хотя бы въ тѣхъ областяхъ, которыя нами отмѣчены.

Насколько же мало въ этомъ отношеніи имъ дѣлается видно хотя бы изъ того, что мы оказались совершенно оторванными отъ Петрограда. Ни одинъ циркуляръ, ни одинъ приказъ, ни одно распоряженіе Временнаго Правительства, ни одно постановленіе Всероссійскаго Съѣзда С. Р. и С. Д.

БИБЛІОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ОРДЕНА СОЦ. Инв. №

намъ не сообщалось. Обо всемъ мы узнавали только изъ газетъ, причемъ недѣлями мы не имѣли возможности достать Извѣстія С. Р. и С. Д. А вѣдь мы являемся представителями Совѣта.

Въ заключеніе необходимо указать на крайне недостаточный количественный составъ комиссаріата въ XI -й арміи: насъ всего двое. Третій помощникъ комиссара Л. И. ЮРОВСКІЙ почему то не прибылъ. Между тѣмъ XI-я армія очень велика по объему, занимаетъ по фронту около 150 верстъ и сильно заражена большевизмомъ самаго сквернаго качества. Работы здѣсь неизмѣримое количество и очень было бы нужно усилить комиссаріатъ XI-й арміи еще хотя бы 2—3 помощниками. Здѣсь ихъ вербовать не удается.

Комиссаръ XI-й арміи И. КИРІЕНКО.

Помощникъ комиссара XI-й арміи А. ЧЕКОТИЛО

А. КЕРЕНСКІЙ ВЪ АРМІИ ГЕНЕР. ДЕНИКИНА.

XX-й к-съ.

По широкой песчано-пыльной дорогѣ, пролегающей по невысокимъ холмамъ и небольшимъ перелѣскамъ, — тянется длинная сѣрая лента сѣрыхъ людей... за ней въ разстояніи около полуверсты видна вторая... еще далѣе — третья... — Это полки *** пѣх. дивизіи идутъ на смотръ и очередное «уговариваніе», которое назначено сегодня для нихъ по расписанію изъ Петрограда.

Іюльское солнце, казалось, рѣшило сжечь все живое на землѣ... На фронтѣ тяжело бухаетъ артиллерія... Далеко, далеко на горизонтѣ виднѣется рядъ нашихъ и нѣмецкихъ «колбасъ» — послѣдніе, несмотря на дальность разстоянія, съумѣли высмотрѣть двигающіеся сѣрыя массы и, повидимому, сообщить куда слѣдуетъ, о чемъ своєвременно извѣстили насъ хлесткіе выстрѣлы противо-аэропланныхъ батарей, встрѣчающихъ непрошеннаго нѣмецкаго гостя — движущіяся колонны прижались къ лѣсистой сторонѣ дороги.

Второй часъ... Солдаты, находившіеся въ пути уже болѣе двухъ часовъ, устали и шли неохотно; порою какой нибудь озорникъ кричалъ «стой» и уставшіе солдаты моментально бросались на-земь — новое движеніе встрѣчалось враждебно и съ ругательствами; порой изъ колонны отдѣлялись группы въ пять, десять и болѣе человѣкъ, уходили въ лѣсъ и болѣе не возвращались; тамъ, въ тѣнистой прохладной глубинѣ, одни изъ нихъ зарывались въ мягкую бархатную зелень травы и, сразу избавившись отъ всякихъ походовъ и смотровъ, засыпали богатырскимъ сномъ; другіе, — въ комъ страсть къ бродяжеству брала верхъ надъ усталостью, отправлялись на поиски ягодъ, грибовъ, какихъ то вкусныхъ лѣсныхъ корешковъ, а то и просто слонялись безъ толку въ лѣсной гущѣ...

Далеко впереди, въ клубахъ пыли, навстрѣчу идущей колоннѣ показался штабной автомобиль... «Товарищи, не давать дороги!» — несутся изъ рядовъ крики и, сомкнувшись плечомъ къ плечу, колонна шла вызывающе

дерзкой сплошной массой. Тщетно шоффер̀ъ подавалъ тревожные гудки, тщетно оглядывался во всѣ стороны—ища куда бы свернуть: солдаты дороги не уступали, глубокіе канавы и вырубленный лѣсъ по обѣимъ сторонамъ пути грозили катастрофой. Тогда съ рѣшимостью отчаянья, увеличивъ скорость до крайняго предѣла, шоффер̀ъ направилъ автомобиль прямо въ середину колонны: расчетъ былъ вполнѣ правильный — масса дрогнула и, какъ бы разрѣзанная невидимой рукой, раскололась на двѣ части. Какъ стрѣла влетѣлъ автомобиль въ образовавшійся проходъ и мелькнувъ въ глазахъ испуганныхъ солдатъ, понесся дальше, сопровождаемый свистомъ, гиканьемъ, бѣшеннымъ улюлюканьемъ и дикими ругательствами; изъ хвоста колонны раздался одиночный выстрѣлъ, но автомобиль былъ уже далеко...

Вскорѣ снова раздались крики «стой» и колонна опять остановилась: въ центрѣ ея замѣтно было какое то движеніе, суета, шумъ и крики; инстинктивно всѣ направились туда и образовали сплошную, любопытную и чего то ожидающую толпу... А изъ центра колонны, съ импровизированной трибуны: высокаго пня,—браваго вида унтер̀ъ офицер̀ъ держалъ уже рѣчь: «товарищи никакого Керенскаго не будетъ, онъ сейчасъ въ Петроградѣ на засѣданіи; это просто начальство нашло подходящаго подъ Керенскаго, чтобы заставить насъ наступать и чтобы нашу демократію нѣмцы побили какъ можно больше; пусть намъ начальство покажетъ телеграмму за собственной подписью Керенскаго, что онъ ѣдетъ — тогда мы пойдемъ на него посмотрѣть и поговорить» и т. д....

Толпа заволновалась: «а вотъ мы посмотримъ. — ежели Керенскаго не будетъ, тогда»...

«Плохо будетъ тогда»,—подумалъ я, глядя на эти угрюмыя озлобленныя лица, — «если Керенскій отложитъ свой пріѣздъ или совсѣмъ не пріѣдетъ».

Бросились комитеты, бросились офицеры, кое какъ наладили порядокъ и колонна, во образѣ безпорядочной толпы, двинулась дальше...

На большой прогалинѣ густого лѣса стоятъ, сидятъ, ходятъ и лежатъ группы вооруженныхъ солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ взобрались на высокія сосны, чтобы лучше наблюдать картину «парада».

Трудно, почти невозможно, водворить здѣсь какой нибудь порядокъ и напрасно «командующій парадомъ» генералъ Э-дъ пытается это сдѣлать, бѣгая по заколдованному четыреугольнику: едва только выравнивалась одна сторона, какъ остальныя три представляли собою уже хаосъ; генералъ

бросался со всѣхъ ногъ туда — моментально расползалась во всѣ стороны первая... Бѣдный старикъ охрипъ и шатался отъ усталости, но старая военная привычка: «не ударить лицомъ въ грязь» заставляла его вновь бѣгать, и кричать, и приказывать, и просить, и даже, для большей убѣдительности, называть солдатъ: «товарищи»; послѣ этого, обыкновенно, онъ тихо бормоталъ еще какихъ то два-три таинственныхъ слова...

А тутъ новое осложненіе: уже второй часъ — въ три часа пріѣдетъ Керенскій, а еще нѣтъ трехъ полковъ...

Между тѣмъ начали прибывать многочисленныя делегаціи — каждая изъ нихъ хотѣла привѣтствовать «военмина» въ первую очередь, и каждая претендовала въ этомъ смыслѣ на лучшее мѣсто, и всѣ они окружили генерала, и всѣ одновременно спрашивали, гдѣ и когда удобнѣе выступить съ привѣтствіемъ, и что имъ дѣлать въ томъ или иномъ положеніи парада, и какъ каждому изъ нихъ держать себя въ этомъ случаѣ — генералъ въ отчаяньи махнулъ рукой: «размѣщайте Вы ихъ», обратился онъ къ начальнику штаба — «а съ меня довольно и товарищей солдатъ».

На общемъ фонѣ этого хаоса, отрадную картину представлялъ собою батальонъ смерти, подошедшій въ полномъ порядкѣ и стройными рядами остановившійся среди сидящихъ и лежащихъ солдатъ.

Гдѣ то далеко послышался какой то неясный гулъ, вскорѣ раздались громкіе голоса, сильный трескъ сучьевъ и, наконецъ, показались головы запоздалыхъ полковъ...

Генералъ вновь принялся за водвореніе порядка...

Два часа — «военнаго министра» еще нѣтъ... Еще полчаса проходитъ въ томительномъ ожиданіи и... наконецъ, послышался давно желанный шумъ мотора . Солдаты насторожились, раздалась команда — «стать въ порядокъ» и, къ моменту подхода автомобиля, порядокъ, повидимому, былъ возстановленъ.

Но въ автомобилѣ оказался... командиръ корпуса. Это былъ типичный «перекрасившійся» генералъ, блестящій кандидатъ въ «революціонные генералы», одинъ изъ тѣхъ — кои , потерявъ «твердый курсъ», начали заигрывать съ солдатами и лебезить передъ различными революціонными представителями; къ офицерамъ они относились попрежнему строго и свысока и любили читать имъ нравоученія, особенно въ присутствіи солдатъ: «надо господа воспринять духовно смыслъ революціи»... чѣмъ и безъ того ухудшали тяжелое положеніе офицерскаго состава.

Будучи при царскомъ правительствѣ за что то (а можетъ быть и ни за что — раньше вѣдь и это бывало) отчисленъ въ резервъ, генералъ этотъ болѣе года не получалъ никакихъ назначеній; революція застала его не у дѣлъ, тогда придя къ убѣжденію, что прежняго бояться нечего, ибо къ прежнему, повидимому, возврата нѣтъ, онъ выступилъ съ нелѣпымъ проектомъ обогащенія страны путемъ пропорціональнаго вознагражденія за все время войны демобилизованныхъ солдатъ, что и было имъ изложено въ весьма и весьма почтительной формѣ въ письмѣ къ Керенскому («Высокопочитаемый, Всеславнѣйшій и Достоуважаемый Александръ Федоровичъ»... — такъ начиналось это письмо).

Проектъ не былъ принятъ и страна не обогатилась, но о генералѣ вспомнили, какъ о жертвѣ стараго режима, и дали ему... корпусъ.

«Парадъ смирно!... равненіе... г. г. офицеры»!...

Молодцевато выскочивъ изъ автомобиля и дѣлая видъ, что все въ полномъ порядкѣ и все обстоитъ благополучно, командиръ корпуса принялъ

А. Керенскій въ иностранной каррикатурѣ.

Wahre Jacob

Народный Вождь.

Искушеніе.

Stuttgart

Диктаторъ.

рапортъ командующаго парадомъ, громко поздоровался съ солдатами, похвалилъ ихъ за «отличную» стойку и сдѣлалъ попытку обойти фронтъ; но отсутствіе видимости чего нибудь похожаго на фронтъ, недружный переливчатый отвѣтъ на его привѣтствіе и явный безпорядокъ въ тылу, сразу

охладили его пылъ и крикнувъ «стоять вольно»—и безъ того довольно вольно стоявшимъ солдатамъ, онъ отошелъ въ сторону съ начальникомъ дивизіи.

Только около четырехъ часовъ вновь раздался шумъ и гудки нѣсколькихъ автомобилей — не было сомнѣній: ѣдетъ самъ Керенскій.

Картина рѣзко измѣнилась: все задвигалось, засуетилось и черезъ двѣ-три минуты, къ удивленію всѣхъ, какъ будто воцарился порядокъ; но опытный военный глазъ сразу замѣтилъ бы и ломанную линію фронта, и неправильные дистанціи и интервалы, и распущенные пояса съ болтающимися гдѣ то на боку поясными бляхами, и впопыхахъ незастегнутыя рубахи — словомъ все то, что напоминаетъ уже не военный строй, не организованную массу, а... ну хотя бы новобранцевъ, наскоро подученныхъ и наспѣхъ поставленныхъ...

Шумъ автомобилей вскорѣ прекратился; вновь раздалась команда: «смирно», и «слушай на краулъ», — черезъ мгновенье одна изъ ломанныхъ сторонъ прямоугольника зашевелилась, сломалась, затѣмъ раздвинулась и въ образовавшемся проходѣ показался Керенскій, сопровождаемый группой генераловъ и странной, довольно своеобразной, свитой; нѣсколько выше средняго роста, слегка наклонившись впередъ, въ коричневой походной рубахѣ, примятой фуражкѣ, неряшливо повязанныхъ обмоткахъ... Нервное, измученное, сѣровато-желтое, безъ признаковъ какой бы то ни было растительности лицо, мутные глаза и до невозможности торопливая походка — таково было первое впечатлѣніе произведенное «премьеромъ».

Гремятъ оркестры... неумѣло принимаетъ военный министръ рапортъ... глаза солдатъ впиваются въ эту быстро движующуюся группу военныхъ и штатскихъ людей, стараясь разглядѣть — кто же изъ нихъ министръ, но даже и для привычнаго глаза трудно сразу оріентироваться въ этомъ калейдоскопѣ.

Среди лицъ, непосредственно слѣдующихъ за Керенскимъ, общее вниманіе привлекала сумрачная фигура генерала съ двумя Георгіевскими крестами; сурово нахмуренныя брови, черные съ легкой просѣдью усы, остроконечная сѣдая бородка, надѣтая лихо набекрень фуражка и до безукоризненности, правильное держаніе руки «подъ козырекъ» — таковъ былъ внѣшній обликъ генерала.

Въ то время, какъ «свита» сильно растянулась, не поспѣвая за бѣглымъ шагомъ премьера, генералъ ни на шагъ не отставалъ отъ него, хотя было замѣтно, что это не легко ему дается; но не потому что его возрастъ или

силы не позволяли ему это—нѣтъ: генералъ былъ еще слишкомъ бодръ—а потому, что во всей его фигурѣ было то спокойствіе, та уравновѣшенность и солидность человѣка съ большимъ жизненнымъ опытомъ, вполнѣ понимающаго смыслъ совершающихся событій и отдающаго себѣ въ нихъ отчетъ, которыя дѣлали неестественнымъ для него всякія излишне нервныя и торопливыя движенія.

Строгіе глаза изъ-подъ суровыхъ бровей испытующе оглядывали стоявшихъ и сидѣвшихъ солдатъ и... одинъ Богъ знаетъ, что стоило ему пережить и всѣ эти революціонныя событія, и этотъ единственный въ своемъ родѣ «парадъ», и многое другое, чему онъ былъ свидѣтелемъ; но ничѣмъ за все время не выдалъ онъ себя и только лишь иногда легкое дрожаніе усовъ, большее или меньшее нахмуриваніе бровей да временами бросаемый изъ подлобья убійственно-иронической взглядъ въ сторону «свиты» — показывали смѣну его настроеній. Это былъ генералъ Деникинъ — главнокомандующій западнымъ фронтомъ. «Деникинъ»—шопотомъ передавали офицеры корпуса, почти всѣ состоявшіе въ Союзѣ Офицеровъ — «Деникинъ, тотъ который»... и тутъ уже вина, въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, легла на офицеровъ, старавшихся продвинуться впередъ... Да, это былъ Деникинъ... тотъ, который на съѣздѣ офицеровъ въ Ставкѣ всколыхнулъ все офицерство своей простой, безъискусственной рѣчью; — одинъ изъ тѣхъ, которые долгъ службы и честь Родины ставятъ выше революціонной карьеры и которые въ самыя тягчайшія минуты совершающихся событій не потеряли «твердаго курса»...

Между тѣмъ обходъ или вѣрнѣе, бѣгъ по фронту продолжался: «здрасте товарищи, здрасте товарищи»—скороговоркой привѣтствовалъ солдатъ Керенскій и едва только они, послѣ обычной въ этомъ случаѣ паузы—собирались отвѣтить, какъ онъ уже оказывался шагахъ въ десяти впереди — весь ихъ порывъ пропадалъ и вдогонку ему неслись или отдѣльные выкрики, или же просто отвѣтъ сконфуженно замиралъ на серединѣ фразы...

Тамъ гдѣ прошелъ Керенскій—строя уже не было: стояли толпой въ нѣсколько линій, тылъ началъ расползаться, нѣкоторые вновь полѣзли на сосны...

А революціонный министръ торопливо здороваясь и еще болѣе торопливо шагая, заканчивалъ обходъ войскъ; скверныя минуты, повидимому, переживалъ онъ, да и, въ самомъ дѣлѣ,—развѣ это не трагизмъ: быть представителемъ политической партіи, которая не признаетъ ни арміи какъ таковой,

ни разрѣшенія международныхъ вопросовъ силой оружія, т. е. войны и въ тоже время вопреки теоретическимъ ученіямъ этой партіи, вопреки собственнымъ убѣжденіямъ, суровая практика жизни ставитъ его чуть ли не во главѣ этой вооруженной силы, заставляетъ его толкать эту силу въ бой и проповѣдывать идею войны, какъ единственное средство разрѣшенія вопроса...

Обходъ кончился... далеко растянувшаяся «свита» начала подтягиваться... Кстати нѣсколько словъ о «свитѣ» — кого здѣсь только не было?... Вотъ подходятъ высокія фигуры генерала Б-го и прапорщика гр. Т-го, за ними

А. Керенскій въ иностранной каррикатурѣ

Kladderadatsch *Berlin*

Военный энтузіазмъ согласно Потемкину

Агенство Рейтера изъ Петербурга сообщаетъ: Посѣщая фронтъ, Керенскій лично убѣждается, что военный энтузіазмъ революціонныхъ войскъ—на должной высотѣ.

торопливо шагаютъ представители иностранныхъ миссій, далѣе — живописная группа красавцевъ «земгусаръ», еще далѣе матросы, представители рабочихъ и крестьянъ, студенты съ волнистой шевелюрой и горбатыми носами, нѣсколько учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ, державшихся особенно важно и очень интересовавшихся вопросомъ: будетъ ли послѣ парада церемоніальный маршъ и какъ: съ ружьями «на плечо» или «на руку», —и много много другихъ неопредѣленнаго вида и типа лицъ...

На поляну выѣзжаетъ автомобиль — это подвижная трибуна министра, изъ которой будутъ нестись слова увѣщеваній и уговоровъ; автомобилю дальнѣйшій путь прегражденъ батареей фотографовъ, направившихъ свои аппараты на начальствующихъ лицъ — замѣтивъ ихъ генералъ Деникинъ вплотную прижался къ дереву... раздается характерный щелкъ... кончено, но аппараты вновь заряжены и снова готовы къ бою... Генералъ Деникинъ отходитъ далеко въ сторону.

Но и это, наконецъ, кончено. Огромный автомобиль съ царскими вензелями подъѣзжаетъ вплотную къ Керенскому, который вскакиваетъ въ него, снимаетъ фуражку и медленнымъ взоромъ обводитъ «столпившійся парадъ»... Постепенно все вокругъ смолкаетъ.

Я никогда раньше не видѣлъ и не слыхалъ Керенскаго, но уже по первымъ увѣреннымъ пріемамъ, по его манерѣ держаться, видно было, что передъ этой своеобразной аудиторіей стоитъ далеко незаурядный, знающій себѣ цѣну ораторъ, умѣющій, казалось, не только создавать настроеніе толпы, но и овладѣвать этимъ настроеніемъ, но... здѣсь вышло нѣсколько иначе.

«Товарищи»! — началъ министръ свою рѣчь и медленнымъ взглядомъ обвелъ двадцати тысячную массу столпившихся на полянѣ солдатъ.

«Товарищи-солдаты»! — повторилъ онъ спустя нѣсколько мгновеній и, когда шумъ окончательно смолкъ, продолжалъ: «изъ далекаго Петрограда, новой революціонной (подчеркнулъ онъ) столицы, прибылъ я къ Вамъ, чтобы передать Вамъ слова привѣтствія отъ Временнаго Правительства избраннаго Вами»...

«Покорнѣйше благодаримъ» — неувѣренно и нестройно понеслось изъ толпы солдатъ.

Сидя на пнѣ съ начальникомъ дивизіи, возлѣ автомобиля, я съ любопытствомъ наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ вокругъ: нѣкоторые изъ «сви-

ты» сидѣли устало понуривъ голову и курили, — видимо, къ подобнымъ картинамъ они уже достаточно приглядѣлись; другіе, не обращая вниманія на оратора, вполголоса бесѣдовали между собой; третьи... на лицахъ третьихъ, равнодушно прислонившихся къ деревьямъ и поминутно поглядывавшихъ на часы, можно было прочесть: да скоро ли это все окончится?..

Солдаты сидѣли вытянувъ шеи и жадно прислушиваясь словно ожидая услышать какое нибудь откровеніе; представитель Франціи — лейтенантъ Зиновій П-въ дѣлалъ отмѣтки въ своей записной книжкѣ; въ трехъ-пяти шагахъ отъ автомобиля, рѣзко бросалась въ глаза стоявшая неподвижно, словно изваяніе, вытянувшаяся во фронтъ фигура главнокомандующаго западнымъ фронтомъ; словно по командѣ мы съ начальникомъ дивизіи взглянули на эту суровую фигуру, потомъ другъ на друга... сдѣлалось какъ то неловко... не по себѣ, и мы... тоже встали; поднялись и другіе офицеры сидѣвшіе вблизи.

А Керенскій между тѣмъ продолжалъ:

«Насъ мучили, бросали въ тюрьмы, ссылали въ холодные страны, надъ нами издѣвались, но мы твердо вѣрили, что рано или поздно настанетъ часъ возмездія; мы горѣли на медленномъ огнѣ, многіе изъ насъ жизнью заплатили за тотъ радостный часъ, который мы съ Вами теперь переживаемъ»!..

Всю предыдущую тираду Керенскій произнесъ еле слышно, а слова«мы горѣли» и т. д. даже шопотомъ, и еще разъ я убѣдился, что это довольно крупный ораторъ: на открытомъ воздухѣ, передъ огромнымъ скопленіемъ людей, слова его, даже произнесенныя шопотомъ, явственно и отчетливо разносились по всей огромной полянѣ, долетая въ отдаленныя углы ея — а вѣдь и для опытнаго артиста дѣло это не легкое...

Но вотъ Керенскій оборвалъ свою рѣчь на полуфразѣ и, къ удивленію всѣхъ, буквально выбросился изъ автомобиля и ринулся въ толпу солдатъ; недоумѣвая что это значитъ — нѣкоторые изъ нихъ поспѣшно повставали и вытянулись, другіе торопливо повыхватывали «цыгарки» изо рта, третьи испуганно попятились, но Керенскій не обращалъ на нихъ вниманія: торопливо протискиваясь сквозь толпу, онъ выхватилъ у одного изъ солдатъ, ошалѣвшаго не то отъ страха, не то отъ неожиданности, шестъ съ краснымъ флагомъ и такимъ же порывистымъ торопливымъ движеніемъ очутился вновь въ автомобилѣ.

Генералъ Деникинъ нервно переступилъ съ ноги на ногу, усы его чуть-чуть дрогнули и... только.

И снова раздается въ неподвижномъ воздухѣ:

«Товарищи! Взгляните на это красное знамя — скоро оно взовьется надъ всѣмъ міромъ и тогда не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни знатныхъ, ни простолюдина, но для этого нужно съ Вашей стороны еще одно небольшое усиліе — Родина и Временное Правительство ждутъ отъ Васъ этого; вспомните, если Вы могли при царскомъ правительствѣ, безъ патроновъ, холодные, голодные, босые совершать—чудеса храбрости, если Вы могли тогда, подъ палками, одерживать побѣды (тутъ генералъ Деникинъ, казалось, вздрогнулъ), то неужели теперь... когда осуществляются міровые идеалы... неужели Вы, теперь, не дадите увѣренности Временному Правительству, что разъ начатое дѣло побѣды будетъ доведено до конца»...

Ко мнѣ подошелъ генер. Б-й, бывшій сослуживецъ по *** корпусу: «такъ вотъ мы ѣздимъ и говоримъ, говоримъ и ѣздимъ безъ конца, а толку никакого, да и не можетъ быть» — тихо прошепталъ онъ.

«Итакъ, товарищи»! — продолжалъ Керенскій — могу ли я передать Временному Правительству, что Вами безповоротно, до послѣдняго человѣка, рѣшено стать на защиту революціи, что Вы ляжете всѣ до одного, но не допустите возврата къ прошлому.?...

«Можете, передайте», раздался гулъ голосовъ.

«Могу ли я завѣрить Вашего главнокомандующаго, могу ли я дать ему слово, что Вы всѣ, какъ одинъ, пойдете туда куда онъ Васъ поведетъ»? При этихъ словахъ генералъ Деникинъ нѣсколько отдѣлился отъ церева и какъ бы насторожился...

«Можно, передавайте, пойдемъ»... — снова понеслось въ отвѣтъ, но уже какъ будто меньше увѣренности было въ этомъ отвѣтѣ и волна голосовъ какъ будто была болѣе жидкой.

«Генералъ»! — повернувшись лицомъ къ Деникину, продолжалъ Керенскій, — «я Вамъ даю слово, что по первому Вашему приказу, всѣ Ваши солдаты пойдутъ за Вами куда бы Вы ихъ не повели для защиты Родины и революціи», — и съ этими словами Керенскій протянулъ генералу Деникину руку.

Уже при первыхъ словахъ обращенія къ нему, генералъ Деникинъ еще болѣе выпрямился и увидя протянутую изъ автомобиля руку министра, началъ медленно и спокойно подходить къ автомобилю, безукоризненно держа «подъ козырекъ», а Керенскій... продолжалъ стоять съ протянутой

рукой; на мгновенье близь стояшіе испытали нѣкоторое чувство неловкости; испыталъ это повидимому и самъ Керенскій и что бы скрыть его и сократить коварную паузу, онъ быстро повернулся къ солдатамъ: «такъ вѣдь я говорю товарищи»?

«Такъ, такъ», загудѣли передніе и только гдѣ то въ сторонѣ раздались протестующіе голоса и замѣтно было какое то движеніе скоро, впрочемъ, потонувшее въ общемъ гулѣ.

Медленно, словно насильно разгибаясь, отдѣлилась рука генерала Деникина отъ козырька и соединилась съ вновь протянутой рукой Керенскаго, послѣ чего генералъ Деникинъ отошелъ на свое прежнее мѣсто — къ дереву и опять замеръ въ неподвижности.

Повидимому Керенскій хотѣлъ еще продолжить свою рѣчь, но посмотрѣвъ на часы, онъ скороговоркой что то сказалъ подошедшему одному изъ

А. Керенскій въ иностранной каррикатурѣ

Jugend *Munich*

Великій Боже! Я не долженъ упасть!..

своихъ «свитскихъ» затѣмъ, опять выпрыгнулъ изъ автомобиля, протиснулся сквозь толпу солдатъ и... скрылся изъ виду; за нимъ тяжело пыхтя и переваливаясь съ кочки на кочку, прослѣдовалъ автомобиль, вдогонку бросилась «свита» и, черезъ минуту, оставшіеся узнали, что премьеръ уѣхалъ уговаривать сосѣдній корпусъ.

Медленно стали расходиться собравшіеся части, лишь въ протестующей сторонѣ видны были оставшіеся кружки, неслись рѣчи отдѣльныхъ ораторовъ слышны были угрожающіе возгласы...

На ст. Залѣсье тишина... постепенно надвигаются лѣтніе сумерки... стрѣльба на фронтѣ стихаетъ...

По полотну желѣзной дороги прогуливаются рѣдкія группы солдатъ— это ихъ клубъ, а станція извѣстна какъ очагъ большевизма; солдатъ сейчасъ пока еще немного: боятся нѣмецкихъ аэропдановъ, боятся обстрѣла и, какъ преступники, боятся свѣта — поэтому ждутъ темноты.

Здѣсь именно былъ избитъ взбунтовавшимися солдатами Кавказск. гренад. див. сенторъ Соколовъ, знаменитый творецъ знаменитаго приказа № 1 и здѣсь же вырвали и спасли его изъ рукъ разъяренной толпы... жертвы этого приказа— офицеры дивизіи, также избитые солдатами до полусмерти.

Сидя въ автомобилѣ, окровавленный, въ повязкахъ, неудачный преобразователь арміи, въ отвѣтъ на замѣчаніе командира корпуса—что это прямое слѣдствіе приказа № 1, имѣлъ все таки гражданское мужество отвѣтить: «если бы я зналъ, что приказъ дастъ такіе результаты, я бы отрубилъ ту руку, которая писала его».

Болѣе двухъ недѣль бунтовала здѣсь эта дивизія: семь пѣхотныхъ и одинъ казачій полки съ пятью батареями не могли или не хотѣли ее разоружить. Здѣсь же не мало было убито офицеровъ и сознательныхъ солдатъ, здѣсь... впрочемъ не перечесть всѣхъ преступленій совершенныхъ на ст. Залѣсье.

Тихо на станціи... и только чуть слышное отдаленное шипѣніе паровоза поѣзда Керенскаго, да рѣдкіе одиночные ружейные выстрѣлы нарушаютъ тишину.

Неподалеку расположенъ штабъ дивизіи; чины штаба заняты обычной работой: нужно составить описаніе происходившаго парада, очередную

сводку моральнаго состоянія частей, приготовить свѣдѣніе о новыхъ дезертирахъ, о случаяхъ насильственной расправы надъ офицерами и т. п.

«Господинъ полковникъ»! — докладываетъ дежурный офицеръ начальнику штаба — прапорщикъ Уральскаго полка М. желаетъ Васъ видѣть, но онъ очень взволнованъ, ничего не можетъ объяснить и, повидимому, еле сдерживаетъ рыданія».

Начальникъ штаба вышелъ въ корридоръ и увидѣлъ прислонившагося къ стѣнѣ и судорожно вздрагивающаго отъ рыданій юнаго офицера.

«Въ чемъ дѣло? что съ Вами»?

«Г. Полковникъ... въ полкахъ митинги,... солдаты разъярены до крайности... вездѣ выносятся резолюціи не наступать... говорятъ... пусть Керенскій и офицеры сами наступаютъ... многихъ офицеровъ избили»...

«Да, тутъ заплачешь»...—сказалъ подошедшій въ это время начальникъ дивизіи и, пробормотавъ опять какія то таинственныя слова, отдалъ распоряженіе о сборѣ комитетовъ.

Прибывшіе вскорѣ съ докладами командиры полковъ полностью подтвердили слова юноши, котораго общими усиліями удалось наконецъ успокоить.

Черезъ полчаса собрались и комитеты; быстрыми шагами, волнуясь и еле сдерживая себя, вышелъ къ нимъ начальникъ дивизіи — солдаты переминались съ ноги на ногу, очевидно, готовые уже ко всему...

Болѣе получаса терпѣливо велъ съ ними бесѣду генералъ, переходя постепенно всѣ стадіи собесѣдованія отъ крайняго миролюбія до бѣшенно отчаянной вспышки гнѣва, съ произнесеніемъ уже вслухъ таинственныхъ словъ — ничего не помогало, всѣ комитеты стояли на своемъ: «такъ что всѣ товарищи постановили не наступать».

«А если я сейчасъ доложу объ этомъ министру Керенскому»?!—пустилъ въ ходъ послѣднюю угрозу начальникъ дивизіи.

«Такъ что намъ даже очень желательно, чтобы самъ товарищъ министръ объ этомъ знали», — получился отвѣтъ.

Генералъ даже заскрежеталъ зубами...

———

Стемнѣло...

Вдоль поѣзда на перронѣ вытянулась линія солдатъ — это полковые

и проч. комитеты; тутъ же рядомъ группа офицеровъ во главѣ съ начальникомъ дивизіи, у котораго въ рукахъ «резолюціи».

Далеко, въ ночной темнотѣ, показался длинный рядъ быстро движущихся парныхъ огней и вскорѣ автомобили, одинъ за другимъ, плавно подкатили къ станціи.

Навстрѣчу Керенскому вышелъ начальникъ дивизіи и подробно доложилъ о случившемся...

«Какіе полки? что такое»? — очевидно не соображая переспросилъ Керенскій.

Генералъ Энвальдъ вновь доложилъ.

«Пойдемте-ка генералъ въ вагонъ»...

Вся группа молча прошла мимо молчаливо вытянувшихся солдатъ и скрылась въ вагонѣ.

Войдя въ вагонъ, Керенскій устало бросился на диванъ и усиленно началъ тереть лобъ, послѣ чего, закрывъ глаза и откинувшись на спинку дивана, тихо опять спросилъ — «такъ въ чемъ же дѣло»?

Третій разъ начальникъ дивизіи передалъ все происшедшее.

Въ сторонѣ молча сидѣлъ генералъ Деникинъ — внимательный... серьезный.

«А я говорилъ съ ними»? — спросилъ Керенскій.

Получивъ утвердительный отвѣтъ и подумавъ немного, онъ опять спросилъ:

«Но почему же они тогда этого мнѣ не сказали»?

«Не могу знать» — отвѣтилъ начальникъ дивизіи.

«Потому, господинъ министръ» — вмѣшался начальникъ штаба—«что никто изъ солдатъ да и изъ насъ офицеровъ не предполагали, что Вы такъ внезапно уѣдете—вотъ причина, почему они не успѣли поднести вамъ эту, очевидно, давно уже заготовленную резолюцію».

«Какъ фамилія? кто такой»? тихо спросилъ генералъ Деникинъ начальника дивизіи; получивъ отвѣтъ, главнокомандующій удовлетворенно кивнулъ головой.

Что же теперь дѣлать? — спросилъ Керенскій.

«Можетъ быть Вы выйдете еще разъ поговорить съ ними — Вамъ это вѣдь ничего не стоитъ и гораздо легче сдѣлать чѣмъ намъ» — добродушно предложилъ начальникъ дивизіи — старый армейскій генералъ.

«Мнѣ съ ними не о чемъ больше разговаривать и никуда я не пойду,—

рѣзко произнесъ Керенскій, — я все имъ сказалъ, а не хотятъ наступать ничего не подѣлаешь, но повторяю: разговаривать съ ними (съ нескрываемымъ презрѣніемъ проговорилъ онъ), — я больше н е ж е л а ю.»

«Разрѣшите мнѣ, господинъ министръ, поговорить съ ними—обратился къ Керенскому какой то «свитскій» капитанъ.

«Идите, поговорите, скажите имъ все»... отрывисто произнесъ Керенскій. Капитанъ вышелъ на перронъ и обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами:

«Товарищи, не думайте, что я офицеръ — я комиссаръ западнаго фронта Калининъ, я шесть лѣтъ пробылъ въ каторжныхъ работахъ, я старый революціонный работникъ и вотъ временное правительство, что бы сравнять меня съ моими товаришами, произвело меня въ капитаны... я офицеръ только по виду, а душой и тѣломъ — я вашъ»...

Нервная, визгливая, порой безсвязная рѣчь, нетактичность въ отношеніи стоявшихъ тутъ же рядомъ офицеровъ, судорожныя взмахиванія руками, показывали, что говоритъ въ лучшемъ случаѣ... нервно-больной. А комиссаръ продолжалъ свою рѣчь въ томъ же духѣ до тѣхъ поръ, пока не раздались крики: «поѣздъ отправляется».

«Такъ что же, дорогіе товарищи, что я долженъ передать нашему любимому министру — будете наступать?» — уже на ходу поѣзда прокричалъ Калининъ.

«Будемъ» — раздался въ темнотѣ нехотя чей то одиночный голосъ... «наступай» — кто то протянулъ насмѣшливо изъ толпы — раздался смѣхъ...

Поѣздъ ускорялъ ходъ—«смотрите же товарищи, сдержите свое слово»... еще разъ крикнулъ Калининъ, вскакивая на подножку вагона.

Скоро поѣздъ, тяжело громыхая, потонулъ въ темнотѣ.

«Вѣдь этакій шельмецъ, — ворчалъ по адресу Калинина, начальникъ дивизіи, — будетъ потомъ говорить, что уговорилъ ихъ наступать, будетъ писать въ газетахъ, что настроеніе войскъ революціонно приподнятое и т. п. —эхъ, палка имъ нужна, а не уговоры» — и тяжело ступая, съ опущенной головой, онъ направился къ штабу.

Результаты уговоровъ въ дивизіи: изъ всей дивизіи наступалъ только батальонъ смерти, понеся 75% потерь. Первый полкъ отказался наступать — наступали лишь одни офицеры и около 200 наиболѣе сознательныхъ солдатъ —потери 50%. Второй полкъ лишь обозначилъ наступленіе. Третій—самовольно ушелъ съ позиціи. Четвертый—не только не наступалъ, но угрожалъ

перестрѣлять своихъ же саперъ, продѣлывавшихъ проходы въ проволочныхъ загражденіяхъ для атаки; командиръ полка, подъ впечатлѣніемъ всего пережитого, застрѣлился...

Начальникъ дивизіи былъ вскорѣ отрѣшенъ «революціоннымъ» командиромъ корпуса отъ командованія дивизіей; впрочемъ, и командиръ корпуса также вскорѣ былъ отрѣшенъ отъ должности еще болѣе «революціоннымъ» командующимъ арміей...

Я. М. Лисовой.

„Революціонная армія“ въ иностранной каррикатурѣ

Kladderadatsch *Berlin*

Утренній рапортъ Командующему Арміей:

1-я дивизія сражается сегодня за идеи экстремистовъ; 2-я—за Свободу, Равенство и Братство; 3-я — объявила солидарность съ максималистами, а 4-я отказалась итти въ бой—всѣ пьяны.!!!

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ.

«Я полагаю, что политически честенъ всякій человѣкъ, который твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. А разъ онъ не твердъ, къ какой бы онъ партіи не принадлежалъ, онъ — политическій негодяй».
(Изъ рѣчи ген. Рузскаго на 2-мъ Моск. Совѣщ. Общ. Дѣят. въ Окт. 1917 г.)

Съ юношескихъ лѣтъ я старался пріучить себя къ стройной систематизаціи подмѣченнаго ряда жизненныхъ явленій, распредѣленію и укладыванію ихъ по мозговымъ ячейкамъ въ такомъ порядкѣ, — что бы потомъ въ случаѣ надобности, каждый разъ, легко и свободно можно было бы извлечь необходимое.

Система эта, втеченіи всей моей жизни, всегда давала прекрасные результаты и вполнѣ естественно, что я сдѣлалъ попытку примѣнить ее и на протяженіи хода революціи, когда передъ моими глазами начала проходить длинная вереница молодыхъ и старыхъ генераловъ, такъ сказать «революціонной формаціи»; всѣ встрѣченные мною типы я хотѣлъ разложить по мозговымъ папкамъ, съ особой надписью каждая, напр., генералъ-кандидатъ-бонапарты, генералъ-дипломаты, генералъ-агитаторы, генералъ-экономисты, генералъ-позитивисты и т. д., но не тутъ то было: сколько я не бился — задача оказывалась неразрѣшимой.

Только что уложишь какого нибудь бонапарта въ соотвѣтствующую папку — анъ смотришь: оттуда такой азефъ выглянетъ, что... приходится перекладывать его снова въ другую; казалось бы и конецъ — мѣсто найдено, но въ это время вспомнишь — какимъ дипломатомъ явился онъ въ одномъ случаѣ, какой чудный митинговый ораторъ получился изъ него при другихъ обстоятельствахъ, какъ легко и просто разрѣшалъ онъ сложнѣйшіе экономическіе вопросы въ письмахъ на имя или Керенскаго, или С. С. и Р. Д. и...

остановишься въ недоумѣніи — да гдѣ же найти ему соотвѣтствующее мѣсто?...

Такъ было и съ другимъ, третьимъ, десятымъ, сотымъ...

Въ концѣ концовъ, все было мною кое какъ свалено въ мозговой архивъ, изъ коего теперь, по мѣрѣ надобности, и приходится добывать тѣ или иныя необходимыя страницы минувшихъ событій, и на фонѣ ихъ, нѣтъ — нѣтъ да и промелькнетъ фигура того или иного «превосходительства» во всей его ультра — революціонной красѣ.

1. *Его Превосходительство — «товарищъ Бончъ Бруевичъ»*

а) Дни безвозвратно минувшіе.

Въ одинъ изъ іюльскихъ, нестерпимо жаркихъ дней 1912 года, по Царскосельскому шоссе медленно двигался небольшой конный офицерскій отрядъ.

Впереди, нѣсколько отдѣлившись отъ остальныхъ всадниковъ, виднѣлась крупная, слегка сутуловатая фигура немолодого уже полковника генеральнаго штаба, тяжело сидѣвшаго всѣмъ своимъ грузнымъ корпусомъ на росломъ откормленномъ конѣ. Полковникъ ѣхалъ низко опустивъ голову и на его загорѣломъ лицѣ нельзя было уловить никакой мысли, никакого движенія: крупныя и рѣзкія черты лица неподвижно застыли, глаза были скрыты за пыльными стеклами очковъ — не то усталость, не то апатія...

Лошади были въ пѣнѣ; по лицамъ всадниковъ ручьями струился потъ — всѣ были страшно утомлены и предвкушали сладость отдыха, который ожидалъ ихъ въ стѣнахъ домовъ невдалекѣ виднѣвшагося города. Еслибы не грозная фигура полковника, сдерживающаго медленнымъ шагомъ движеніе отряда — всѣ бы «подтянули поводъ», пришпорили лошадей и, собравъ послѣдніе остатки силъ, крупной рысью покрыли бы трехверстное разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ города, но... по неволѣ приходилось итти шагомъ.

Впрочемъ не это озабачивало ѣдущихъ —вопросъ заключался въ томъ: будетъ ли 14 дневная полевая поѣздка академиковъ закончена сегодня, или же она затянется, какъ объ этомъ носились слухи, еще на одинъ, а можетъ быть на два — три дня.

Обмѣнявшись мнѣніями и выяснивъ, что среди присутствующихъ

нѣтъ ни одного, который желалъ бы оттянуть «полевыя работы», рѣшили обратиться за разъясненіемъ вопроса къ полковнику, но... никто не бралъ на себя смѣлости почина.

«Въ чемъ дѣло, господа»? — раздался голосъ подъѣхавшаго штабсъ-капитана Л-ва, случайно задержавшагося въ одной изъ попутныхъ деревень въ обществѣ премиленькой пейзанки и только теперь нагнавшаго отрядъ — ему объяснили.

«Такъ въ чемъ же дѣло»? — переспросилъ онъ; ему отвѣтили, что никто не рѣшается обратиться къ полковнику.

«Ну это мы сейчасъ устроимъ»... проговорилъ Л-въ и, пришпоривъ коня, вынесся въ голову отряда.

«Господинъ полковникъ!» — раздался громкій баритонъ Л-ва, — «господинъ полковникъ!» — нѣсколько громче, еще разъ повторилъ онъ. Полковникъ, не оборачиваясь, придержалъ коня.

«Скажите, пожалуйста, господинъ полковникъ», продолжалъ Л-въ, «мы вотъ всѣ интересуемся—скоро ли будетъ конецъ всѣмъ этимъ безконечнымъ полевымъ путешествіямъ»?

Развязный тонъ Л-ва не мало удивилъ и испугалъ всѣхъ его товарищей — сдѣлалось какъ то сразу тихо: — всѣ начали внимательно разсматривать лошадиныя гривы, кое кто началъ перебирать ихъ, но, въ дѣйствительности, всѣ «краемъ уха» чутко прислушивались къ разговору впереди.

«Нельзя ли просить Васъ, господинъ полковникъ», — продолжалъ неугомонный Л-въ, — «закончить сегодня курсъ этой поѣздки и дать намъ отдохнуть — это вѣдь отъ Васъ зависитъ, а то ей-Богу треплешься, треплешься, изъ силъ вѣдь ужъ всѣ выбились»...

Полковникъ густо покраснѣлъ и тяжело началъ дышать: назрѣвала катастрофа...

«Полевая поѣздка закончится тогда» — сдержанно-угрожающе проговорилъ онъ — «когда прикажетъ начальникъ академіи».

Вопросъ, казалось, былъ исчерпанъ, но штабсъ-капитанъ Л-въ не унимался: «мы это знаемъ, г. полковникъ, но рѣшеніе начальника академіи зависитъ вѣдь отъ Вашего доклада; помилуйте, г. полковникъ, меньше 40 верстъ въ сутки мы не дѣлаемъ — словно паровозы какіе то... (или съума сошелъ или пьянъ — съ ужасомъ подумали его товарищи). Между тѣмъ Л-въ словно съ цѣпи сорвался: «вчера напримѣръ, съ рѣшеніемъ задачи мы сдѣлали переходъ въ Гатчину болѣе 40 верстъ — тамъ, по расписанію, мы

должны были отдохнуть, но развѣ наша вина, что помѣщеній не оказалось и вмѣсто отдыха мы сегодня обратно треплемся болѣе 40 верстъ, да еще опять съ «задачами» — иронически подчеркнулъ онъ (такъ и есть: пьянъ — рѣшили офицеры).

Полковникъ молчалъ и еще ниже опустилъ голову на грудь.

Ободренный молчаніемъ Л-въ продолжалъ: «фактически, собственно говоря, конецъ занятіямъ, именно сегодня, такъ какъ, несмотря на дневку, мы сегодня работаемъ, слѣдовательно завтра должны отдыхать»!

Слышенъ былъ стукъ копытъ о камни шоссе, да фырканье лошадей; всѣ дѣлали видъ, что внимательно изучаютъ мѣстность по сторонамъ шоссе... Никому не было извѣстно, какъ этотъ вопросъ разрѣшится академическимъ начальствомъ, но всѣ отлично знали, что въ разрѣшеніи его полковникъ, будетъ далеко не на сторонѣ обучающихся.

Между тѣмъ послѣдній рѣзко осадилъ коня и круто повернулъ его въ сторону говорившаго:

«Какъ Вы сказали? отдохнуть»? еле сдерживая себя проговорилъ онъ, — «отдохнуть»? еще разъ грубо иронически переспросилъ онъ (весь отрядъ остановился). «Да... имѣете ли Вы... имѣемъ ли мы (поправился онъ, задыхаясь отъ гнѣва) право говорить объ отдыхѣ, неся на своихъ плечахъ всю тяжесть позора минувшей войны. Вы хотите отдыха, вы (подчеркнулъ онъ) молодые офицеры, а мы, старики, до сихъ поръ болѣемъ душой и сердцемъ, несмотря на то, что уже семь лѣтъ прошло со времени этой катастрофы».

«Да развѣ Государь нашъ отдыхаетъ? Развѣ Онъ не проводитъ дни и ночи въ тяжелой, непрестанной работѣ? Да посмотрите, всмотритесь въ страдальческое лицо нашего Монарха — нашего Вождя и вмѣстѣ съ тѣмъ перваго работника-мученика и... забудьте объ отдыхѣ (угрожающе подчеркнулъ онъ). Или вы, можетъ быть, хотите уподобиться этой вотъ с—чи (онъ проговорилъ это безпощадно рѣзко и хлыстомъ указалъ на группу каменотесовъ, сидящихъ на шоссе, равнодушно медленно разбивающихъ камни и также равнодушно поглядывающихъ на «офицеровъ»)? Можетъ быть «о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ» поговоримъ, а? — съ невыразимымъ сарказмомъ протянулъ онъ и, съ послѣдними словами, грубо ударивъ лошадь и круто повернувъ ее, полковникъ тяжелымъ галопомъ помчался впередъ; отъѣхавъ шаговъ полтораста, полковникъ снова перешелъ въ медленный колыхающійся шагъ, — еще глубже усѣвшись въ сѣдло, еще ниже опустивъ голову...

Нѣсколько лошадей вырвались изъ окаменѣвшей группы офицеровъ, въ ушахъ которыхъ, словно ударъ хлыста, словно боль пощечины звенѣло обидное: «с—чь»; вырвавшіеся лошади помчались было за полковникомъ, но вскорѣ были остановлены, группа соединилась, всѣ быстро заговорили... и низменное животное чувство страха овладѣло этой толпой: тутъ были и боязнь чтобы его не сочли участникомъ «заговора», и боязнь получить дурной баллъ или дурной отзывъ — все это вмѣстѣ взятое вооружило участниковъ поѣздки противъ Л-ва.

Впрочемъ послѣдній также чувствовалъ себя повидимому прескверно: «ну, братцы мои, кажется мнѣ крышка — что же теперь дѣлать»? — снявъ фуражку и вытирая голову проговорилъ онъ.

Всѣ угрюмо молчали и со злостью поглядывали на Л-ва.

«Извиниться» — раздался чей то одинокій неувѣренный голосъ.

«Это то можно, — но вотъ въ чемъ же извиняться» — нерѣшительно протянулъ Л-въ, ища сочувствующаго взгляда и ожидая подсказа...

Отвѣта не послѣдовало, ни одинъ взглядъ не выразилъ Л-ву сочувствія, всѣ опять смотрѣли куда то въ сторону...

«Ну ладно, — тряхнувъ головой, проговорилъ Л-въ, — «помяни Господи царя Давида и всю кротость его»! и, давъ шпоры коню, онъ рысью сталъ догонять ѣдущаго впереди полковника.

Видно было, какъ Л-въ, нерѣшительно подъѣхавъ къ нему и, взявъ подъ козырекъ, началъ что то говорить; какъ полковникъ, мелькомъ взглянувъ на него, снова опустилъ голову и продолжалъ двигаться тѣмъ же колыхающимся шагомъ; какъ потомъ, онъ же, что то уловивъ въ словахъ своего молодого спутника, медленно, всѣмъ корпусомъ повернулся къ нему и... о чудо! сумрачное лицо его озарилось улыбкой и, махнувъ рукой, какъ бы съ цѣлью остановить потокъ словъ Л-ва, подалъ ему руку и, какъ послѣдній, послѣ этого съ радостной улыбкой помчался навстрѣчу своимъ товарищамъ.

«Фу, готово»! радостно взволнованно проговорилъ онъ.

«О чемъ ты бесѣдовалъ? — спросилъ кто то насмѣшливо.

«Ну это, братецъ ты мой, наше дѣло»! — отрѣзалъ Л-въ.

Въ то время никому изъ присутствующихъ не могла придти въ голову дикая мысль, что шт. кап. Л-въ не кто иной, какъ будущій председатель Московскаго клуба офицеровъ соціалъ-революціонеровъ, точно также какъ дико нелѣпымъ и даже безум-

нымъ показалось бы чье либо предсказаніе, что будущій чуть ли не совѣтскій главковерхъ Бончъ Бруевичъ и настоящій руководитель отряда — одно и тоже лицо.

Отрядъ офицеровъ медленно догонялъ ѣдущаго впереди полковника...

Не одна тысяча офицеровъ русской арміи прошла суровую школу тактики, полевыхъ задачъ и военныхъ игръ подъ непосредственнымъ руководствомъ полк. Бончъ-Бруевича, отличавшагося своими неумолимыми требованіями знанія по его извѣстному всѣмъ «учебнику тактики»; тысячи офицеровъ до одури вызубривали эти именно два тома «на зубокъ» — наиболѣе вѣрный способъ удовлетворить эти неумолимыя требованія и получить хорошій баллъ, т. к. другихъ руководствъ и учебниковъ полк. Бончъ-Бруевичъ не признавалъ. Сотни офицеровъ генеральнаго штаба, побывавшіе у него въ партіи, помнятъ ѣдкія и подчасъ грубыя замѣчанія его на тактическихъ задачахъ, всегда больно бьющія по самолюбію его учениковъ.

Ни война, ни революція не сдѣлали его военнымъ талантомъ — о ген. Бончъ Бруевичѣ почти ничего не было слышно и впервые его имя выплываетъ на фонѣ выступленія генерала Корнилова, выплываетъ въ такомъ неприглядномъ видѣ, что даже самъ Керенскій, отшатнулся отъ него. Впрочемъ — какова была его роль въ этомъ дѣлѣ, въ виду ея чудовищности, предоставимъ разсказать самому Керенскому.

б) Разсказъ А. Керенскаго.*)
(«Дѣло Корнилова» — стр. 178).

... Кстати, не могу не вспомнить, что въ Быховской тюрьмѣ, все время пока я былъ главковерхомъ, ген. Корнилова постоянно охраняли не только солдаты, но и его личный конвой изъ текинцевъ, тѣхъ самыхъ, вмѣстѣ съ которыми и пулеметами онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Зимній Дворецъ.

Такая двойная охрана была создана предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи для того, чтобы сторожить Корнилова не только отъ побѣга, но и отъ солдатскаго самосуда.

Помню, какъ настойчиво травила меня за это лѣвая пресса, и какъ будущій попуститель дикой расправы съ Духонинымъ, генералъ

*) Курсивъ вездѣ Керенскаго.

Бончъ Бруевичъ, являлся ко мнѣ во главѣ съ депутаціей отъ мѣстнаго «совдепа» съ требованіемъ «убрать текинцевъ изъ Быхова», которымъ революціонный трибуналъ не довѣряетъ, и усилить охрану Корнилова.

Я былъ возмущенъ такой ролью генерала русской службы, въ прошломъ одного изъ вѣрнѣйшихъ слугъ царизма, хотѣлъ убрать его изъ Ставки, и помню, какъ чистый и честный Духонинъ заступился за него...

в) Смерть генерала Духонина.

Какъ же Бончъ Бруевичъ отблагодарилъ «чистаго и честнаго генерала Духонина» за его заступничество?

По тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются въ печати и которыя впослѣдствіи несомнѣнно будутъ дополнены историческими данными, составивъ траурныя страницы исторіи гибели русскихъ вождей — роль генерала Бончъ-Бруевича въ смерти генерала Духонина представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Будучи начальникомъ могилевскаго гарнизона и находясь въ тѣсной связи съ мѣстнымъ совдепомъ ярко большевистской окраски, онъ, въ дни предшествующіе смерти Духонина, велъ себя настолько недвусмысленно, что уже въ то время отрядъ ударныхъ войскъ, защищавшій Духонина, предложилъ послѣднему арестовать Бончъ Бруевича, — генералъ Духонинъ на это не согласился.

Въ день смерти Духонина, Бончъ Бруевичъ нервно расхаживалъ изъ угла въ уголъ въ своемъ номерѣ гостинницы «Франція» и когда одинъ изъ прибывшихъ офицеровъ сообщилъ ему ужасную вѣсть — спокойно выразилъ сожалѣніе и добавилъ: «самъ виноватъ, что не послушалъ меня» — въ чемъ? генералъ не договорилъ...

Будучи вызванъ «главковерхомъ Крыленко», предложившимъ ему занять должность начальника штаба, — замѣтно просвѣтлѣвшій генералъ Бончъ Бруевичъ обѣщалъ отдать всѣ свои силы и умѣнье дѣлу, конечно... большевистскому.

А затѣмъ... затѣмъ начальника штаба «товарища Абрама», генеральнаго штаба генерала Бончъ Бруевича зачастую видѣли окруженнымъ толпой матросовъ въ роли наипреданнѣйшаго слуги и проводителя директивъ совѣтской власти.

Но недолго эта власть признавала авторитетъ своего начальника штаба и скоро уволила его «на покой», не считаясь даже съ его выдающимися

заслугами предательства той арміи, о которой онъ такъ много писалъ и тѣхъ вождей, на авторитеты которыхъ онъ неоднократно въ своихъ трудахъ ссылался.

2) *Его превосходительство — «невольникъ стараго режима»*

Въ одной изъ барскихъ комнатъ помѣщичьяго дома тѣхъ богатыхъ «маіонтковъ», которые оазисами разбросаны среди бѣдной и унылой природы Западнаго края, въ февралѣ 1917 г. происходила слѣдующая сцена.

За огромнымъ письменнымъ столомъ, освѣщеннымъ скрытой подъ глубокимъ колпакомъ электрической лампочкой, мигающей въ тактъ работающему невдалекѣ прожекторному мотору, сидѣлъ развалившись въ креслѣ съ сигарой во рту, генералъ лѣтъ 42-45. Лицо его было полуосвѣщено и, благодаря этому полусвѣту, каждый разъ, при ярко вспыхивающемъ огонькѣ сигары, особенно рѣзко выдѣлялись и бородка a la Henri IV, и слѣды глубокой оспы на его лицѣ, и пенснэ на крупномъ мясистомъ носу.

У дверей «на вытяжку» стоялъ высокій худой прапорщикъ и, казалось, внимательно слушалъ генерала; изрѣдка онъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на полъ, гдѣ на блестящемъ паркетѣ, подъ его ногами, образовалась изрядная лужа растаявшаго снѣга.

Генералъ былъ чистъ, элегантенъ и отъ всей его плотной упитанной фигуры вѣяло завиднымъ здоровьемъ. Прапорщикъ внѣшне выглядѣлъ здоровымъ и только лихорадочный румянецъ на щекахъ, да временами сухой отрывистый кашель, показывали, что его «грудныя дѣла» далеко не въ блестящемъ состояніи.

Это были начальникъ штаба *** корпуса и командиръ охранной роты.

Огонекъ сигары вспыхнулъ ярче и густые клубы дыма на мгновенье скрыли и части письменнаго стола , и фигуру генерала, и отдаленные углы комнаты.

«Такъ вотъ вы и пгыпитесь за пгыведеніе ихъ въ пгавославную вѣгу»,— продолжалъ картавя генералъ и, поднявшись съ кресла, началъ ходить по комнатѣ, — «это не гота, а какая то агестанская команда: чести отдавать не умѣютъ, во фгонтъ становиться — тоже, обязанностей своихъ не знаютъ... не могу же я каждый день ставить подъ гужье по двадцать человѣкъ — и

такъ ужъ командигъ корпуса обгатилъ вниманіе на большое количество моихъ дисциплинагныхъ взысканій...

«Пгынимайте какія хотите мѣгы, дегите съ нихъ десятую шкугу, но сдѣлайте мнѣ изъ нихъ солдатъ; не поможетъ, пгынимайтесь за одиннадцатую, добегитесь до живого мяса, но вымуштгуйте мнѣ ихъ — поняли?»

«Такъ точно, ваше пр-во»!

«Кстати пошлите завтга опять человѣкъ 40 съ утга газсчистить катокъ (генералъ любилъ побѣгать на конькахъ), да зачѣмъ вы ихъ показываете въ ежедневной гапогтичкѣ — это наше съ вами частное дѣло и командигу корпуса знать объ этомъ не нужно».

«Слушаю-съ ваше пр-во»!

«Можете итти и чегезъ недѣлю я жду гезультатовъ нашей бесѣды».

«Слушаю-съ ваше пр-во»!

Генералъ сдѣлалъ два шага въ сторону прапорщика и нѣсколько протянулъ руку или вѣрнѣе два-три пальца, но сухой кашель, котораго не могъ сдержать стоявшій уже болѣе получаса молодой офицеръ, остановилъ его на полдорогѣ, и онъ удовольствовался лишь кивкомъ головы.

«Счастливо оставаться ваше пр-во»! и, повернувшись по всѣмъ правиламъ, прапорщикъ вышелъ изъ комнаты.

«Ну что, юноша, получили очередное надраніе»? —спросилъ его встрѣтившійся комендантъ.

«Никакъ нѣтъ, г. ротмистръ, гораздо хуже», — прапорщикъ передалъ только что описанную сцену.

Ротмистръ былъ пожилой серьезный офицеръ; занимая въ Московскомъ жандармскомъ управленіи довольно видную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойную должность, онъ еще въ декабрѣ, т. е. за два мѣсяца до описываемаго момента, внезапно, къ удивленію всѣхъ, возбудилъ ходатайство объ отправленіи его на фронтъ.

На всѣ вопросы родныхъ и знакомыхъ онъ, отвѣчалъ кратко и многозначительно: «здѣсь тяжело дышется—мало кислороду». Получивъ разрѣшеніе, онъ въ тотъ же день уѣхалъ въ дѣйствующую армію, гдѣ благодаря связямъ былъ назначенъ на должность корпуснаго коменданта. Своимъ спокойнымъ и справедливымъ ко всему и всѣмъ отношеніемъ, онъ быстро завоевалъ всеобщее уваженіе и любовь какъ офицеровъ, такъ и солдатъ; въ особенности любили его солдаты, называя «душевнай человѣкъ».

Ротмистръ внимательно и серьезно выслушалъ прапорщика и когда тотъ окончилъ, спросилъ его:

«Что же вы, юноша, предполагаете дѣлать?

«Откровенно сказать, г. ротмистръ, ничего больше, кромѣ того, что я дѣлалъ и что требуетъ служба».

«И отлично сдѣлаете — не тѣ времена; нынѣшній солдатъ вамъ не проститъ даже отнятой у него портянки, а ужъ за свою шкуру онъ съ васъ не только десять шкуръ сдеретъ, а голову сниметъ — чуетъ моя душа къ этому идетъ дѣло: кислороду и здѣсь не хватаетъ... Ну прощайте, юноша, и постарайтесь сдѣлать такъ, что бы, главнымъ образомъ, были «овцы цѣлы», — а волки»... — ротмистръ, повидимому, хотѣлъ еще что то сказать, но сдѣлавъ какой то неопредѣленный, не то рубящій, не то вращательный жестъ, повернулся и медленно направился къ выходу.

Прапорщикъ тоже вышелъ. На дворѣ дулъ тотъ порывистый, подымавшій кучами снѣжную пыль, вѣтеръ, который куда бы вы не шли, какъ бы не отворачивались и не прятали свое лицо, — всегда умѣлъ найти моментъ, что бы напасть на васъ спереди, найти какое нибудь отверстіе въ одеждѣ и найдя, забраться въ него какъ можно глубже.

Прапорщикъ направился къ выходу на улицу; у воротъ, весь засыпанный снѣгомъ, стоялъ часовой—солдатъ охранной роты; онъ, конечно, узналъ своего ротнаго командира, да впрочемъ его еще раньше предупредили въ караульномъ помѣщеніи о приходѣ «ротнаго» въ штабъ, но желая показать насколько онъ бдителенъ и знаетъ службу, часовой заоралъ благимъ матомъ: «стой! кто идетъ? что пропускъ»?

Прапорщикъ поморщился: — «И чего ты орешь, Никоновъ, на все мѣстечко; ты меня отлично вѣдь знаешь, — не спрашивалъ же ты о пропускѣ солдата, который только что прошелъ впереди меня».

«Виноватъ, вашбродь»!

«Да не въ томъ дѣло, что виноватъ и вины тутъ нѣтъ особенной, а просто»... прапорщикъ не договорилъ, такъ какъ налетѣвшій внезапно снѣжный столбъ, засыпавъ ихъ снѣгомъ, заставилъ его мучительно и долго раскашляться.

«Въ лазаретъ вамъ слегти бы вашбродь» — раздался участливый голосъ часового.

Что то кольнуло внутри молодого офицера, и вмѣстѣ съ тѣмъ, внезапно

что то теплое наполнило и согрѣло все его существо — не говоря ни слова, онъ вышелъ на улицу.

Итти было недалеко — до ближайшей деревни гдѣ онъ жилъ, было всего около версты. Улицы мѣстечка были пустынны и темны и лишь кое гдѣ, сквозь запорошенныя снѣгомъ и не знавшіе ставень окна, пробивался тусклый свѣтъ... По дворамъ, перекликаясь на всѣ голоса, раздавался собачій лай... Чей то бранный голосъ послышался вдали...

У выхода изъ мѣстечка, прислонившись къ одной изъ стѣнъ, когда то обшитой березовой корой, а теперь начисто ободранной будки, спалъ, мирно похрапывая, часовой. Въ тепломъ полушубкѣ и валенкахъ, наглухо закутанный въ башлыкъ — онъ былъ непроницаемъ для вѣтра и послѣдній, отчаявшись расшевелить эту грузную фигуру, бѣшено забросалъ его выше колѣнъ кучей снѣга и ринулся что было силъ по открытому полю, гдѣ и закружился то сметая снѣгъ, то засыпая имъ дорогу и выдергивая изъ промерзлой земли вѣхи и телеграфные шесты.

Какъ можно спать въ такой обстановкѣ, объ этомъ можетъ разсказать только русскій солдатъ, но такъ-же только онъ можетъ разсказать, какъ можно одерживать громовыя побѣды, безъ снарядовъ, патроновъ, противъ вдесятеро сильнѣйшаго и техникой и числомъ противника...

«Будь я проклятъ, если нашъ солдатъ пойдетъ на что нибудь подобное», проговорилъ какъ то англичанинъ, наблюдавшій въ бинокль, какъ «ярославецъ» подъ убійственнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ противника, тщетно пытался перерѣзать тупыми ржавыми ножницами толстую проволоку загражденій и, наконецъ, отчаявшись въ этомъ и перекинувшись двумя тремя словами съ сосѣдями, всталъ съ ними во весь ростъ и дружно схвативши руками проволоку, всѣ вмѣстѣ начали дергать до тѣхъ поръ, пока съ выдернутыми кольями не опрокинулись навзничь... убиты?!

На наблюдательномъ пунктѣ раздалось англійское «будь я проклятъ», а тамъ впереди, подъ трескъ ружей и пулеметовъ, грохотъ минъ и бомбъ раздалось «русское трехэтажное», а затѣмъ вскорѣ и «ура» послышалось — это «ярославецъ» разсердился и... занялъ нѣмецкіе окопы...

Прапорщикъ нерѣшительно остановился передъ спящимъ часовымъ, соображая, что ему предпринять въ данномъ случаѣ; подумавъ немного и чему то улыбнувшись, онъ подошелъ къ солдату ближе.

«Телицынъ, а Телицынъ — нѣтъ ли, братецъ, у тебя спичекъ»?

Часовой весь встрепенулся, быстро приподнялъ башлыкъ и увидя знакомую фигуру ротнаго, оробѣлъ и мгновенно вытянулся.

«Виноватъ, вашбродь»! — какъ то умоляюще глухо пробормоталъ онъ.

«Я тебя спрашиваю, нѣтъ ли у тебя спичекъ», — какъ бы не слыша, цѣланно строго переспросилъ прапорщикъ.

«Такъ точно, есть»!

«Давай, братецъ, что то курить хочется».

Прапорщикъ никогда не курилъ и теперь, получивъ отъ часового спички, онъ озабоченно рылся въ карманахъ ища папиросы.

«Э-хъ, братъ, забылъ папиросы дома, ну ничего не подѣлаешь, придется потерпѣть; на, получай, свои спички обратно».

И солдата, забывшаго и о своемъ снѣ, забывшаго и о томъ, что ротный навѣрно видѣлъ его спящимъ — вдругъ сразу охватило и стало понятнымъ знакомое «томленіе по цыгаркѣ» и, желая услужить, а можетъ быть, думая, что это загладитъ его вину, онъ, суетливо порывшись въ карманѣ, и доставъ оттуда грязный свертокъ, поднесъ офицеру со словами:

«Махорочки не желательно ли, вашбродь»?...

Прошло около мѣсяца; фронтъ наполнился новыми, невиданными прежде лицами, картинами, событіями, — фронтъ загудѣлъ, оживился и «покраснѣлъ».

Въ одинъ изъ первыхъ мартовскихъ дней, дворъ штаба корпуса началъ наполняться неуспѣвшими еще утратить стройности и приличія командами штаба корпуса: у нѣкоторыхъ были шесты съ красными флагами и почти всѣ были съ красными бантами — Богъ вѣсть, гдѣ достали такое количество красной матеріи: кумача, ситца, атласа, ленть и т. п.

«Слышь, братъ, зачѣмъ собираютъ?» — обратился молодой казакъ къ проходящему мимо знакомому ординарцу.

«Не могимъ знать» — шутливо отвѣчалъ ему тотъ, дурашливо прикладывая руку къ папахѣ и неестественно вытягиваясь во фронтъ, а затѣмъ, принявъ обыкновенную позу добавилъ: — «писаря сказываютъ нашъ «дормидонта» будетъ штой та говорить».

Генералъ назывался Акакій Дормидонтовичъ и это отравляло все его существованіе.

Раздалась команда «смирно, г. г. офицеры», по рядамъ выстроившихся пробѣжала обычная при переходѣ изъ положенія «вольно» — дрожь, офи-

церы взяли подъ козырекъ; въ дверяхъ показался начальникъ штаба... съ огромнѣйшимъ краснымъ бантомъ на груди и красной кокардой; пожимая на ходу руки отдѣльнымъ офицерамъ и солдатамъ, генералъ подошелъ къ выстроившимся командамъ штаба.

«Здрасте...—на мгновенье генералъ запнулся—товарищи»...—добавилъ онъ (къ великому удивленію многихъ — генералъ уже не картавилъ).

«Здрасте г. генералъ» — послышалось въ отвѣтъ новое революціонное привѣтствіе.

«Поздравляю васъ, товарищи, съ великими завоеваніями революціи, поздравляю васъ съ свѣтлой зарею новой свободной Россіи»...

«Покорнѣйше благодаримъ» — пронеслось по рядамъ.

«Товарищи, всѣ мы, невольники проклятаго стараго, режима, наконецъ то дождались... началъ генералъ свою рѣчь... Изъ группы чиновъ штаба, опустивъ голову, медленно отдѣлился и тихими шагами отошелъ, и скрылся въ дверяхъ помѣщенія ротмистръ...

Веселой гурьбой повалили со двора...

«За ручку здоровкались» — повѣствовалъ въ одномъ углу знакомый уже намъ балагуръ ординарецъ.

«Сидѣлъ, значитъ, горемычный и онъ не мало—може и въ каторгѣ побывалъ» —сокрушенно качая головой, нараспѣвъ, тянулъ въ другомъ углу знакомый намъ Телицынъ — ишь на рацостяхъ краснымъ обмотался, почитай бабѣ на юбку хватило бы»...

«... А корпусный, значитъ и говоритъ ему — такъ какъ я съ энтими самими с—ми не желаю за ручку здоровкаться потому значитъ, что я человѣкъ благородный и полный генералъ, такъ вотъ, я значитъ собственно всѣмъ энтимъ сполномачиваю васъ на это, Акакій Дормидонтовичъ»... — такъ въ третьей группѣ объясняли отсутствіе командира корпуса... Нарастала провокація...

«А что телеграмма послана по частямъ»? — обратился къ старшему адъютанту пришедшій съ митинга генералъ.

«Никакъ нѣтъ Ваше Пр-во»!

«Ахъ, Боже мой, сколько разъ нужно Вамъ повторять, что этотъ пережитокъ стараго режима, это титулованіе нужно забыть разъ на-всегда—оно

ни къ чему теперь»—преувеличенно громко проговорилъ генералъ, искоса поглядывая на сидѣвшихъ и работавшихъ, но внимательно прислушивающихся ко всему, писарей. «Почему же телеграмма до сихъ поръ не отправлена еще»?

«Литографъ не успѣлъ отпечатать»!

«Боже мой, нельзя же задерживать такія важныя распоряженія нашего высшаго демократическаго органа — что о насъ подумаютъ? — Нужно какъ нибудь ускорить — пообѣщайте имъ денежную премію что ли»...

«Но, г. генералъ, оперативныя распоряженія вѣдь гораздо важнѣе и то мы не платимъ за ускореніе ихъ; — вѣдь не хватитъ никакихъ суммъ, если мы будемъ оплачивать перепечатку и разсылку каждой телеграммы».

Генералъ съ неудовольствіемъ отмахнулся рукой, какъ отъ назойливой мухи, и прошелъ къ себѣ въ комнату...

Писаря съ нескрываемой злобой глядѣли въ сторону адъютанта...

Въ одномъ изъ первыхъ большевистскихъ кандидатскихъ списковъ, въ числѣ прочихъ, можно было встрѣтить кандидатуру и «бывшаго генералъ-маіора Акакія Дормидонтовича Зайцева».

3) Троцкій и «Сергѣй Сергѣевичъ».

Зачастую прочитывая тѣ или иныя газетныя сообщенія, принимая доклады лицъ, пріѣхавшихъ изъ Совдепіи, по выполненіи возложенныхъ на нихъ порученій или выслушивая бѣженцевъ, я, какъ человѣкъ военный, невольно удѣлялъ болѣе всего вниманія именно военной сторонѣ вопроса.

Для меня не было никакихъ сомнѣній, что если совѣтская власть, какъ и каждая власть вообще, не создастъ своей собственной вооруженной силы, на которую она могла бы опереться во всѣхъ случаяхъ жизни, то она исчезнетъ такъ же быстро — «яко таетъ воскъ отъ лица огня».

Я не сомнѣвался также, что въ этомъ отношеніи сов. власть используетъ нашихъ старыхъ русскихъ солдатъ съ ихъ до крайности упрощеннымъ міровоззрѣніемъ: «намъ то што, прикажутъ—пойдемъ»...

Я допускалъ даже колебанія младшаго офицерскаго состава и охотно прощалъ тѣхъ несчастныхъ, кого безисходная нужда или «дамокловъ мечъ»

чрезвычайки брали за шиворотъ и внѣдряли на флангѣ краснаго взвода, полуроты или роты.

Зная большинство нашихъ революціонныхъ генераловъ, я, правда, съ чувствомъ гадливости, видѣлъ и ихъ сквозь неясную дымку будущаго, во главѣ бригадъ, дивизій, корпусовъ и даже армій.

Но на этомъ мои предположенія и оканчивались; въ дальнѣйшемъ я не могъ ни вообразить, ни представить себѣ — кто не потерявшій совѣсть, честь и чувство долга, кто не измѣнившій завѣтамъ учителей военнаго искусства, кто такъ легко поднявшій руку надъ лежащей и обезсиленной Россіей — кто добьетъ ее, ставъ во главѣ сложной машины военнаго дѣла? Кто пуститъ эту машину въ ходъ? кто возглавитъ имѣющійся рабочій и подмастерской составъ, т. е. — кто будутъ эти мастера и инженеры? И, наконецъ, и это главный вопросъ — кто явится главнымъ инженеромъ?

И по мѣрѣ того, какъ формировалась совѣтская армія, моральные удары сыпались на меня одинъ за другимъ: въ числѣ главныхъ мастеровъ я встрѣчалъ своихъ учителей и товарищей по генеральному штабу, въ числѣ инженеровъ — профессоровъ академіи, командармовъ, «главкоармовъ», въ числѣ... да что скрывать — инструкторскій матеріалъ былъ на лицо, и, полностью, обезпечивалъ ходъ военной машины.

Не было лишь настоящаго главковерха и въ этомъ была вся моя надежда, ибо, безъ «главнаго инженера», я предугадывалъ если не полную остановку, то во всякомъ случаѣ частыя задержки этой деликатной и сложной машины. Всѣ эти суррогаты «бонапарта»: всѣхъ этихъ Антоновыхъ, Крыленокъ, Дзевалтовскихъ, Мураловыхъ, Муравьевыхъ, Дыбенокъ и т. п., я расцѣнивалъ вполнѣ правильно и точно, и всѣмъ имъ была одна цѣна: отъ нуля и ниже.

Но когда главковерхомъ былъ назначенъ еврей Левъ Троцкій, я невольно призадумался и инстинктивно почуялъ грядущую опасность и въ его необыкновенно преступной энергіи и въ его болѣзненно развитомъ честолюбіи и въ твердости ни передъ чѣмъ не останавливаться во имя достиженія намѣченныхъ цѣлей.

И у меня были серьезныя основанія для такихъ опасеній: я вспомнилъ, что евреи — эта умная и съ поразительнымъ чутьемъ предугадывающая довольно точно неизвѣстное будущее нація — сразу же правильно оцѣнила грандіозные масштабы дѣятельности, лишенные сдерживающаго начала, своего соплеменника. А предугадавъ и оцѣнивъ, и сдѣлавъ соотвѣтсвующій выводъ, (грядущіе событія — погромы — подтвердили ихъ правильную оцѣн-

ку)—отправили къ Троцкому делегацію съ просьбой и указаніемъ, что его дѣятельность, въ концѣ концовъ, отразится на еврейской націи и что, за его преступленія, въ конечномъ итогѣ, еврейское населеніе заплатитъ своей кровью.

«Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до еврейской націи»—отрѣзалъ Троцкій,—«я дѣйствую въ интересахъ интернаціонала».

Иного отвѣта и быть не могло съ его стороны — Троцкій не былъ бы Троцкимъ, если бы далъ другой отвѣтъ. Въ узкихъ рамкахъ еврейской націи онъ задыхался и готовился къ кровавому господству надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Вотъ что заставило меня призадуматься при полученіи вѣсти о назначеніи Троцкаго главковерхомъ; событія показали, что я былъ правъ: машина энергичной рукой была пущена полнымъ ходомъ... и, при наличіи опытныхъ инструкторовъ, почти не давала отказа.

Троцкій теперь ушелъ, но не потому, что какъ пишетъ въ «Пріаз. Краѣ» Лоэнгринъ: «мавръ сдѣлалъ свое дѣло» или, какъ онъ же въ окончательномъ итогѣ своего очерка, рисуетъ его «властью, насытившейся кровью и объѣвшейся человѣческимъ мясомъ» — нѣтъ: объясненіе это слишкомъ простое, журнальное и да проститъ мнѣ мой землякъ и товарищъ по пору... слишкомъ штатское и грубое.

Нѣтъ—причина ухода Троцкаго заключается въ томъ, что — военная машина стала;*). Готовую, въ собранномъ видѣ, энергичнымъ движеніемъ рычага, и, «неослабнымъ вооруженнымъ надзоромъ за инженерами и мастерами»,—онъ могъ пустить въ ходъ и поддерживать ее продуктивность. Но теперь машина стала и... кончено, ничего не помогаетъ: ни усиленное топливо, ни усиленная смазка — просто машина переработалась.

По докладу свѣдующихъ лицъ — нужна капитальная разборка, чистка частей, замѣна нѣкоторыхъ изъ нихъ другими, — т. е. все то, чего Троцкій не понимаетъ, въ чемъ ему какъ не спеціалисту и не имѣющему опыта и знаній —трудно разобраться, и для чего ему, необходимо пройти АЗЫ военнаго дѣла, а пока нужно пригласить лицо знающее детально машину — нуженъ инженеръ изъ Америки.

*) Статья относится къ событіямъ середины 1919 г., — когда, одно время, Троцкій дѣйствительно «ушелъ» или его «ушли» и когда на его мѣсто былъ назначенъ генер. штаба полковникъ С. С. Каменевъ.

Вотъ причины и его ухода и одновременнаго появленія въ роли американскаго инженера «Сергѣя Сергѣевича».

Многіе фамилію настоящаго главковерха Каменева смѣшиваютъ съ фамиліей извѣстнаго большевика Каменева—это не правильно; не нужно забывать, что большевикъ Каменевъ—прежде всего Кацъ: это у него отъ Бога, а Каменевъ — это уже отъ себя и отъ людей; тогда какъ «Сергѣй Сергѣевичъ» Каменевъ—отъ Бога и отъ людей, т. е. настоящій.

Итакъ, новымъ главковерхомъ назначенъ, бывшій генеральнаго штаба полковникъ Сегѣй Сергѣевичъ Каменевъ, а теперь просто «товарищъ Каменевъ»

Какъ сейчасъ, я вижу себя молодымъ офицеромъ генеральнаго штаба, назначеннымъ въ штабъ Виленскаго Военнаго Округа, пріѣхавшимъ туда и, съ какимъ то особеннымъ чувствомъ трепета, вступающимъ въ это «святая святыхъ» — еще такъ недавно недоступное для меня: простого армейскаго офицера...

Вспоминается и грязная, некрашенная, деревянная лѣстница, ведущая во второй этажъ, и такая же площадка второго этажа, и дверь налѣво, съ надписью «мобилизаціонное отдѣленіе».

Въ этомъ «отдѣленіи», у стѣны налѣво, стоялъ большой, простой столъ старшаго адъютанта полковника Смирнова, нашего общаго любимца, доблестно павшаго на полѣ битвы (помните — «Сергѣй Сергѣевичъ?»), а направо, у окна, за такимъ же большимъ столомъ, среди вороха мобилизаціонныхъ дѣлъ и огромныхъ картъ — видна была нѣсколько сутуловатая фигура капитана генеральнаго штаба, шатена, съ темно матовымъ усталымъ лицомъ, на которомъ рѣзко выдѣлялись и остроконечная немного растрепанная бородка, и большіе усы, и добрые близорукіе глаза, скрытые за стеклами металлическихъ очковъ — это были вы «Сергѣй Сергѣевичъ»! это были вы «товарищъ Каменевъ»!

Мобилизаціонный отдѣлъ одинъ изъ труднѣйшихъ и сложнѣйшихъ по качеству и количеству работы, онъ требуетъ особой усидчивости, вдумчивости, серьезности, строгаго расчета — онъ поглощаетъ цѣлый день и не мало даетъ работы домой — на ночь.

Вѣдь потому то вы и были назначены въ этотъ отдѣлъ «Сергѣй Сергѣевичъ», что въ глазахъ начальства всѣ эти качества были у васъ «на лицо»....

И вдвоемъ, съ такимъ знатокомъ мобилизаціонной машины, какъ покойный Смирновъ, вы такъ наладили и поставили это дѣло, что не было никакихъ задержекъ, никакихъ остановокъ въ общемъ ходѣ мобилизаціонныхъ работъ

передъ началомъ міровой войны; а вѣдь Виленскій округъ считался однимъ изъ важнѣйшихъ округовъ въ смыслѣ мобилизаціи, мобилизовался онъ однимъ изъ первыхъ и нѣкоторыя его части выступили въ походъ черезъ три дня послѣ мобилизаціи...

Незадолго до войны васъ поставили во главѣ этого отдѣла и вы, я это знаю, первымъ приходили и послѣднимъ уходили изъ штаба; часто по вечерамъ, при свѣтѣ низко спущенной электрической лампочки, можно было видѣть вашу высокую, немного сугуловатую фигуру,—Вы или стояли передъ картой или перелистывали толстыя «дѣла»...

Нерѣдко, позднимъ вечеромъ, проходя мимо штаба и изъ любопытства, спросивъ швейцара: есть ли кто нибудь въ штабѣ — мы получали неизмѣнный отвѣтъ: «такъ точно, ихъ высокоблагородіе капитанъ Каменевъ» — я вѣдь это хорошо помню «Сергѣй Сергѣевичъ».

Точно также я помню — не слова, времени прошло больно много, гдѣ ужъ тутъ слова помнить, нѣтъ — я помню смыслъ вашихъ словъ о значеніи корпуса офицеровъ генеральнаго штаба, объ интенсивной работѣ штабовъ во имя облегченія дѣятельности войскъ, о несправедливыхъ привиллегіяхъ гвардіи, о некритикѣ начальства, а наоборотъ, о незамѣтномъ исправленіи его ошибокъ и еще много кое-чего, помню я, изъ того, что вы говорили намъ: «младшимъ товарищамъ», вы,—«старшій товарищъ». Во многомъ ваши мысли были правильны—что и говорить... и кромѣ того, у васъ былъ большой опытъ: вы вѣдь поздно пошли въ академію и немолодымъ офицеромъ окончили ее.

И еще я помню — какъ, однажды, придя ко мнѣ съ визитомъ и, забавляясь съ моимъ малюткой сыномъ, вы прогозорили, такъ добро и мягко улыбаясь: «вотъ еще одинъ слуга Государя и Отечества подростаетъ». Сынъ мой подросъ «Сергѣй Сергѣевичъ»—ему уже 14 лѣтъ, но ни Государя, ни Отечества — ни у него, ни у меня, да и у Васъ тоже нѣтъ «Сегѣй Сергѣевичъ»: Царя звѣрски убили, а Отечество разрушили Ваши современные начальники и товарищи — «Сергѣй Сергѣевичъ»..!

А затѣмъ міровая война, и вы, вопреки ожиданію всѣхъ, несмотря на наличіе болѣе старыхъ и, можетъ быть, болѣе опытныхъ офицеровъ, — вы были поставлены во главѣ отвѣтственнаго оперативнаго отдѣленія 1-ой арміи — это было кровной обидой для старшихъ и чувствомъ гордаго, но, правда, незамѣтнаго для окружающихъ, удовлетворенія для васъ, всегда скромнаго и всего только капитана генеральнаго штаба.

Далѣе побѣдоносные бои въ Восточной Пруссіи вплоть до фортовъ Кениг-

сберга... — неужели эти картины славнаго прошлаго старой русской арміи не проносятся передъ вами — нынѣ краснымъ главковерхомъ?...

И тамъ, на фронтѣ, вы работали также неустанно—съ утра до ночи и съ ночи до утра, среди вороха бумагъ и огромныхъ картъ, густо усѣянныхъ, вашей заботливой рукой, флажками. Васъ не тянуло въ войсковые штабы — не потому что вы были трусъ, нѣтъ — въ старой русской арміи трусовъ не было, а потому, что вы были офицеръ большого штаба, работникъ кабинетнаго а не полевого характера, гдѣ, какъ извѣстно, нельзя ни разложить картъ, ни обложиться дѣлами, гдѣ ѣдятъ находу и спятъ въ сѣдлѣ.

Мелькомъ въ Инстербургѣ я вижу и ваше крайне растеряное лицо (впрочемъ тогда всѣ были растеряны) при вѣсти о начавшемся разгромѣ первой арміи и ваше неподдѣльное огорченіе при видѣ — какъ красивую большую карту, сплошь покрытую маленькими красивыми флажками, грубо сорвали со стѣны и, свернувъ кое какъ, небрежно бросили въ ящикъ — время не ждало тогда: штабу арміи нужно было спѣшно уходить...

А затѣмъ — помните? въ Ковно, вы, и помощникъ вашъ, грозили отдать подъ судъ молодого офицера генеральнаго штаба за то, что онъ будучи отправленъ для восстановленія связи между разгромленными и растерявшимися корпусами, по «неопытности своей и неумѣнію разбираться въ тонкостяхъ штабной дипломатіи», отправилъ со ст. Вержболово лично Командующему арміей генералу Ренненкампфу — подробную и правдивую телеграмму, съ изложеніемъ истинной картины разгрома, хаоса и всего того ужаса, которые творились среди отступающихъ войскъ, въ то время какъ штабъ арміи, — извините, — «эвакуировался» въ Ковно, т.е. болѣе чѣмъ на 100 верстъ въ тылъ. Не было оставлено ни одного опытнаго и стараго офицера разобраться въ этой кутерьмѣ, — были брошены лишь молодые, причисленные къ генеральному штабу; правдивыя донесенія ихъ докладывались вами какъ «преувеличенія молодыхъ офицеровъ неумѣющихъ разбираться въ военной обстановкѣ»; а вышеупомянутую телеграмму, полученную непосредственно командующимъ арміей — вы назвали «паническою» и угрожали отдать подъ судъ отправителя ея, мотивируя, что этой телеграммой разрушены всѣ расчеты и планы штаба, такъ какъ командующій арміей принялъ какое то свое, самостоятельное рѣшеніе....

Въ Восточной Пруссіи мы съ вами работали до февраля 1915 года, когда, наконецъ, къ великой моей радости, мнѣ удалось уйти на фронтъ, въ штабъ дивизіи — дальше я потерялъ васъ изъ виду.

И все таки, мой милый красный главковерхъ, встрѣчая вашу фамилію въ совѣтскихъ газетахъ — я не хотѣлъ вѣрить, что это именно вы; читая совѣтскіе кандидатскіе списки я, вопреки голымъ фактамъ, имъ все таки не вѣрилъ—память, вопреки дѣйствительности, упорно отпечатывала вашъ прежній образъ...

Теперь сомнѣній нѣтъ — вы «главковерхъ красной рабоче-крестьянской арміи» вы — тотъ, главный инженеръ, который у сложной военной машины замѣнилъ Троцкаго.

Что же вы будете дѣлать теперь?

Пустите ли вы машину снова въ ходъ, призвавъ на помощь весь свой мобилизаціонный, оперативный и боевой опытъ и знаніе, или же мобилизовавъ остатки чести, совѣсти, стыда, чувства долга и все того, что я вѣрю еще есть у васъ и, что вы не успѣли растратить въ этомъ царствѣ всеобщей купли и продажи, Вы выдернете какой нибудь маленькій, но главный винтикъ, сломаете какую нибудь сложную, но незамѣтную пружину,—разведете въ недоумѣніи руками и заявите вашимъ совнаркомамъ: машина стала окончательно — починить ее уже никакъ нельзя?

Какъ хочется вѣрить этому — послѣднему!...

Я. Поссовой.

II.

РЕВОЛЮЦІЯ и БОЛЬШЕВИЗМЪ

ГАТЧИНО ВЪ БОРЬБѢ СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ

(Октябрь 1917 г.)

25 октября 1917 года, около 10 часовъ утра, въ зданіе Петроградскаго Государственнаго банка явилась полурота запасного гвардейскаго полка съ представителемъ новой власти Совѣта Народныхъ Комиссаровъ — комиссаромъ Ланге.

Будучи въ это время, случайно, у одного изъ своихъ друзей — служащихъ банка, я узналъ отъ этого комиссара, почему то начавшаго вдругъ со мной откровенничать, что большевиками наканунѣ рѣшено — захватить въ свои руки власть въ ночь съ 24 на 25 октября и что они, при поддержкѣ Кронштадскихъ матросовъ, начали приводить это рѣшеніе въ исполненіе сегодня съ 6 часовъ утра, но онъ, мой собесѣдникъ, опасается, что это дѣло можетъ лопнуть за недостаткомъ надежныхъ комиссаровъ, ибо уже теперь выяснилось, что имѣвшихся для этой цѣли людей далеко не хватаетъ и уже приходиться назначать въ комиссары людей не только не идейныхъ, но всякихъ «пролазовъ».

Выслушавъ словоохотливаго комиссара, я вышелъ побродить по улицамъ Петрограда и, кстати, зайти—въ Собраніе Арміи и Флота, гдѣ я остановился по пріѣздѣ въ Петроградъ. Невскій былъ наводненъ патрулями изъ матросовъ, а черезъ два-три часа, когда я возвращался обратно, вездѣ уже стояли заставы не пропускавшіе никого ни къ Главному Штабу, ни къ Зимнему Дворцу.

На слѣдующій день, 26 октября, проходя по улицамъ, я уже встрѣтилъ матросскіе отряды и броневыя машины. У Зимняго Дворца стояла любопытная толпа разглядывающая многочисленныя слѣды отъ пуль, какъ на стѣнахъ Дворца, такъ и на окнахъ, и обмѣнивающаяся впечатлѣніями аттакъ и контръ-атакъ между большевиками и контръ революціонерами.

Возвращаясь обратно по Невскому, я увидѣлъ кучки людей читающихъ какіе то небольшіе , красные, однотипные афиши на стѣнахъ домовъ;

афиши эти гласили, что къ Гатчино подошло — не 50 тысячъ — какъ «хвастливо заявляли корниловцы и контръ-революціонеры», а всего лишь 5 тысячъ сторонниковъ Керенскаго, а потому, товарищи, немедленно на фронтъ!».

Часовъ въ 10 утра, на Забалканскомъ проспектѣ, мною были встрѣчены довольно стройные гвардейскіе части, идущіе за городъ съ оркестрами во главѣ; колонны эти вели молодые, революціонные, гвардейскіе прапорщики.

Прочитанныя мною на Невскомъ проспектѣ летучки сразу оріентировали меня въ происходящихъ событіяхъ и я рѣшилъ немедленно ѣхать въ Гатчино, гдѣ еще представлялась возможность борьбы съ новыми захватчиками власти; но когда я пришелъ на вокзалъ, то оказалось, что черезъ Красное село въ Гатчино уже проѣхать невозможно и что нужно ѣхать черезъ Тосно.

Въ 3 часа дня я сидѣлъ уже въ поѣздѣ идущемъ на Тосно и, пересѣвъ тамъ на Гатчинскій поѣздъ, я, къ 8 часамъ веч., подъѣзжалъ къ Гатчино; не доѣзжая верстъ 15,—видны были разрывы шрапнелей, но никто изъ ѣдущихъ не представлялъ себѣ еще ясно — въ чемъ дѣло.

Пріѣхавъ въ Гатчино и идя домой кратчайшимъ путемъ — по полотну желѣзной дороги — я, на одномъ изъ переѣздовъ, увидѣлъ въ автомобилѣ фигуру А. Ф. Керенскаго. Автомобиль Россійскаго Главковерха стоялъ во главѣ казачьей колонны — авангарда изъ 500-600 казаковъ донцовъ и одной сотни амурцевъ.

Увидѣвъ своего добраго знакомаго, графа Зубова, я просилъ оріентировать меня въ обстановкѣ. Оказалось, что это войска, ведомыя Керенскимъ и Савинковымъ на защиту Временнаго Правительства противъ большевиковъ и что во главѣ войскъ—генералъ П. Красновъ, а начальникомъ штаба полковникъ Поповъ.

Удовлетворенный, я отправился во дворецъ, гдѣ въ одномъ изъ помѣщеній, отведенныхъ придворнымъ вѣдомствомъ, размѣщались офицеры Гатчинской авіаціонной школы.

Къ 10 часамъ утра, 28 октября, въ нижнемъ этажѣ дворца, размѣстился Штабъ генер. Краснова.

Въ первыхъ двухъ комнатахъ, занимаемыхъ Управленіемъ Начальника гарнизона гор. Гатчино, ротмистромъ дикой дивизіи С-мъ, я засталъ необыкновенно многочисленное собраніе офицеровъ, преимущественно Гат-

чинской Авіаціонной школы, въ третьей комнатѣ помѣщалось оперативное отдѣленіе, начальникомъ коего и возглавилъ себя вышеупомянутый ротмистръ С-въ. Генералъ Красновъ и его начальникъ штаба находились на боевомъ участкѣ, въ 12 верстахъ южнѣе Гатчино, гдѣ въ бой были введены пять спѣшенныхъ казачьихъ сотенъ и одна горная батарея.

Со стороны противника въ боевой линіи было около четырехъ тысячъ отборныхъ петроградскихъ рабочихъ, бывшихъ солдатъ и, кромѣ того, матросы.

Боевыми дѣйствіями большевиковъ руководилъ новый большевистскій командующуй Петроградскимъ военнымъ округомъ подполковникъ Муравьевъ, (бывшій командиръ 21 автомобильной роты); сотрудниками же его состояли: новый «морской министръ» — матросъ Дыбенко, писарь штаба Гельсинфорскаго флота — бывшій сельскій учитель, еврей Рашаль —студентъ 3-4 курса психо-неврологическаго института, матросъ Трушинъ и поручикъ запаса Антоновъ, — впослѣдствіи главковерхъ Антоновъ.

Какъ происходилъ бой—будетъ видно изъ дальнѣйшаго,—какъ характерную деталь нужно отмѣтить, что казаки, находясь въ бою безъ смѣны болѣе трехъ сутокъ, держались очень стойко не теряя ни на минуту надежды на смѣну ихъ пѣхотными частями; большевики же, не зная настоящаго количества силъ своего противника, проявляли крайнюю нерѣшительность и только неустойчивость амурцевъ на лѣвомъ флангѣ боевого расположенія, куда не во время явился Керенскій для поднятія духа — рѣшила участь боя.

Казаки перестали вѣрить, что пѣхота подойдетъ имъ на смѣну и настаивали на отдыхѣ; 29-го октября было рѣшено отвести казачьи части на отдыхъ въ Гатчино.

Но вернемся къ боевымъ событіямъ и деталямъ ихъ.....

Не унывающій А. Керенскій (онъ со своими адъютантами расположился въ парадныхъ комнатахъ дворца), часто показывался въ оперативномъ отдѣленіи, гдѣ старался увѣрить всѣхъ въ общемъ благополучіи положенія и охотно, всѣмъ и каждому, сообщалъ, что 50 ударныхъ батальоновъ сняты съ сѣвернаго фронта и двинуты на выручку Вр. Правительства, въ доказательство чего показывалъ телеграммы, полученныя имъ съ сообщеніями о подходѣ этихъ частей къ ст. Луга.

Дѣйствительно, изъ Пскова, непрерывно, эшелонъ за эшелономъ, подходили къ Лугѣ ударные батальоны, но не дремавшій Лужскій совдепъ дѣ-

лалъ свое дѣло и для агитаторовъ не требовалось особыхъ усилій чтобы убѣдить колеблющихся ударниковъ не учавствовать въ братоубійственной войнѣ и не защищать Керенскаго. Ударники, занявъ выжидательное положеніе, такъ дальше Луги и не двинулись.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ.

28-го октября, Гатчинской авіаціонной школы капитанъ Н-въ, боевой и преданный дѣлу артиллерійскій офицеръ, съ большимъ трудомъ уговорилъ оперативное отдѣленіе дать ему возможность, вмѣстѣ съ нѣкоторыми офицерами, использовать стоящій безъ дѣла на Балтійскомъ вокзалѣ броневой поѣздъ. Получивъ, въ концѣ концовъ, такъ желанное разрѣшеніе, онъ перевелъ поѣздъ на Варшавскій вокзалъ , неожиданно налетѣлъ на ст. Александровскую и, обстрѣлявъ ее, вызвалъ огромный переполохъ въ штабѣ Муравьева, причинивъ большія потери и людьми, при чемъ была убита какая то знаменитая еврейка «Сура», о чемъ впослѣдствіи «Извѣстія» съ возмущеніемъ описывали этотъ контръ революціонный поступокъ офицеровъ Гатчинской школы.

На разсвѣтѣ того же дня, летчики С-нъ, и Л-въ, овладѣвъ тайкомъ исправнымъ броневымъ автомобилемъ, проѣхали незамѣтно въ туманѣ почти къ Петрограду, откуда повернувъ обратно, подъѣхали къ большевистской цѣпи и открыли по ней пулеметный огонь; къ сожалѣнію, пулеметъ скоро далъ отказъ и пришлось спѣшно удирать въ Гатчино.

29 октября, днемъ, офицеры Гатчинской авіаціонной школы, собравшись въ столовой на аэродрамѣ, обратились ко мнѣ, какъ предсѣдателю Суда Общества офицеровъ съ вопросами — что имъ дѣлать и куда итти??

Я отвѣтилъ, что въ настоящій моментъ, когда съ одной стороны всѣ боятся расправы большевиковъ матросовъ въ случаѣ ихъ удачи, а съ другой никто не желаетъ вновь видѣть у власти Керенскаго, — каждый долженъ быть тамъ гдѣ ему подсказываютъ долгъ и честь офицера; лично я, и со мной многіе боевые офицеры, сдѣлали уже выборъ и мы тамъ — гдѣ идетъ борьба противъ захвата власти большевиками.

Послѣ этого многіе офицеры явились въ штабъ ко мнѣ и полковн. М. съ просьбой дать имъ — гдѣ угодно и какую угодно работу; и когда мнѣ понадобилось, однажды, 25 пулеметчиковъ на бронепоѣздъ, то было вполнѣ достаточно только сказать объ этомъ дежурному по школѣ офицеровъ, и необходимое количество офицеровъ моментально явилось.

29-го—штабъ генерала Краснова пересталъ существовать; переутомлен-

ные трехдневнымъ сидѣніемъ на боевомъ участкѣ, генер. Красновъ и полк. Поповъ, переѣхали въ Гатчино и расположились во дворцѣ. Часамъ къ 5-ти, ген. Красновъ собралъ въ комнатахъ №№ 5 и 6, всѣхъ бывшихъ на лицо во дворцѣ офицеровъ. Собралось около 200 человѣкъ — преобладали офицеры Гатчинской авіаціонной школы.

Генералъ Красновъ выглядѣлъ разбитымъ и физически и морально; онъ обратился къ собравшимся офицерамъ приблизительно со слѣдующими словами: «Благодарю Васъ гг. офицеры авіаціонной школы за Вашу готовность и искреннее желаніе помочь нашему дѣлу—но все уже кончено. Сегодня были делегаты отъ большевиковъ и выработаны слѣдующіе 30 пунктовъ перемирія съ большевиками: 1)немедленное прекращеніе братоубійственной войны и полная амнистія принимавшимъ въ ней какое бы то ни было участіе, 2)немедленное учрежденіе новаго правительства въ составъ коего войдетъ по одному представителю отъ каждой изъ существующихъ политическихъ партій, 3)въ составъ новаго правительства не имѣютъ права входить —ни Ленинъ, ни Керенскій (о Троцкомъ не упоминалось), 4) свободный пропускъ всѣхъ казаковъ 3-го коннаго копуса на Донъ и т. д.

Прочитавъ всѣ 30 пунктовъ, ген. Красновъ заключилъ: «съ этого момента надо считать, что Россіи нѣтъ, Великая Россія будетъ разрушена борьбой политическихъ партій и, вѣроятно, не останется камня на камнѣ. Все будетъ разрушено — будутъ уничтожены цѣлые города и вотъ, послѣ этого, на развалинахъ разрушенной Старой Россіи будетъ построена Новая, еще болѣе Великая, Молодая Россія»...

Генералъ умолкъ — всѣ уныло повѣсили головы и... постепенно разошлись..

Мы, офицеры Гатчинской авіаціонной школы, не особенно вѣрили «полной амнистіи» участникамъ боевъ подъ Гатчиной, такъ какъ бывшіе въ составѣ большевистской делегаціи матросы открыто заявляли, что «мы, дескать, покажемъ этому зелью летчикамъ, какъ воевать на бронепоѣздахъ и броневикахъ». Въ воздухѣ пахло кровавой расправой тѣмъ болѣе, что въ составѣ наступающихъ большевиковъ преобладали кронштадскіе и гельсингфорскіе матросы съ «Петропавловска» и др. кораблей.

Собравшись въ канцелярію школы для обсужденія создавшагося положенія, мы застали въ ней начальника школы полковника Б-ко, который, какъ оказалось, уже разрѣшилъ вопросъ о дальнѣйшей нашей дѣятельности, раздавъ каждому изъ насъ подписанные бланки отпускныхъ билетовъ, литеры и

т п документы, — дѣлать больше было нечего и всѣ собравшіеся разошлись по домамъ.

Придя изъ канцеляріи во дворецъ, я засталъ тамъ летчика полк. М-на и шт. ротимистра Финляндскаго драгунскаго полка Х; послѣ короткаго обмѣна мнѣніями, выяснилось, что на фронтѣ нѣтъ ни одного казака и что, каждую минуту, Гатчино можетъ быть захвачена большевиками и начнется дикая расправа съ офицерами школы; необходимо было что то предпринять, но прежде всего нужно было выяснить, что предполагаетъ дѣлать штабъ ген. Краснова.

Зайдя съ этой цѣлью къ начальнику штаба полковнику Попову, я, съ трудомъ, разбудилъ его и на свой вопросъ — получилъ безразличный отвѣтъ соннаго и безмѣрно уставшаго человѣка: «ничего... будемъ отдыхать.. выспаться надо...»

«Но вѣдь большевики могутъ ворваться каждую минуту и тогда начнутся дикіе эксцессы» — возразилъ я.

«Ничего Богъ не выдастъ»... съ трудомъ, безсвязно, пролепеталъ онъ и... опять уснулъ...

На этомъ пришлось и окончить нашъ разговоръ.

Передавъ собравшимся моимъ единомышленникамъ «соображенія» Начальника штаба, мы, по взаимному соглашенію, рѣшили создать свой импровизированный штабъ обороны и распредѣлили роли слѣдующихъ образомъ.

Шт. ротмистръ Финляндскаго драгунскаго полка Х., окончившій ускоренный курсъ Академіи генеральнаго штаба, взялъ на себя обязанности начальника оперативнаго отдѣленія; капитанъ Ш-нъ — завѣдующаго развѣдкой и связью, полковникъ М-нъ—Инспектора Артиллеріи; я—общее руководство. Такъ какъ самымъ необходимымъ дѣломъ являлась настоятельная необходимость добыть со станціи Луги хотя бы одинъ вагонъ со снарядами что бы изъ него пополняться въ случаѣ удачнаго развитія дѣйствій, и, такъ какъ, для этого требовалось безсмѣнное бодрствованіе завѣдующаго снабженіемъ артиллеріи, то въ отсутствіе полк. М-на, я считался его замѣстителемъ.

Въ дальнѣйшемъ необходимо было срочно организовать оборону Гатчино, хотя бы для того, чтобы городъ не могъ быть неожиданно захваченъ озвѣрѣвшими матросами и, въ случаѣ быстраго ихъ подхода къ городу, дать возможность отдѣльнымъ лицамъ во время избѣжать дикой расправы со стороны матросовъ.

Импровизированный штабъ могъ располагать офицерами авіаціонной

школы — активнымъ элементомъ въ количествѣ до 30 -40 человѣкъ, частью юнкеровъ школы прапорщиковъ, бронепоѣздомъ, двумя бронеавтомобилями, вагономъ снарядовъ, вагономъ патроновъ, однимъ боевымъ аэропланомъ съ бомбами (летчикъ Х-цъ) и, при желаніи, не менѣе 6-8 пулеметами авіаціонной школы съ 2-мя полевыми орудіями.

Въ то время, когда импровизированный штабъ ломалъ голову —какимъ способомъ вызвать изъ Луги хотя бы одинъ батальонъ ударниковъ, неожиданно явился генеральнаго штаба полковникъ Т. съ 130 партизанами. Онъ явился чтобы принять участіе въ бою и искалъ штабъ чтобы получать задачу: «люди у меня отборные и отчаяннные» — заявилъ онъ.

Оріентировавъ полк. Т. въ обстановкѣ, и, познакомивъ его съ характеромъ нашей дѣятельности, мы предложили ему, во имя общаго дѣла, работать вмѣстѣ съ нами — безъ дальнѣйшихъ разговоровъ полковникъ Т. согласился.

Партизанамъ его была дана задача выставить на трехъ дорогахъ входящихъ въ Гатчину заставы; каждой заставѣ было придано или орудіе или броневая машина; связь между заставами поддерживалась дозорами. Возможность обхода съ фланговъ исключалась, т.к. мѣстность было болотистая и проходилась только по занятымъ заставами дорогамъ. Линія же желѣзной дороги охранялась заставой юнкеровъ.

Установивъ связь по телефону съ Лугой, мы начали организовывать доставку оттуда снарядовъ. Вопросъ о доставкѣ снарядовъ и патроновъ изъ Луги, въ этой общей суматохѣ и неразберихѣ, въ то время, обстоялъ очень просто: необходимо было набрать нѣсколько добровольцевъ, которые бы грузили снаряды, снабдить ихъ соотвѣтствующими документами съ «печатями, а все остальное дѣлалось само собой и безъ всякихъ препятствій.

Задачу доставить первый вагонъ снарядовъ взялъ на себя мичманъ Х. (Впослѣдствіи партизанъ въ составѣ корпуса ген. Шкуро). Какъ оказалось впослѣдствіи — погрузку снарядовъ онъ началъ безпрепятственно, но не успѣлъ выполнить своей задачи вслѣдствіе занятія гор. Гатчины большевиками и ареста его Лужскимъ совѣтомъ.

30 октября, придя съ полетовъ около 10 съ половиною часовъ утра въ собраніе школы, я узналъ отъ взволнованныхъ офицеровъ, что черезъ 2-3 часа въ Гатчино войдутъ большевики. Я поспѣшилъ во дворецъ, гдѣ увидѣлъ, что нашъ штабъ уже скрылся, тщательно уничтоживъ на дверяхъ всѣ надписи съ указаніемъ должностныхъ лицъ и отдѣленій штаба.

Встрѣтившій меня прапорщикъ Д. сообщилъ, что онъ видѣлъ, какъ изъ

воротъ дворца выѣхалъ автомобиль «Рено» начальника гарнизона, на которомъ, въ качествѣ пассажира, сидѣлъ какой то странный субъектъ въ пальто, подобномъ тому, какое носятъ мастеровые, въ матросской фуражкѣ и автомобильныхъ очкахъ; когда автомобиль проѣзжалъ вблизи него, ему показавось, что черты лица оригинально одѣтаго господина очень похожи на Керенскаго.

Говорятъ, что Керенскій, узнавъ о требованіи большевиковъ выдать его— зашелъ къ генералу Краснову и, послѣ краткаго разговора, спросилъ — что ему слѣдуетъ дѣлать?

«Застрѣлиться» — якобы послѣдовалъ краткій, но выразительный отвѣтъ со стороны генерала Краснова.

«Хорошо, я подумаю» отвѣтилъ Керенскій и ушелъ къ себѣ въ комнату; оттуда черезъ смежную комнату, отдѣленную портьерой, онъ спустился въ нижній этажъ, и, не проходя по корридору 3-го этажа, гдѣ его могли легко узнать и арестовать даже не большевики (объ арестѣ Керенскаго усиленно поговаривали и казаки, и солдаты, и офицеры авіаціонной школы—вотъ почему солдатскій караулъ былъ замѣненъ юнкерскимъ), вышелъ во дворъ, гдѣ его ждалъ заранѣе приготовленный автомобиль начальника гарнизона.

Въ 12 часовъ дня я переѣхалъ на квартиру въ городъ къ одному изъ своихъ друзей, чтобы избѣжать перваго рокового момента встрѣчи съ большевиками.

Къ полудню, въ городѣ, появились отдѣльныя группы матросовъ, не принадлежавшихъ къ боевому отряду, наступавшему со стороны Петрограда.

Многіе офицеры старались уйти хотя бы на нѣсколько верстъ отъ города, нѣкоторые укрылись въ близлежащихъ лѣсахъ, нѣкоторые ушли пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги — на одну двѣ станціи отъ Гатчино...

Но много офицеровъ школы остались и въ городѣ, ибо солдаты школы вообще, комитеты и Гатчинскій совѣтъ въ частности, состояли изъ интеллигентныхъ и благоразумно настроенныхъ людей, и хотя, конечно, всѣ были увѣрены, что ихъ при новыхъ выборахъ въ большевистскіе комитеты забаллотируютъ, но пока это произойдетъ — пройдетъ и первый острый моментъ.

И, дѣйствительно, 3 октября, въ 6 часовъ утра, когда я пришелъ на аэродромъ подъ предлогомъ утренней треннировки и обошелъ всѣ спеціальныя команды школы — все еще было въ порядкѣ и всѣ были на мѣстахъ, — но когда я черезъ часъ зашелъ въ строевую роту, единственную некультурную и наполовину большевистски настроенную часть, то увидѣлъ довольно непріятную для себя картину: рядомъ съ дневальнымъ сидѣлъ и пилъ чай... ужаснаго вида

гельсингфорскій матросъ—весь растерзанный, немытый, съ огромной копной рыжихъ вьющихся волосъ, на которыхъ небрежно была надѣта грязная матросская фуражка, — отступленія не было:

«Садитесь, товарищъ»—обратился ко мнѣ дневальный—«чаю хотите?» и, не получивъ отвѣта, налилъ мнѣ кружку чаю (я былъ въ кожаной курткѣ, для полетовъ, безъ погонъ).

«Ну такъ какъ же товарищъ» обратился онъ къ матросу, очевидно продолжая прерванный моимъ приходомъ разговоръ

«Да, ничего, но если среди Вашихъ офицеровъ есть с-чь, которая идетъ открыто противъ насъ, такъ мы ихъ быстро почистимъ—правильно товарищъ»?

«Правильно, гы-гы-гы»—дневальный глупо и безсмысленно засмѣялся.

Дѣлать мнѣ здѣсь больше было нечего и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ я, незамѣтно, ушелъ изъ строевой и опасной для меня роты.

Зайдя въ школу я хотѣлъ переговорить по телефону съ комендантскимъ управленіемъ и узнать о событіяхъ дня. Неожиданно мнѣ повезло: на мой вызовъ—станція мнѣ не отвѣтила, линія оказалось уединенной, и я услышалъ разговоръ новаго коменданта—гвардіи поручика К-ъ съ Гатчинскимъ Совдепомъ.

Изъ подслушаннаго мною разговора я узналъ, что дворецъ занятъ гельсингфорскими матросами во главѣ съ комиссаромъ Дыбенко.

Итакъ на сѣверѣ борьба окончилась...

17 мая 1918 г.
Ростовъ н-Д.

Техническихъ войскъ
Полковникъ П. Нестеренко.

ТУРКЕСТАНЪ ВЪ ДНИ РЕВОЛЮЦІИ И БОЛЬШЕВИЗМА

(Краткое описаніе хода событій въ Ташкентѣ)

мартъ — декабрь 1917 г.

Акты объ отреченіи Государя Императора и отклоненіи принятія на себя власти вел. кн. Михаиломъ Александровичемъ до рѣшенія Учредительнаго Собранія, были опубликованы въ Ташкентѣ одновременно.

2-го марта, командующій войсками Туркестанскаго округа и генералъ-губернаторъ, генер. А. Н. Куропаткинъ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ г. Ташкентѣ и послѣ рѣчи, въ которой изложилъ ходъ событій, — задалъ вопросъ: «кто изъ васъ можетъ сказать мнѣ, что вполнѣ ручается за своихъ солдатъ, и что, въ случаѣ надобности, его часть исполнитъ приказаніе власти?».

Послѣ непродолжительной, но весьма тяжелой паузы, выступило только два офицера: — первый, начальникъ конвоя (въ 90 человѣкъ казаковъ) и второй — командиръ 3-й отдѣльной Туркестанской роты (въ то время четыре саперныхъ и одинъ телеграфный взводъ: — всего численностью до 400 человѣкъ солдатъ при шести офицерахъ — исключительно прапорщикахъ). Остальные начальники частей молчали; въ Ташкентѣ-же тогда были весьма крупныя части, какъ напр. — 1-й и 2-ой запасные Стрѣлковые полки, 2 дружины, пулеметныя команды, нѣсколько артиллерійскихъ батарей, крѣпостная артиллерійская рота, наконецъ — военное училище и школа прапорщиковъ.

Повидимому этимъ молчаніемъ генералъ Куропаткинъ былъ подавленъ; онъ обратился съ какимъ то вопросомъ къ одному изъ полковыхъ командировъ и тогда многіе изъ начальниковъ, наперерывъ, стали объяснять, что не могутъ ручаться за свои части полностью, что нѣкоторыя роты или команды ненадежны и т. п. Но впечатлѣніе получилось иное: меньшинство изъ нихъ имѣли нѣкоторыя данныя не довѣрять своимъ людямъ, большин-

ство же были неувѣрены по той простой причинѣ, что совершенно не знали своихъ частей. Давъ нѣсколько общихъ руководящихъ указаній, генералъ отпустилъ начальниковъ.

На 5-ое марта было назначено торжественное богослуженіе и присяга на вѣрность Временному Правительству. Передъ началомъ парада произошелъ слѣдующій характерный инцидентъ: одинъ изъ мѣстныхъ соціалистовъ выѣхалъ верхомъ и, обогнавъ, генерала Куропаткина, крикнулъ: «да здравствуетъ демократическая республика, урра!»; немногіе голоса успѣли поддержать этотъ возгласъ, но генералъ Куропаткинъ, немедленно, жестомъ руки, остановилъ начавшійся безпорядокъ и громко, такъ что слышать могли всѣ присутствующіе, сказалъ: «вотъ видите, уже торопятся предрѣшать волю народа», а затѣмъ кратко, но выразительно, разъяснилъ, что будущая форма Правленія будетъ опредѣлена Народнымъ Собраніемъ. Парадъ закончился безъ дальнѣйшихъ инцидентовъ, войска разошлись по казармамъ и можно было надѣяться, что обаяніе генерала Куропаткина удержитъ дисциплину и порядокъ,

Но вышло иначе: приказы №№ 1 и 2 — съ одной стороны, дѣятельность соціалистовъ всѣхъ оттѣнковъ — съ другой, и, главнымъ образомъ, неумѣнье разбираться въ текущихъ событіяхъ и непониманіе громаднымъ большинствомъ офицеровъ обстановки—привели къ тому, что вскорѣ опереться генералу Куропаткину было не на кого и «республиканская» дисциплина удерживалась лишь въ немногихъ частяхъ, — въ остальныхъ же шелъ развалъ.

«Вождемъ» солдатской массы сдѣлался нѣкто Бройда, который, не будучи солдатомъ мѣстнаго гарнизона,*) все-таки былъ избранъ предсѣдателемъ Ташкентскаго Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ. Этотъ демагогъ и «углубитель», чувствуя, что при генер. Куропаткинѣ особенно «разгуляться» нельзя, добился его ареста (правда почетнаго) и генерала Куропаткина увезли подъ офицерскимъ конвоемъ въ Петроградъ.

Вскорѣ послѣ сформированія С. С. Д., небольшая группа офицеровъ настояла на созывѣ всѣхъ офицеровъ гарнизона для обсужденія создавшатося положенія; собраніе офицеровъ состоялось и удалось ввести въ С. С. Д.—60 съ лишнимъ офицеровъ, при общемъ числѣ солдатъ-депутатовъ около 120. Но какъ уже было сказано, офицерство въ своей массѣ было далеко не на высотѣ (что впол-

*) Дезертиръ изъ казалинскаго гарнизона; раньше былъ адвокатомъ въ Чиментѣ или Ауліата.

нѣ понятно, ибо, занемногими исключеніями,—состояло изъ лицъ съ начала войны ни разу не бывшихъ на фронтѣ); работать въ Совѣтѣ пришлось немногимъ, а большинство даже для весьма важныхъ голосованій на засѣданія не являлись.

Этотъ «абсентеизмъ» далъ свои результаты, когда на Краевомъ Съѣздѣ Совѣтовъ разрабатывали Положеніе о Совѣтахъ. Въ Краевой Съѣздъ было выбрано очень мало офицеровъ и с.-д. Бройда съ с.-р. А. І. Дорреромъ (графъ, прис. повѣр. изъ Асхабада) большинствомъ голосовъ провели параграфъ, по которому *всѣ* депутаты: солдаты и офицеры избираются въ воинскихъ частяхъ *всѣми* воинскими чинами — изъ разсчета одинъ на сто. (Раньше же офицеры-депутаты избирались въ каждой части только офицерами, а отъ мелкихъ командъ попадали въ Совѣтъ безъ выборовъ, въ качествѣ представителей). Благодаря этому параграфу въ новый Совѣтъ попало очень мало офицеровъ и вліяніе ихъ въ Совѣтѣ почти утратилось, но зато у членовъ Краевого Совѣта руки были развязаны.

Прошло три съ половиной мѣсяца. Послѣ іюльскаго выступленія большевиковъ въ Петроградѣ, къ чести Краевого Совѣта нужно признать, что они, поняли, что дѣло можетъ кончиться анархіей, и вслѣдъ за появившимся призывомъ генерала Корнилова и началомъ организаціи «ударниковъ» (въ Ташкентѣ сформировался и женскій баталіонъ), въ рядѣ совѣщаній начальниковъ частей гарнизона во главѣ съ новымъ командующимъ войсками генер.-маіоромъ Л. Н. Черкесомъ, совмѣстно съ представителями отъ С. С. Д. (Краевого), были выработаны обязательныя и вполнѣ пріемлемыя для всѣхъ военнослужащихъ «правила» — положенія Устава (вплоть до обязательнаго полученія отпускныхъ увольнительныхъ записокъ, обязательной вечерней переклички и т. п).

Къ 25 августа казалось, что именемъ генерала Корнилова дисциплина среди солдатъ дѣйствительно возстановлена; въ Ташкентѣ, на улицахъ, *даже* честь отдавали по прежнему. Но, полученная вслѣдъ за выступленіемъ генер. Корнилова, радіограмма Керенскаго, въ которой онъ называлъ Корнилова «мятежникомъ и измѣнникомъ,» сразу разрушила всю сдѣланную работу; подготовленная ранѣе разрушительная работа оказалась для массъ тунеядцевъ, откармливаемыхъ въ тылу и не желавшихъ итти на фронтъ, весьма заманчивой; среди самихъ офицеровъ также нашлись демагоги жаждавшіе захвата власти, и, — съ 1-го сентября, повиновенія уже не было даже въ такихъ крупныхъ частяхъ, какъ запасные полки. Въ саперной ротѣ,

изъ которой въ іюлѣ мѣс., по требованію изъ Гюргенскаго отряда ген. Мадритова, были отправлены на фронтъ отборные люди, замѣненные присланными изъ запасныхъ полковъ отбросами «спеціалистами», также не было надежныхъ солдатъ, но зато къ этому времени вполнѣ надежными оставались военное училище и школа прапорщиковъ.

Въ полкахъ вмѣсто занятій шли митинги съ замѣтнымъ участіемъ какихъ то вновь прибывшихъ лицъ; объ одномъ изъ нихъ—Шмидтѣ, въ штабѣ округа были свѣдѣнія, что, по даннымъ развѣдки, онъ германскій шпіонъ, прибылъ изъ Риги, а на вопросъ, почему же его не арестовали, отвѣтъ былъ въ такомъ родѣ, что «сейчасъ это трудно выполнить». (слова кап. Б—го изъ военной цензуры).

Продовольственный вопросъ къ этому времени сталъ также обостряться; большую часть земли туземцы засѣяли хлопкомъ, а обычное снабженіе Туркестана хлѣбомъ изъ другихъ областей тормозилось. Къ 9 сентября въ Ташкентъ пріѣхало много туземцевъ изъ деревень (кишлаковъ) за покупкой къ наступавшему мусульманскому празднику, риса, хлѣба и проч. 11-го сентября, часть солдатъ 1-го полка, руководимая какими-то лицами, самочинно задержала отходившій изъ Ташкента поѣздъ, объыскала всѣхъ туземцевъ и отобрала у нихъ всѣ съѣстные припасы; одновременно, по всему городу и во всѣхъ воинскихъ частяхъ, разные подозрительные ораторы призывали разогнать Краевой Совѣтъ С. и Р. Депутатовъ, а 12-го на митингѣ въ Александровскомъ скверѣ, разношерстная толпа солдатъ и мѣстныхъ подонковъ населенія, руководимая Шмидтомъ и Ко., выбрали особый «Революціонный Комитетъ» изъ 14 членовъ (Шмидтъ, пор. Перфильевъ, бывш. офицеръ Аму-Дарьинской флотиліи Черневскій, чиновн. Контрольной палаты Тоболинъ, репортеръ Цвиллингъ, прапор. Гриневичъ и друг.).

Вечеромъ того же дня, на экстренномъ засѣданіи Краевого Совѣта, обсуждалось создавшееся положеніе, при чемъ члены Совѣта просили приглашеннаго въ засѣданіе генерала Черкеса вызвать для охраны Совѣта роту юнкеровъ. Когда рота отъ школы прапорщиковъ подходила, — толпа, руководимая Членами «Революціоннаго Комитета», уже ворвалась въ «Домъ Свободы», гдѣ засѣдалъ Совѣтъ, — но порядокъ былъ быстро возстановленъ: большая часть членовъ Комитета была арестована, отправлена въ тюрьму и засѣданіе продолжалось... юнкеровъ же отпустили обратно въ школу, а начальникъ школы полковникъ Савицкій и командиръ роты кап. Ф—въ отправились... ночевать въ городъ.

Тѣмъ временемъ, оставшіеся на свободѣ члены «комитета» не пошли спать и, вскорѣ къ «Дому Свободы», сбѣжалась изъ разныхъ казармъ большая толпа солдатъ съ винтовками и разогнали Краевой Совѣтъ. Генералъ Черкесъ былъ раненъ, но, съ обнаженной шашкой, выскочилъ въ окно и, съ помощью нѣсколькихъ солдатъ и полковника Р—ва, былъ спасенъ. Власть перешла въ руки Революціоннаго Комитета, арестованные члены котораго были немедленно освобождены изъ тюрьмы и привезены на автомобиляхъ въ «Домъ Свободы». Командующимъ войсками выбрали пор. Перфильева, его помощникомъ — члена Комитета Вайнштейна, комендантомъ — прап. Гриневича, помощникомъ—бывшаго адъютанта комендант. управленія прап. Л—а (не большевика).*) Въ то время гражданское управленіе Туркестаномъ, по полномочію Временнаго Правительства находилось въ рукахъ комиссаровъ Наливкина, Елпатьевскаго и друг. Всѣ почти учрежденія сразу стали повиноваться новой власти, за исключеніемъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, благодаря чему Наливкинъ успѣлъ послать Временному Правительству телеграмму о происшедшемъ. Изъ воинскихъ частей *не* примкнули къ большевикамъ лишь мелкія команды; саперная рота при новомъ командирѣ кап. Т—вѣ держалась нейтрально, команда искровой станціи (пор. Д—въ) подчинилась и радіо былъ въ распоряженіи большевиковъ, автомобильная команда съ кап. Малюгой**) работала также для нихъ.

15-го сентября, благодаря энергіи прапорщика Бутина, служившаго въ канцеляріи воинскаго начальника, писаря этой команды, а за ними и другихъ, настукали на машинкахъ протесты противъ захватчиковъ власти, а 16-го генералъ С—ій (окружный интендантъ), переговоривъ съ нѣсколькими офицерами, заявилъ, что, если найдутъ еще сторонниковъ, то его команда (человѣкъ 60) цѣликомъ пойдетъ противъ большевиковъ. Въ 4 часа дня, того же числа, во дворѣ Окружнаго интендантства собралось до ста человѣкъ, главнымъ образомъ изъ нестроевыхъ и человѣкъ пятнадцать офицеровъ и чиновниковъ. Пригласили туда же и комиссара Наливкина, который явился

*) Ночью было окружено и помѣщеніе школы прапорщ., арестовали спящихъ юнкеровъ, поставили возлѣ-нихъ караулъ, а винтовки снесли въ цейхгаузъ. Полк. Савицкій и капит. Фроловъ были арестованы и заключены на гауптвахту.

**) Когда въ Ташкентѣ былъ организованъ подотдѣлъ Союза офицеровъ Арміи и Флота, капитанъ Малюга въ противовѣсъ ему образовалъ «Союзъ офицеровъ Республиканцевъ».

съ оттискомъ, только что полученной изъ Петрограда телеграммы Врем. Правительства, въ которой сообщалось, что на помощь высылается военная экспедиція, послѣ чего было приказано «арестовать мятежниковъ». При этомъ комиссаръ Наливкинъ заявилъ, что, не смотря на свою старость, онъ вспоминаетъ, что когда-то былъ сотникомъ и что онъ, въ случаѣ надобности, самъ пойдетъ противъ большевиковъ.

Было условлено: собраться къ 8-ми час. вечера во дворѣ воинскаго начальника, причемъ каждый изъ присутствовавшихъ долженъ былъ къ вечеру привлечь возможно больше сочувствующихъ.

Прежде всего необходимо было освободить юнкеровъ школы прапорщиковъ изъ подъ ареста, что и было блестяще выполнено не бывшими случайно подъ арестомъ капит. Ф—мъ и адъютантомъ школы прапорщиковъ Т—мъ; съ помощью нѣсколькихъ юнкеровъ; вооруженные взятыми изъ конвоя винтовками и бывшими въ ихъ распоряженіи двумя ручными гранатами, они обезоружили большой караулъ, освободили юнкеровъ, добыли изъ цейхгауза винтовки и вооружили ихъ. Къ этому времени кап. Г—нъ уговорилъ находившихся въ крѣпостныхъ казармахъ, въ ожиданіи отправки на фронтъ, триста ударниковъ примкнуть къ движенію; ихъ также вооружили винтовками изъ тѣхъ же цейхгаузовъ и, къ 9 часамъ вечера, былъ сформированъ отрядъ силою до 900 штыковъ (и 75 казаковъ изъ конвоя), включая разныхъ нестроевыхъ, офицеровъ и чиновниковъ. По разнымъ причинамъ офицеровъ примкнуло тогда очень мало; командованіе отрядомъ было предложено генералу Смирницкому, но онъ отказался, заявивъ, что командовать должны только бывшіе на войнѣ. Тогда командованіе принялъ старшій въ чинѣ полковникъ П—въ, назначивъ начальникомъ штаба кап. Г—на. Черезъ часъ выяснилось, что полк. П-въ, никогда не былъ въ боевой обстановкѣ и не годится для командованія (между прочимъ онъ приказалъ отпустить на «честное слово» арестованнаго конвойцами большевистскаго коменданта прап. Гриневича). Пришлось спѣшно вызвать только что освободившагося изъ-подъ ареста полковника Р—ва (георг. кавалеръ—послѣ тяжелаго раненія съ вставной челюстью). Полковникъ Р—въ принялъ командованіе и приказалъ весь отрядъ перевести въ крѣпость, комендантомъ которой назначилъ капит. Г—на. Необходимо еще отмѣтить, что освобожденный изъ-подъ ареста начальникъ школы прапорщиковъ, полковникъ Савицкій, также уклонился отъ командованія и оставался съ нами въ крѣпости въ довольно странной роли присутствующаго, но не участвующаго въ дѣлѣ лица.

Все было сорганизовано настолько быстро, что большевики не успѣли помѣшать, и къ утру, всѣ государственныя учрежденія, банки, казначейство, почта и т. п. охранялись уже караулами изъ крѣпости; большевики не выступали, но ихъ не трогали по приказанію комиссара Наливкина, ожидавшаго, что вотъ-вотъ придетъ военная помощь и тогда наступитъ «судъ праведный». Собственно говоря, — съ большевиками тогда уже можно было кончить однимъ ударомъ, пассивное же сидѣніе въ крѣпости, все время на чеку, было весьма изнурительно: приходилось жить въ крѣпости не раздѣваясь, караулы были тяжелы изъ-за относительной малочисленности. Кромѣ того, въ самой крѣпости, были хорошо вооруженные враги этого маленькаго отряда (крѣпостная артиллерійская рота), у которыхъ были и пулеметы и орудія на валахъ, и которыми, они въ любой моментъ, могли оперировать противъ зданія школы, гдѣ находился тогда штабъ отряда, всѣ офицеры и юнкера. Дѣлались попытки привлеченія къ несенію караульной службы людей изъ дружинъ, но это могло оказаться не безопаснымъ. Такое неопредѣленное положеніе тянулось почти до октября мѣсяца.

Въ концѣ сентября прибыла неожиданная помощь изъ Самарканда: однажды, на разсвѣтѣ, въ крѣпости, появился полковникъ Б—въ съ двумя сотнями (150 чел.) казаковъ и обратился къ коменданту съ вопросомъ — гдѣ находится «гнѣздо»,—т. е. «Домъ Свободы»?—Получивъ указанія, онъ заявилъ, что сейчасъ же его разгоритъ. И дѣйствительно, вскорѣ стали прибывать арестованные имъ: прапор. Гриневичъ, писарь школы прапорщиковъ Федосѣевъ (весьма опасн. большевикъ, членъ комитета), а также вскорѣ привезли цѣлый ящикъ захваченныхъ тамъ документовъ и запертый несгораемый шкафъ.

Но о дѣйствіяхъ полковника Б—ва узналъ полковникъ Савицкій; ужасно возмутившись, онъ отправился къ комиссару Наливкину и убѣдилъ его приказать полк. Б-ву—отъ имени Временнаго Правительства—прекратить военныя дѣйствія; полк. Б—въ обидѣлся и, черезъ нѣсколько дней, уѣхалъ со своими казаками, но арестованные большевики и захваченное имущество остались у коменданта крѣпости. Было вполнѣ ясно, что на гарнизонъ рейдъ Б-ва произвелъ сильное впечатлѣніе и, если бы ему не помѣшали, а наоборотъ — разрѣшили присоединить двѣ роты юнкеровъ къ его казакамъ, то *тогда* легко можно было бы разоружить мятежные полки даже безъ жертвъ.

Итакъ сторонники Временнаго Правительства, присягавшіе ему пока-

зали примѣръ повиновенія законному начальству и подчинились приказу комиссара Временнаго Правительства: не раздѣваясь по недѣлямъ, продолжали въ бездѣятельности валяться на полу столовой и канцелярій школы, готовые, въ любой моментъ, по тревогѣ, занять свои мѣста на валахъ крѣпости или въ рядахъ вылазочнаго отряда.

Въ послѣднихъ числахъ сентября стали прибывать части отряда генерала Коровиченко, (военная экспедиція по назначенію Временнаго Правительства), а 3-го октября прибылъ и самъ ген. Коровиченко. Отрядъ состоялъ изъ (17?) Оренбургскаго казачьяго полка, четырехъ маршевыхъ эскадроновъ драгунъ и гусаръ, пулеметной роты изъ Ораніенбаума и двухъ бронированныхъ автомобилей.

Уже съ перваго дня пребыванія генерала Коровиченко въ Ташкентѣ выяснилось, что будучи присланъ Керенскимъ *для подавленія мятежа*, онъ недооцѣниваетъ событій. Всѣ участники борьбы полагали, что онъ немедленно прикажетъ мятежнымъ войскамъ сдать оружіе и, въ случаѣ неповиновенія, заставитъ ихъ повиноваться силой, также понимали и сами прибывшіе съ нимъ офицеры и солдаты, также понимали и трепетавшіе большевики. Генералъ Коровиченко думалъ иначе; онъ считалъ возможнымъ «уговорить» ихъ и даже «безъ разоруженія». Начался рядъ «роковыхъ» ошибокъ.

Несмотря на всѣ протесты, штабъ ген. Коровиченко расквартировалъ прибывшія съ нимъ войска такъ, что драгуны и гусары должны были жить рядомъ съ 2-мъ зап. стр. полкомъ, а казаки — рядомъ съ казармами 1-го полка, т. е. съ «мѣста въ карьеръ» давалась возможность пропаганды среди вновь прибывшихъ. Уже на второй день всѣ опасенія полностью подтвердились, и офицеры отряда заявили о неудобствѣ такого сосѣдства а также и о томъ, что среди ихъ людей уже кое-что «начинается»; но ген. Коровиченко все же полагался на силу «уговариванія» и... отпустилъ «ударниковъ»*) за ненадобностью — это была вторая ошибка.

Самъ ген. Коровиченко отправился съ визитомъ въ С. С. и Р. Депутатовъ, куда съѣхались члены со всего Туркестана, чтобы «осудить» незаконное сверженіе Краевого Совѣта; засѣдая *совмѣстно* съ захватчиками власти, наиболѣе умѣренные изъ нихъ, не найдя возможнымъ оставаться въ такомъ Совѣтѣ, постепенно разъѣхались. И вотъ, на этомъ Совѣтѣ, генералъ

*) Среди нихъ былъ хорунжій Грековъ (бѣлоголовый), участвовавшій въ партизанскихъ отрядахъ въ январѣ 1918 г. на Дону.

Коровиченко произносилъ большія рѣчи и спокойно выслушивалъ отъ «захватчиковъ власти» самыя возмутительныя вещи—это была третья ошибка.

Четвертой ошибкой являлось освобожденіе отъ обязанностей комиссара Наливкина, что ген. Коровиченко сдѣлалъ именемъ Временнаго Правительства. Единственный боевой старшій начальникъ полковникъ Р—въ, не соглашаясь съ методами Коровиченко, самъ отстранился за болѣзнью (дѣйствительной); помощникъ генерала Коровиченко по гражданскимъ дѣламъ (назначенный имъ) А. І. Дорреръ, состоявшій ранѣе областнымъ комиссаромъ Закаспійской области, также полагалъ, что уговоры безполезны и необходимо разоруженіе и арестъ членовъ Революціоннаго комитета, но не могъ переубѣдить генерала и самъ сталъ заниматься «уговариваніемъ».

Къ 14 октября положеніе защитниковъ власти въ крѣпости стало затруднительнымъ, — крѣпостная рота вела себя слишкомъ вызывающе, пулеметы и одно орудіе демонстративно были направлены противъ зданія школы; депутаты этой роты въ Совѣтѣ требовали суда надъ лицами, разоружившими ихъ караулъ 16 сентября и вскрывшими цейхгаузы съ оружіемъ... и т. д.

Послѣ долгихъ колебаній, генералъ Коровиченко отдалъ приказъ крѣпостной ротѣ сдать оружіе и, по неисполненіи приказа, распорядился роту обезоружить силой. Въ это время комендантомъ крѣпости (съ 3 октября) состоялъ уже полковникъ В. М. Бекъ, ранѣе бывшій Инсп. Инжен. Турк. Округа, а прежній комендантъ, капит. Г-нъ—и. д. начальника штаба крѣпости. Въ виду неповиновенія крѣпостной роты, было приказано обстрѣлять ея казарму во второмъ этажѣ пулеметами изъ двухъ броневиковъ, причемъ было сдѣлано по «двѣ очереди» по верхнимъ карнизамъ оконъ. Крѣпостники сдались, — убитыхъ и раненныхъ не было, хотя часть пуль попала въ потолки и стѣны казармы. Послѣ отбора завѣдомо невиновныхъ, остальныхъ приказано было оставить въ казармѣ подъ карауломъ (всѣ представители власти и защитники Врем. Пр-ства настаивали на отсылкѣ ихъ въ тюрьму). На другой день генералъ разрѣшилъ спеціальной депутаціи отъ Совѣта войти въ крѣпость и «убѣдиться», что никто не убитъ и не раненъ, но прибывшіе, увидѣвъ слѣды пуль, такъ «кликушествовали» по поводу того какіе «могли бы быть» несчастные случаи, что пришлось ихъ выпроводить изъ крѣпости. Въ мятежныхъ полкахъ, въ рабочей слободкѣ и въ городѣ генер. Коровиченко называли «звѣремъ» за то, что онъ разоружилъ роту; на случайно выходившихъ изъ крѣпости защитниковъ ея устраивалась охота....

Тѣмъ временемъ началось броженіе въ Оренбург. казачьемъ полку, пулеметная команда этого полка отказалась выполнить приказаніе своего начальства, и хотя была оставлена на свободѣ, но предана военному суду. Засѣданіе суда генер. Коровиченко приказалъ назначить въ крѣпости; составъ суда — шесть человѣкъ, въ числѣ которыхъ были кадровые офицеры (одинъ полковникъ); такъ какъ на этомъ судѣ допущены были рѣчи, въ которыхъ неповиновеніе восхвалялось, то судъ... «оправдалъ» всѣхъ обвиняемыхъ...

Драгуны и гусары настолько явно были уже заражены пропагандой, что стали опаснымъ элементомъ и генер. Коровиченко отпустилъ ихъ обратно въ Петроградъ, причемъ имъ пришлось дать хорошія деньги «на чай», чтобы только избавиться отъ нихъ. Броневые офицеры успѣли вытребовать себѣ смѣну и тоже уѣхали, — вновь прибывшіе броневики и большая часть казаковъ были вполнѣ надежны.

Между тѣмъ дѣйствія Совѣта и поведеніе мятежныхъ полковъ, убѣдившихся въ пассивности генерала Коровиченко стали настолько вызывающими, что, наконецъ, удалось убѣдить генерала въ необходимости немедленно разоружить полки и отобрать отъ нихъ оружіе и огнестрѣльные припасы, хранившіеся въ полковыхъ цейхгаузахъ.

23-го октября, на разсвѣтѣ, было начато движеніе къ полкамъ; 2-ой полкъ въ городѣ былъ разоруженъ отрядомъ изъ крѣпости весьма быстро; разоруженіе же 1-го полка поручено было ротѣ Военнаго Училища и казакамъ.

Тамъ дѣла складывались весьма плохо: мятежники успѣли передать винтовки рабочимъ*) находившихся по сосѣдству жел.-дор. мастерскихъ, и командовавшій тремя сотнями казаковъ войсковой старшина, долго не рѣшался пустить въ ходъ оружіе (приказано было разоружить безъ крови); когда же мятежники уже сами стали обстрѣливать казаковъ, было поздно приказывать: казаки сдали свои винтовки мятежникамъ. Посланные туда броневики съ трудомъ выбрались обратно, а юнкера училища должны были отступить. Начались правильныя военныя дѣйствія, — наши части въ городѣ, а противникъ въ завокзальной части (казармы 1-го полка, казачьи и мастерскія). Къ 27-му октября наступавшій отрядъ уже бралъ верхъ надъ противникомъ, но, по приказанію ген. Коровиченко, вынужденъ былъ согла-

*) Рабочихъ и разнаго сброда присоединилось къ 1-му полку свыше 3.000.

ситься на перемиріе, просимое противникомъ и генералъ приступилъ къ переговорамъ. Главная просьба противника заключалась въ томъ, чтобы отвести отрядъ отъ ключа позиціи (Куйлюкскій мостъ); не смотря на всѣ убѣжденія въ опасности такого шага, просьба эта была генераломъ исполнена, — онъ приказалъ отойти, а черезъ полчаса переговоры пришлось прервать, ибо большевики немедленно продвинулись черезъ мостъ и заняли часть города....

Начались бои въ самомъ городѣ. Вечеромъ 31-го октября защитники Врем. П-ва снова улучшили свое положеніе и съ утра (наконецъ то получили разрѣшеніе генерала) предполагалось начать артиллерійскій обстрѣлъ рабочей слободки и этимъ покончить съ большевиками, такъ какъ по имѣвшимся даннымъ развѣдки, послѣ этого обстрѣла, рабочіе сейчасъ же разсыпятся. Но къ вечеру прибыла на автомобиляхъ съ бѣлыми флагами, а на передовомъ — съ большимъ крестомъ изъ вокзальной церкви, депутація отъ рабочихъ во главѣ съ настоятелемъ вокзальной церкви. Депутація заявила, что «народъ» не хочетъ больше крови, надо найти пути къ примиренію и проч. Не смотря ни на какіе доводы, генералъ рѣшилъ заключить съ большевиками миръ. Обостренность отношеній въ отрядѣ, являющаяся результатомъ дѣйствій генер. Коровиченко, дошла до того, что офицеры заявили, что не подчинятся ему и выберутъ изъ своей среды командующаго. Тогда генер. Коровиченко сказалъ рѣчь, въ которой указалъ, что неповиновеніе ему, представителю временнаго правительства, равно измѣнѣ присягѣ и проч. Подчинились... раскрыли ворота крѣпости, и черезъ нѣсколько минутъ, всѣ офицеры за немногими исключеніями (успѣли скрыться) были арестованы. Коровиченко былъ первымъ отправленъ на крѣпостную гауптвахту, остальныхъ «погнали» подъ конвоемъ въ казармы 2-го полка.

О томъ, что было пережито тогда, говорить не приходится; сколько было защитниковъ власти Врем. Пр-ва тогда убито — неизвѣстно. Въ городѣ началась ловля офицеровъ и добровольцевъ; въ крѣпости было много лицъ разныхъ профессій, присоединившихся къ отряду въ концѣ октября, было много учащейся молодежи, воспитанниковъ кадетскаго корпуса. Между прочимъ въ эту ночь былъ убитъ (или застрѣлился) генералъ, георг. кавалеръ Мухинъ, къ которому пришли на квартиру (по болѣзни онъ не выходилъ изъ дому) съ требованіемъ отдать оружіе, генералъ отвѣтилъ пулями изъ револьвера.

Съ 1-го ноября большевики закрѣпили свою власть въ Ташкентѣ; въ

другихъ городахъ края имъ также не было оказано почти никакого сопротивленія, — наоборотъ, присылали даже помощь,—такъ напр., 2-го ноября, изъ крѣпости Кушки прибылъ отрядъ съ шестью орудіями подъ командой инженера полковника фонъ-Шульца (бывшаго и ранѣе комендантомъ Кушки) съ офицерами прапорщикомъ Пушкинымъ и другими. Этотъ отрядъ много содѣйствовалъ послѣдовавшимъ жестокостямъ.

При тюрьмѣ, куда перевели послѣ издѣвательствъ и побоевъ всѣхъ офицеровъ (кромѣ генер. Коровиченко, оставленнаго въ крѣпостной гауптвахтѣ на потѣху толпы—приходившихъ ежедневно спеціально для того, чтобы плюнуть сквозь рѣшетку въ «звѣря»; на шестой день его ранили штыкомъ и хотя, по требованію коменданта крѣпости унт. офиц. Якименко, была сдѣлана перевязка, но черезъ недѣлю его убили самымъ звѣрскимъ образомъ), учредили слѣдственную комиссію для разбора степени виновности арестованныхъ; комиссія состояла изъ большого числа солдатъ, — представителей отъ всѣхъ частей; въ составъ комиссіи удалось, на первыхъ порахъ, включить мѣстныхъ адвокатовъ Ф. Н. А—ва и Ш—на, которые содѣйствовали освобожденію многихъ офицеровъ. Благодаря отзывчивости мѣстныхъ жителей и энергіи нѣсколькихъ лицъ (г-жа М. И—ва и друг.), удалось многихъ освобожденныхъ и скрывшихся добровольцевъ переодѣть въ штатское платье, снабдить на дорогу деньгами и отправить по разнымъ дорогамъ изъ Ташкента.*)

Скрывшіеся офицеры и часть интеллигенціи пытались организовать сопротивленіе путемъ созданія въ Кокандѣ Автономнаго Туркестанскаго Правительства съ помощью туземцевъ-сартовъ и имъ удалось, по всѣмъ городамъ края организовать массовыя демонстраціи противъ захватчиковъ (мирныя манифестаціи).

Въ городѣ Ташкентѣ такая манифестація состоялась 13 декабря, участвовало свыше 150 тысячъ сартовъ, прошедшихъ черезъ весь русскій Ташкентъ; большевики сначала объявили, что не допустятъ манифестантовъ въ русскій городъ, но, убѣдившись въ мощности движенія, — разрѣшили; примкнувшіе къ манифестантамъ русскіе потребовали выпуска изъ тюрьмы арестованныхъ офицеровъ, при чемъ большевики вынуждены были согласиться и на это. Освобожденныхъ съ тріумфомъ повезли на взятыхъ безъ сопротивленія у большевиковъ автомобиляхъ; генерала Смир-

*) Два юнкера и одинъ кадетъ были въ январѣ 1918 г. въ рядахъ добровольцевъ въ Ростовѣ.

ницкаго посадили верхомъ на лошадь и... вмѣсто немедленнаго движенія въ туземный городъ, гдѣ можно было укрыть освобожденныхъ, отправились «говорить рѣчи» къ городской Думѣ и т. п., — это было около четырехъ часовъ дня. Туземцы, съ утра ничего не ѣвшіе, въ прежнемъ порядкѣ направились въ старый городъ; кругомъ освобожденныхъ и примкнувшихъ къ манифестаціи русскихъ, оставалось не болѣе пятисотъ туземцевъ, когда послышались тревожные гудки въ мастерскихъ; пришлось наскоро закончить рѣчи и съ поспѣшностью двигаться къ туземному городу. Но у выхода, — въ зданіи управленія запасной бригады, уже засѣли большевики съ пулеметами, изъ которыхъ и открыли огонь по колоннѣ манифестантовъ. Генералъ Смирницкій и еще нѣсколько русскихъ и, до ста пятидесяти сартовъ, были убиты или утонули въ рѣкѣ на границѣ русскаго города, большая же часть офицеровъ успѣла скрыться, а восемь человѣкъ, въ томъ числѣ полковникъ Бекъ, генералъ Кіяшко, прис. повѣр. Дружкинъ, графъ Дорреръ были захвачены, отвезены въ крѣпость и тамъ зарублены шашками. По всему городу начались аресты лицъ, заподозрѣнныхъ въ организаціи манифестаціи.

Черезъ сутки, 15 декабря, капит. Г—ну удалось переодѣтымъ скрыться изъ Ташкента и выѣхать по грунтовымъ дорогамъ черезъ Пскентъ и Ходжентъ въ Кокандъ, гдѣ предполагалось найти членовъ Туркестанскаго Правительства, но въ тотъ же день, по полученіи извѣстія, что въ Кокандъ ѣдетъ карательная экспедиція съ пор. Перфильевымъ во главѣ, члены Правительства стали сами скрываться. Пришлось покинуть Кокандъ и капит. Г—нъ, вмѣстѣ съ бѣжавшимъ ранѣе изъ Ташкента прис. пов. Ш—мъ, были провезены скрытно проводникомъ вагона до Самарканда, а затѣмъ до Асхабада, гдѣ нашли прис. повѣр. А—ва.

Въ Асхабадѣ предполагалось организовать что либо съ туркменами, но это не удалось, и тогда кап. Г—нъ, по порученію члена Кокандскаго Правительства А—ва, поѣхалъ искать помощи на Кавказѣ.

Въ Терской и Кубанской областяхъ ни о какой помощи не могло быть и рѣчи, т. к. тамъ сами еще не знали, что дѣлать, — пришлось искать помощи дальше на Дону, гдѣ, какъ говорили на Кубани, уже имѣется организація, возглавляемая генераломъ Алексѣевымъ.

9-го января 1918 г. кап. Г—нъ прибылъ въ Новочеркасскъ и, въ тотъ же день, былъ принятъ генераломъ, который, выслушавъ подробный док-

ладъ о вышеизложенномъ, сказалъ, что будетъ сдѣлано все возможное для спасенія Туркестана.

Подробный варіантъ доклада кап. Г-на генералу М. В. Алексѣеву.

9 января капитанъ Г—нъ явился къ генералу Алексѣеву, который принялъ его въ маленькомъ кабинетѣ дома *** въ Новочеркасскѣ. Генералъ съ живѣйшимъ интересомъ выслушалъ подробный докладъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Туркестанѣ, задалъ докладчику много вопросовъ о противо-большевистской организаціи въ Ташкентѣ, о количествѣ снаряженія и боевыхъ припасахъ, оставшихся въ Туркестанскомъ округѣ (Ташкентъ и кр. Кушка), о численности и качествахъ людей, пригодныхъ для борьбы съ большевиками, разспрашивалъ объ отношеніи къ большевизму туземцевъ (сартовъ, киргизъ и туркменъ), о составѣ большевистскихъ частей, объ офицерахъ, оставшихся на службѣ у большевиковъ. Узнавъ отъ докладчика, что среди большевиковъ въ Туркестанѣ имѣются германскіе руководители, генералъ промолвилъ: «иначе и быть не могло, все отъ нихъ».

Поблагодаривъ докладчика, генералъ Алексѣевъ сказалъ, что будетъ сдѣлано все возможное для помощи Туркестану и назначилъ докладчика въ распоряженіе начальника военно-полит. отдѣла полковника ген. штаба Лисового. Послѣ обсужденія вопроса, докладчику было поручено съ помощью двухъ младшихъ офицеровъ (тоже туркестанцевъ), разработать планъ организаціи освобожденія Туркестана съ тѣмъ, чтобы по утвержденіи его, выѣхать въ Туркестанъ.

Однако дальнѣйшія событія на Дону, какъ было выше изложено, не дали возможности привести въ исполненіе желанія генерала Алексѣева и Туркестану тогда помочь не пришлось.

Ф. Гнѣсинъ.

Ростовъ н/Д.
18 мая 1918 года.

III.

БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ

ЗАСѢДАНІЕ

Политическаго Совѣщанія Добровольческой Арміи 15 января 1918 г.*)

...Событія между тѣмъ шли своимъ чередомъ: большевистское кольцо съужалось все болѣе и болѣе, притокъ добровольцевъ сократился до минимума (15 — 20 челов. въ день) и, конечно, не въ состояніи былъ покрыть естественной убыли въ рядахъ добровольцевъ; въ таблицѣ моральнаго состоянія казачьихъ частей**) отдѣлы «ненадежныхъ» и «малонадежныхъ» пополнялись новыми войсковыми частями и абсолютная цифра ихъ росла не по днямъ, а по часамъ, — графа «надежныхъ» этой же таблицы соотвѣтственно и также быстро сокращалась.

Къ 15 января окончательно выяснилось, что почти вся тяжесть обороны легла на плечи Добровольческой Арміи; къ этому времени большевики, оттѣснивъ партизанъ, заняли ст. Лихую-Звѣрево; Таганрогъ, горящій извнутри большевистскимъ пламенемъ, былъ также подъ непосредственной угрозой захвата его большевиками, еле сдерживаемыхъ небольшимъ отрядомъ добровольцевъ; въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ почти открыто засѣдали Совѣты Рабочихъ Депутатовъ и выносили большевистскія резолюціи; на югѣ вновь зашевелились распропагандированныя части 39 пѣх. дивизіи, и, наконецъ, въ довершеніе, всего окончательно выяснилось, что на помощь чехо-словаковъ нѣтъ никакой надежды: всѣ отправляемыя профессору Массарику письма, оставлялись безъ отвѣта; послѣднее же письмо, генер. Алексѣева, отправленное въ Кіевъ на имя французскаго представителя съ просьбой оказать вліяніе на профессора Массарика въ смыслѣ подачи скорѣйшей помощи Добровольческой Арміи — не дошло до назначенія: женщина-прапорщикъ, которой было поручено отвезти письмо, въ пути была арестована большеви-

---

*) Отрывокъ изъ готовящейся къ печати книги Я. М. Лисового «Матеріалы по исторіи Добровольческой Арміи первыхъ дней».

**) Полевой Штабъ Донской Армій разработалъ особую таблицу «моральнаго состоянія казачьихъ войскъ», въ которой всѣ казачьи части были разбиты на слѣдующіе отдѣлы: 1) надежныхъ, 2) малонадежныхъ и 3) ненадежныхъ.

ками и... разстрѣляна, — письмо же было опубликовано въ совѣтской печати и конечно съ соотвѣтствующими большевистскими варіантами.

Какъ ни было тяжело и горько, но приходилось сознаваться въ своемъ безсиліи...

Утромъ, 15 января, я былъ вызванъ въ Атаманскій дворецъ, гдѣ Атаманъ просилъ меня передать генералу Алексѣеву его просьбу о назначеніи экстреннаго засѣданія Политическаго Совѣщанія, прибавивъ, что онъ предполагаетъ сдѣлать докладъ о положеніи дѣлъ въ Донской Области.

Генералъ Алексѣевъ съ величайшей готовностью откликнулся на просьбу Атамана и немедленно сдѣлалъ рядъ распоряженій о назначеніи засѣданія на вечеръ того же дня.

Къ 8 час. вечера въ залъ Политическаго Совѣщанія, въ такъ называемомъ «домѣ съ буквой И», собрались всѣ члены Совѣщанія, за исключеніемъ Савинкова и Вендзягольскаго, которые незадолго передъ этимъ получили командировки: Савинковъ — въ Москву, а Вендзягольскій въ Кіевъ.

Вскорѣ пришелъ и Донской Атаманъ.

Всѣ члены Совѣщанія заняли мѣста и генералъ Алексѣевъ открылъ засѣданіе, предоставивъ слово Атаману.

Тихимъ, по обыкновенію, голосомъ, смотря куда-то въ сторону, генералъ Калединъ началъ свой докладъ, детально обрисовывая ту тяжелую политическую и военную обстановку, въ которой находилась Донская Область: «такимъ образомъ, насъ постепенно, но вѣрно окружаютъ со всѣхъ сторонъ и... выхода нѣтъ никакого, надѣяться не на кого, абсолютно не на кого, кромѣ, какъ на самихъ себя» — закончилъ Атаманъ свою пятнадцатиминутную рѣчь.

Послѣ Атамана говорилъ М. П. Богаевскій: — «я буду кратокъ, — сказалъ онъ, — мы отлично знаемъ Вашу готовность помочь намъ, но мы также знаемъ, что Вы сами бѣдны и не объ этой помощи мы собираемся просить; но, быть можетъ Вамъ, людямъ государственнаго ума и практическаго опыта, со стороны виднѣе какой нибудь выходъ изъ этого положенія, выходъ — который, мы или упустили или не замѣчаемъ и который можетъ еще, если и не спасти, то поправить общее положеніе».

Заговорилъ П. М. Агеевъ; анализируя всѣ происходящія въ Россіи событія съ точки зрѣнія «какого то особеннаго, можетъ быть непонятнаго

для современниковъ» психологическаго процесса, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «кто его знаетъ — почему такъ выходитъ? или мы не умѣемъ, или мы не понимаемъ, или же мы дѣйствительно не правы, но только насъ не слушаютъ и мы... безсильны», — закончилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ, и ударивъ по столу рукой, всталъ и началъ нервно ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину и низко опустивъ голову.

Генералъ Алексѣевъ склонившись надъ столомъ, по обыкновенію, что то отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ, П. Б. Струве и кн. Г. Н. Трубецкой тихо перешептывались; Атаманъ застылъ въ свой унылой позѣ; Агеевъ безъ конца ходилъ изъ угла въ уголъ; Н. Е. Парамоновъ мрачно насупившись и глубоко втянувъ голову въ плечи , казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ, — остальные члены Совѣщанія также молчали...

За стѣной раздавался вой вѣтра и мокрый обледѣнѣлый снѣгъ, какъ песокъ , хлесталъ въ стекла оконъ; изрѣдка глухо доносились одиночные ружейные выстрѣлы и надоѣдливо монотонно такала въ сосѣдней комнатѣ пишущая машинка...

Чувствовалась общая недоговоренность,... всѣ чего то ждали о чемъ то думали...

И, вдругъ, среди общаго тяжелаго молчанія, внезапно раздался спокойный и твердый голосъ: «я прошу слова Михаилъ Васильевичъ»! — всѣ повернули головы въ сторону говорившаго — это былъ П. Н. Милюковъ.

Смотря черезъ столъ въ сторону сидѣвшихъ рядомъ Атамана и М. П. Богаевскаго, — П. Н. Милюковъ спокойно началъ излагать свое мнѣніе; на лицѣ его скользила, такъ знакомая всѣмъ, еле уловимая улыбка; онъ вполнѣ соглашался съ тяжестью фактовъ, но останавливался не на нихъ, а на причинахъ ихъ породившихъ; логически развивая далѣе свою мысль,онъ безпощадно, шагъ за шагомъ, разобралъ всѣ дѣйствія Войскового Правительства, рѣзко подчеркнулъ всѣ ихъ ошибки и, какъ выводъ изъ всего этого, указалъ, что нынѣшнее тяжелое положеніе является результатомъ именно этого ряда ошибокъ и, что Правительству не на кого плакаться и не на кого жаловаться, а нужно винить прежде всего самихъ себя.

Уже нѣсколько минутъ Атаманъ тяжелымъ взглядомъ мѣрялъ говорившаго П. Н. Милюкова и, когда послѣдній окончилъ, отвѣтилъ ему тихо и медленно, какъ бы съ трудомъ подбирая слова: «мы не за критикой сюда пришли, Павелъ Николаевичъ, и ни въ чьей критикѣ не нуждаемся; критиковать свободнымъ и безотвѣтственнымъ людямъ легче всего. Необходимо

искать выхода, если еще есть какой нибудь выходъ , а критика... Богъ съ ней.. теперь не время и не мѣсто»,—закончилъ Атаманъ вставая и направляясь къ выходу.

Создалось крайне неловкое положеніе, но на помощь поспѣшилъ генералъ Алексѣевъ.

Держа въ лѣвой рукѣ книжку, а въ правой карандашъ, онъ остановилъ выходящаго Атамана и началъ мягкимъ голосомъ излагать свое мнѣніе; признавая въ общемъ тяжелое положеніе, генералъ Алексѣевъ указалъ, что не все еще потеряно, что пока не испробованы всѣ средства нужно бороться до конца, а если станетъ очевиднымъ, что борьба не по силамъ — «ну что жъ и это не такъ ужъ плохо: мы тогда уйдемъ къ Саратову или куда нибудь за Волгу и тамъ соберемся съ силами для новой борьбы — Добровольческая Армія готова и къ этому»...

По мѣрѣ рѣчи генерала Алексѣева на лицѣ Атамана все болѣе и болѣе отражались признаки крайняго изумленія — «извините, Михаилъ Васильзвичъ — перебилъ онъ генерала Алексѣева, — но для меня это большая новость, что Добровольческая Армія собирается куда то уходить изъ Донской Области и что она даже уже готова къ этому, — до сихъ поръ я думалъ, что судьбы наши тѣсно переплетены: оказывается это не такъ»...

Генералъ Алексѣевъ безпокойно задвигался на стулѣ: «Вы меня не поняли, Алексѣй Максимовичъ, — уходъ нашъ является крайнимъ средствомъ и только послѣ безъисходной борьбы»...

На эту тему продолжался общій разговоръ еще нѣкоторое время, послѣ чего Атаманъ, пожавъ руку генералу Алексѣеву и сдѣлавъ общій поклонъ присутствующимъ, вышелъ изъ зала... забывъ захватить папаху.

Я нагналъ Атамана почти въ передней и вручилъ ему забытую папаху; поблагодаривъ меня, онъ грустно сказалъ: «вотъ Вы собираетесь уходить куда то, а я, Донской Атаманъ, я ничего не знаю объ этомъ».

Мы стояли у открытой на улицу двери: ворвавшійся рѣзкій вѣтеръ засыпалъ насъ снѣжной порошей.

«Ваше Высокопревосходительство»... началъ было я, но Атаманъ нетерпѣливо махнулъ рукой и пожавъ мнѣ руку ,вышелъ... Въ полумракѣ снѣжной пустынной площади постепенно исчезалъ сгорбленный силуетъ Донского Атамана...

Чтобы понять происшедшій между Атаманомъ и генераломъ Алексѣевымъ инцидентъ, необходимо вернуться къ событіямъ первыхъ дней января.

Однажды въ началѣ января, придя къ Атаману съ обычнымъ военно-политическимъ докладомъ, я получилъ отъ него для передачи генераламъ Алексѣеву и Корнилову вышеупомянутую таблицу «моральнаго состоянія округовъ и казачьихъ частей»; при этомъ Атаманъ сказалъ слѣдующее: «пожалуйста, передайте Михаилу Васильевичу, чтобы Штабъ оріентировалъ меня самымъ подробнымъ образомъ; съ тѣхъ поръ какъ Вы ушли отъ меня, я не знаю, что дѣлается у Васъ въ организаціи, а вѣдь мнѣ нужно знать все до мелочей. Я отъ Васъ никакихъ секретовъ, никакихъ тайнъ не имѣю — зачѣмъ же отъ меня скрываютъ»!—неожиданно рѣзко закончилъ Атаманъ.

Я доложилъ, что мнѣ опредѣленно извѣстно, что никакихъ секретовъ у генерала Алексѣева отъ Донского Атамана нѣтъ, и что...

«Но у меня, до сихъ поръ, нѣтъ ни схемы Вашего управленія, ни численности войскъ, ни Вашего плана дѣйствій — перебилъ меня Атаманъ — пожалуйста передайте, что я прошу прислать все это мнѣ немедленно, повторяю: у насъ тайнъ не должно быть другъ отъ друга», закончилъ Атаманъ, отпуская меня.

Конечно, никто не думалъ скрывать что либо отъ Атамана — просто на просто это былъ хотя и досадный, но совершенно случайный промахъ Штаба Добровольческой Арміи, который находился въ періодѣ лихорадочной организаціи и, по просту, упустилъ изъ виду это обстоятельстзо. Это станетъ еще болѣе понятнымъ, если добавить, что и генералъ Алексѣевъ также не располагалъ этими данными и мнѣ пришлось за ними отправиться въ Штабъ генерала Корнилова.

Просимая схема собственноручно была начерчена генераломъ Романовскимъ и въ копіяхъ передана какъ генералу Алексѣеву, такъ и Донскому Атаману.

Вотъ почему слова генерала Алексѣева на засѣданіи политическаго совѣщанія 15 января, что Добровольческая Армія готова къ уходу куда нибудь къ Саратову или за Волгу — ошибочно создали у Атамана представленіе о какомъ то вполнѣ разработанномъ планѣ самостоятельнаго и при томъ скрытнаго ухода Добровольческой Арміи изъ предѣловъ Донской Области — чего въ дѣйствительности не было.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что ни этотъ инцидентъ, ни тяжелая обстановка, ни вообще различныя недоразумѣнія естественно вытекавшія изъ общаго хода тяжелыхъ событій того времени, нисколько не нарушили теплыхъ и дружественныхъ отношеній между двумя Вождями...

ДОКЛАДЪ

Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга Россіи
о положеніи дѣлъ
на Западномъ фронтѣ вообще
и объ арміи полк. Бермонта Авалова въ частности
къ 15 октября 1919 года.

Помѣщая, нашумѣвшій въ свое время докладъ, необходимо въ цѣляхъ выясненія и условій его появленія на Дону и освѣщенія личности Бермонта Авалова сдѣлать небольшую предпосылку изъ другихъ источниковъ.

1.

ПРИБЫТІЕ ДЕЛЕГАЦІИ ИЗЪ АРМІИ БЕРМОНТА АВАЛОВА.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ на аэропланѣ прилетѣли изъ арміи Бермонта Авалова полковникъ Ф. и прапорщикъ М.

Явившись къ генералу А. Драгомирову и изложивъ ему суть доклада, а также словесную просьбу Бермонта Авалова о признаніи его генераломъ Деникинымъ съ сохраненіемъ за нимъ самостоятельности въ управленіи, — делегаты просили предоставить имъ возможность проѣзда въ Донскую Область.

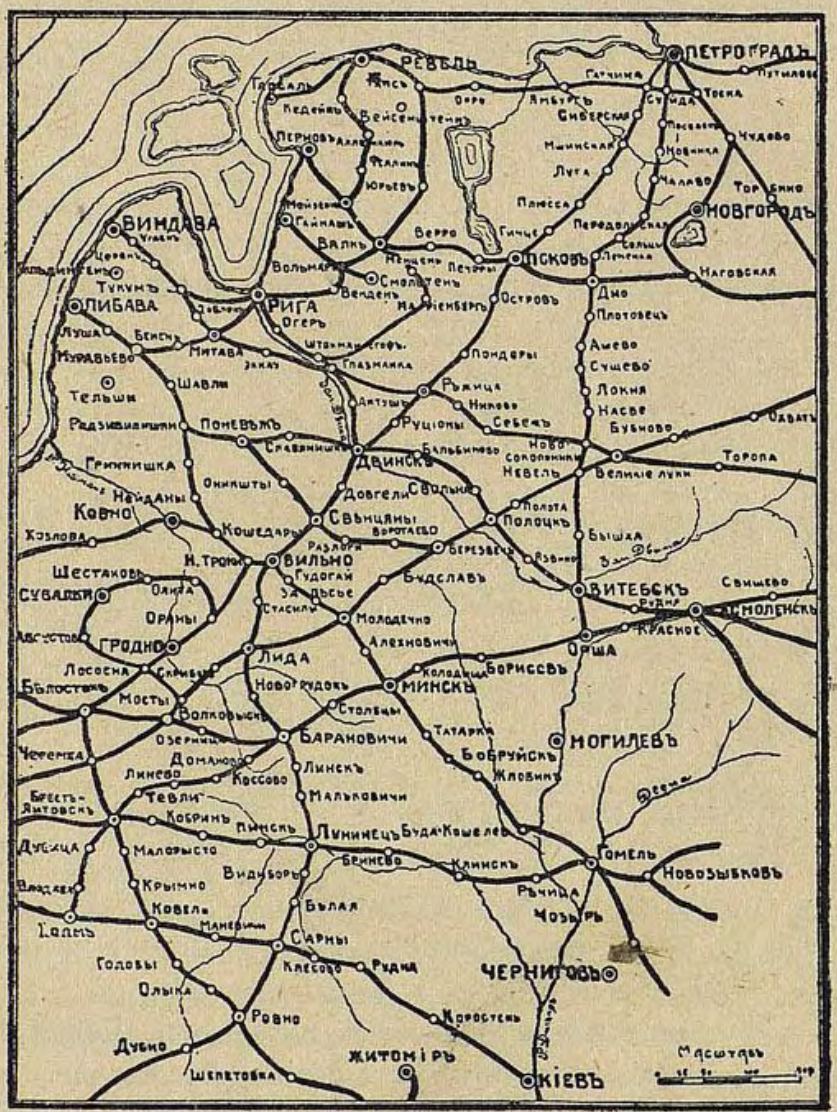
Пріѣхавъ на Донъ, делегаты явились въ Ставку и просили о пріемѣ ихъ Главнокомандующимъ, но послѣ того, какъ они изложили цѣль своего прибытія, имъ въ пріемѣ было отказано.

Послѣ долгихъ и настойчивыхъ просьбъ, ихъ принялъ генералъ Романовскій и предложилъ имъ подать письменный докладъ.

Между тѣмъ прибытіе делегатовъ стало извѣстнымъ въ городѣ и вызвало разнорѣчивые толки и всеобщій интересъ, главнымъ образомъ среди общественныхъ и политическихъ дѣятелей. (Объ успѣхахъ Добр. Арміи начали уже носиться зловѣщіе толки).

КЪ ДОКЛАДУ

о положеніи дѣлъ на Западномъ фронтѣ и въ арміи Бермонта Авалова



Среди послѣднихъ были Н. В. Фенинъ и В. А. Степановъ (оба нынѣ умершіе), обратившіеся ко мнѣ съ просьбой — сообщить имъ, — что извѣстно мнѣ по этому вопросу. Какъ разъ, наканунѣ, одинъ изъ делегатовъ былъ у меня и передалъ мнѣ копію этого доклада и всѣ фотографіи для напечатанія въ газетѣ.

Нечего и говорить, что по условіямъ момента, это было совершенно невозможно и единственно что я могъ сдѣлать — это передать означенный докладъ, въ копіяхъ, упомянутымъ выше обществ. политическимъ дѣятелямъ, со своей объяснительной запиской по этому вопросу.

Этотъ докладъ, вмѣстѣ съ моей объяснительной запиской, какъ я узналъ впослѣдствіи, подверглись частному обсужденію Особаго Совѣщанія на квартирѣ у одного изъ членовъ, кажется Н. И. Астрова.

Спустя два-три дня, изъ политическаго отдѣла генерала Врангеля, ко мнѣ явился нѣкій развязнаго вида капитанъ и отъ имени — сперва Начальника Штаба генер. Шатилова, а потомъ и генер. Врангеля «потребовалъ» передачи ему извѣстнаго доклада, который по свѣдѣніямъ контръ-развѣдки арміи генер. Врангеля находится у меня.

Такъ какъ никакихъ документовъ оправдывающихъ цѣль его посѣщенія не было, то я отказался вести съ нимъ разговоръ на эту тему.

Въ тотъ же день я былъ приглашенъ въ Политич. Отд. генер. Врангеля (Ростовъ, Почтовый пер. № ?), гдѣ уже лично Н-мъ полит. отд. было мнѣ предъявлено аналогичное требованіе и на мое заявленіе — что этого доклада у меня нѣтъ — мнѣ было предложено подписать соотвѣтствующую «бумажку».

Впослѣдствіи неоднократно ко мнѣ обращались многія лица, интересовавшіеся означеннымъ докладомъ. Я. Л.

II.

ЛИЧНОСТЬ БЕРМОНТА АВАЛОВА ПО ПИСЬМУ ОФИЦЕРА ЕГО АРМІИ

... Я волею судебъ былъ участникомъ Кіевскихъ событій при гетманѣ Скоропадскомъ и послѣ печальнаго исхода былъ вывезенъ изъ Кіева въ Германію съ эшелономъ № 4.

Когда нашъ поѣздъ шелъ по территоріи занятой петлюровцами, никто изъ насъ никого не зналъ, а если кто и зналъ, то старался не называть чиновъ

и фамилій, что бы не подвергнуть никого опасности, ибо петлюровцы страшно придирались къ намъ на каждой станціи, нерѣдко угрожая.

Но какъ только мы попали въ раіонъ окупированный нѣмецкими войсками (онъ начинался со ст. «Голобы»), то начали показываться среди насъ и власти. Первымъ появился нѣкто Бермонтъ; не знаю какимъ образомъ, но онъ немедленно сдѣлался комендантомъ нашего эшелона; ходилъ онъ въ формѣ полковника съ трехцвѣтнымъ угломъ на рукавѣ и громко заявлялъ, что онъ представитель генерала Деникина.

Помню на одной изъ станцій произошелъ какой то инцидентъ между нимъ и какимъ то прапорщикомъ; Бермонтъ разговаривалъ очень повышеннымъ тономъ и заявилъ, что по пріѣздѣ въ Добровольческую Армію, онъ доложитъ о происшедшемъ въ Штабѣ генерала Деникина.

Всѣ мы, мелкія сошки, конечно ничего не знали, и только, видя представителя генерала Деникина, радовались возможности попасть въ Добровольческую Армію.

Черезъ нѣсколько дней мы прибыли въ Германію и насъ помѣстили въ лагерѣ военно-плѣнныхъ Salzwedel; это было въ первой половинѣ февраля 1919 года. Начальникомъ лагеря былъ генералъ-лейтенантъ (фамилію его не помню, но знаю, что онъ живетъ въ Парижѣ), а комендантомъ былъ полковникъ Бермонтъ; онъ былъ очень энергиченъ, все время бѣгалъ и наводилъ порядки.

Такъ какъ въ лагерѣ была самая разношерстная публика и, безусловно, было много самозванцевъ, то по постановленію штабъ-офицеровъ рѣшено было произвести регистрацію всѣхъ лицъ, находившихся въ лагерѣ. Былъ назначенъ день и часъ, когда всѣ офицеры должны были представить имѣющіеся у нихъ документы или же указать лицъ, по возможности изъ штабъ офицеровъ, которые бы могли засвидѣтельствовать ихъ личность; гражданскія лица должны были представить документы.

И представьте, какая драма — у коменданта лагеря, т.е. у полк. Бермонта не оказалось никакихъ документовъ и никто его не зналъ. Этотъ фактъ старались замолчать, но Бермонтъ въ 24 минуты исчезъ изъ лагеря.

Летѣли дни за днями, а мы не получали никакихъ назначеній и насъ никуда не отправляли.

Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, приблизительно въ серединѣ марта

мѣсяца по лагерю пронесся слухъ, что полк. Бермонтъ формируетъ пулеметный отрядъ имени графа Келлера и приглашаетъ всѣхъ желающихъ записываться; указывалась комната гдѣ можно было записаться, назначены были завѣдующіе офицеры и объявлено, что раіономъ дѣйствій этого отряда будетъ Прибалтика (Латвія).

Вскорѣ прежній начальникъ лагеря генералъ-лейтенантъ? уѣхалъ, а его мѣсто занялъ полковникъ М-въ, служившій впослѣдствіи также въ арміи Бермонта Авалова.

Между тѣмъ Бермонтовская вербовка расширялась; я называю это вербовкой потому, что тамъ все было основано лишь на деньгахъ и обѣщаніяхъ.

Черезъ двѣ три недѣли образовалась уже порядочная группа, появилась оффиціальная канцелярія съ громкой надписью на дверяхъ и записавшіеся начали носить погоны съ буквой «К» и нашили на гимнастеркахъ крестъ.

Самъ Бермонтъ часто привѣтствовалъ ихъ телеграммами и обѣщалъ снабдить крупной суммой денегъ. Иногда онъ пріѣзжалъ и лично, бесѣдовалъ съ записавшимися и устраивалъ для нихъ вечеринки.

Такимъ образомъ въ лагерѣ образовались двѣ группы: Бермонтовцевъ и совершенно пока свободныхъ людей.

Въ это время въ газетѣ, «Общее Дѣло», появилось воззваніе генерала Миллера къ офицерамъ Великой Нашей Арміи.

Однажды, вскорѣ послѣ этого воззванія, въ лагерь пріѣзжаетъ Бермонтъ Аваловъ и прглашаетъ всѣхъ офицеровъ собраться въ столовой. Здѣсь онъ выступилъ съ рѣчью, въ которой онъ говорилъ о долгѣ каждаго русскаго офицера передъ Родиной и, что онъ хотя и не отговариваетъ никого ѣхать въ Англію, но всѣ должны ѣхать съ нимъ, въ Прибалтику, и что онъ не представляетъ себѣ возможности похода на Петроградъ, ничего не сдѣлавъ въ Прибалтикѣ и т. д.

Вербовка все продолжалась; кромѣ офицеровъ начали вербовать и нижнихъ чиновъ изъ военно-плѣнныхъ, жившихъ по сосѣдству съ нами и страшно распропагандированныхъ большевиками.

Наступилъ моментъ отправки этого отряда въ Прибалтику; почему то нижніе чины отправлялись изъ лагеря тайно и по ночамъ.

Вскорѣ затѣмъ и я уѣхалъ въ Англію, а оттуда на Мурманъ къ генералу Миллеру...

Поручикъ С. Дмитріевъ.

III.

ДОКЛАДЪ

I-го февраля 1919 года я получилъ предписаніе отъ Начальника части Генеральнаго Штаба Венно-Морского Отдѣла за № 10816, о прикомандированіи меня къ миссіи А. И. Г-ва, отправлявшейся въ Западную Европу съ цѣлью выясненія положенія въ Германіи нашихъ военно-плѣнныхъ и возможной эвакуаціи ихъ.

Положеніе въ то время обрисовывалось слѣдующимъ образомъ: Западный Край былъ очищенъ оккупировавшими его германскими частями. На всемъ западѣ существовали лишь двѣ противобольшевистскія русскія организаціи: одна, базировавшаяся на Ревель (отряды Балаховича и Родзянко) и другая —на Либаву (отрядъ свѣтл. кн. Ливена). Такъ какъ, конечно, о массовой эвакуаціи нашихъ военно-плѣнныхъ, значительно зараженныхъ большевизмомъ, разговора быть не могло, то дѣло шло объ извлеченіи изъ ихъ среды благонадежной части и укомплектованія ими частей западнаго фронта. Свѣдѣнія, имѣвшіяся въ то время, указывали на возможность полученія большого числа добровольцевъ изъ военно-плѣнныхъ и потому предполагалось сформированіе сильной арміи на западѣ Россіи. А посему миссія А. И. Г-ва (къ ней было прикомандировано всего 6 офицеровъ, во главѣ съ полковникомъ В.) должна была направиться въ Парижъ и Лондонъ съ цѣлью исходатайствовать передъ нашими Союзниками помощь въ формированіи, какъ финансовую, такъ и вооруженіемъ и просить ихъ оказать давленіе на Германію, дабы она не препятствовала эвакуаціи и формированію. Имѣлось въ виду предположеніе, что Союзники будутъ содѣйствовать полученію снаряженія отъ Германіи изъ числа того, которое она обязана была выдать по условіямъ перемирія.

По прибытіи въ Одессу, миссія, несмотря на всю спѣшность дѣла, была задержана на двѣ недѣли, такъ какъ французы не давали ей разрѣшеніе на въѣздъ во Францію Въ виду этого А И. Г-въ нашелъ нужнымъ командировать непосредственно въ Берлинъ 3 офицеровъ: капитана Н., поручика К. и меня, для немедленнаго выясненія положенія въ Германіи, доставленія ему въ Парижъ доклада, а также для ряда предварительныхъ работъ. Послѣ

24-дневнаго путешествія, благодаря безконечнымъ промежуточнымъ визамъ и разстроенному транспорту, мы прибыли въ Берлинъ.

А. И. Г-въ прибылъ въ Берлинъ только въ концѣ іюля. Оказалось, что миссія въ Парижѣ столкнулась съ безконечнымъ количествомъ препятствій, а послѣ почти такой же неудачи въ Лондонѣ, — пришлось оставить мысль о созданіи *сильнаго западнаго фронта*.

Но благодаря въ значительной степени вліянію А. И. Г-ва на правительственные круги Англіи (Черчиль), была оказана нѣкоторая поддержка Арміи генерала Юденича. Вся работа, такимъ образомъ, свелась къ поддержкѣ уже существующихъ частей.

Миссія А. И. Г-ва распалась и разъѣхалась еще въ Парижѣ и у него остался только мичманъ А.

Положеніе военно-плѣнныхъ въ Германіи, ко времени пріѣзда нашего въ Берлинъ, было слѣдующее. Въ Германіи находилось еще около 350.000 военно-плѣнныхъ — частью, содержавшихся въ удовлетворительномъ состояніи въ лагеряхъ, частью, находившихся на частныхъ работахъ. Офицеровъ было сравнительно немного — около 4.000, настроенныхъ довольно пассивно. Кромѣ этого, въ нѣсколькихъ лагеряхъ, находились около 3.000, офицеровъ и солдатъ, преимущественно, вывезенныхъ нѣмцами изъ Украины, послѣ занятія ея Петлюрой и большевиками. При эвакуаціи ихъ изъ Украины нѣмцы имъ обѣщали, что они будутъ доставлены во Францію, откуда смогутъ проѣхать въ Добровольческую Армію. Но по прибытіи ихъ въ Германію выяснилось, что Франція отказалась пропустить ихъ черезъ свою территорію. Офицеры эти, пережившіе всю трагедію большевизма и самостійности, особенно нервничали и рвались на фронтъ, возмущаясь, почему ихъ не отправляютъ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Германію, Союзниками была сдѣлана попытка эвакуировать изъ Германіи въ Россію всѣхъ военно-плѣнныхъ, что привело бы къ отправкѣ подавляющаго большинства ихъ въ Совдепію, но эта попытка была, къ счастію, своевременно оставлена.

Между тѣмъ солдаты, военно-плѣнные, были дѣйствительно частью настроены большевистски, но большевизмъ былъ не глубокъ и объяснялся съ одной стороны — агитаціей, которая велась спартаковцами и русскими большевиками, а съ другой — четырьмя годами плѣна. Противоположной агитаціей можно было достигнуть многаго и факты доказываютъ, что одно удаленіе комитета лагеря измѣняло сразу настроеніе. Но планъ привлече-

нія военно-плѣнныхъ солдатъ къ борьбѣ съ большевиками, былъ встрѣченъ русской военной миссіей въ Берлинѣ отрицательно, такъ какъ военно-плѣнныхъ считали элементомъ абсолютно непригоднымъ. Ошибочность такого взгляда доказали послѣдніе бои подъ Ригой, гдѣ по отзывамъ всего командного состава военно-плѣнныхъ, солдаты выявили себя съ самой блестящей стороны, являя примѣры, какъ боевой доблести, такъ и образцовой дисциплины.

А посему едва-ли представляется правильнымъ явно враждебное отношеніе русской военной миссіи къ созданію западнаго фронта, а особенно, прямое запрещеніе отдѣльнымъ офицерамъ поѣздки на фронтъ въ русскій отрядъ свѣтл. кн. Ливена.

Среди вывезенныхъ изъ Украины офицеровъ, томившихся уже три мѣсяца въ бездѣліи въ лагеряхъ, безъ всякихъ средствъ, нѣкоторыми лицами была проявлена энергія: они объединили вокругъ себя группы офицеровъ и солдатъ и формировали изъ нихъ отряды, готовые немедленно выступить на фронтъ, совершенно не предрѣшая на какой именно фронтъ они должны будутъ выступить. Наиболѣе крупныя части собрались вокругъ полковника Бермонта — князя Авалова, полковника Вырголича (нынѣ командиръ 2-го Корпуса Западной Арміи) и полковника Соболевскаго (командиръ полка Корпуса свѣтл. кн. Ливена, нынѣ Сѣверо-Западной Арміи). Такъ былъ сформированъ составъ нѣсколькихъ ротъ, батарей и эскадроновъ, въ данное время существующихъ въ дѣйствительности.

Считаю долгомъ доложить, что узнавъ о прибытіи нашемъ изъ Добровольческой Арміи, очень многіе офицеры являлись къ намъ за справками относительно ихъ отправки, спрашивая, не забыла ли ихъ Добровольческая Армія. Мы сообщали имъ о миссіи А. И. Г-ва и о томъ, что ожидаются лишь благопріятныя инструкціи изъ Парижа.

Когда же изъ Парижа пришло извѣстіе о томъ, что миссія потерпѣла неудачу, то въ виду полнаго отсутствія связи съ Парижемъ и невозможности ее установить, капитанъ Н. рѣшилъ *до прибытія А. И. Г-ва* дѣйствовать самостоятельно.

Положеніе на западѣ Россіи къ этому времени представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Русская Сѣверная Армія, послѣ пораженія подъ Псковомъ, отступила частью на Ревель, частью на Ригу. Рига была неожиданно оставлена нѣмцами. Союзный флотъ обѣщалъ поддержку оставшимся русско-латышскимъ частямъ, но при приближеніи къ Ригѣ большевиковъ, ушелъ

въ море. Была отдана и Рига. Подъ Ревелемъ и Либавой отступленіе задержалось.

Тамъ начались организовываться и постепенно опять расти противобольшевистскія части. Въ Ревелѣ — части Балаховича, Родзянко, эстонскія и латышскія. Въ Либавѣ — части св. кн. Ливена, балтійскій ландсверъ (прибалтійскіе нѣмцы) и латыши. Германія же, опасаясь проникновенія большевиковъ въ Восточную Пруссію, отпустила большія средства и организовала свою защиту границы (впослѣдствіи части Гольца).

При уходѣ изъ Риги, нѣмцами для передачи власти, было создано латышское правительство съ Ульманисомъ во главѣ; оно находилось въ Либавѣ и скоро стало просить Германію помочь въ освобожденіи Латвіи, обѣщая въ вознагражденіе германскимъ солдатамъ льготы по поселенію ихъ тамъ. Нѣмцы, подъ командой маіора Флетчера, начали оказывать помощь и къ маю мѣсяцу противобольшевистскій фронтъ шелъ уже по рѣкѣ Аа Курлянд., включая въ себя русскій отрядъ князя Ливена, германскія части, балтійскій ландсверъ и латышей полковника Баллода. Всѣ они снабжались тогда нѣмцами,—правда кн. Ливенъи латыши довольно слабо. Незадолго до этого, приблизительно въ концѣ апрѣля, произошелъ въ Либавѣ конфликтъ съ нѣмцами у латышей, вызванный агитаціей противъ нѣмцевъ и повлекшій за собой созданіе новаго латышскаго правительства во главѣ съ пасторомъ Нѣдра, — правительства болѣе праваго направленія, нежели правительство Ульманиса и настроеннаго руссофильски. Правительство Ульманиса переѣхало на пароходъ «Саратовъ» подъ защиту англичанъ и оттуда начало вести дѣятельную агитацію, рѣзко самостійнаго характера, противъ правительства Нѣдра. Эта агитація имѣла послѣдствіемъ то, что войска, двинутыя противъ большевиковъ были остановлены войсками «Ульманиса» и эстонцами около Вендена и отброшены ими назадъ.

Свѣтлѣйшій князь Ливенъ, стремившійся усилить свой отрядъ и русское вліяніе въ Курляндіи, но не получая поддержки, главнымъ образомъ людьми, въ началѣ мая прибылъ въ Берлинъ и сдѣлалъ попытку объединить русскіе круги, разбившіеся къ тому времени на массу мелкихъ группъ, убѣдить въ необходимости поддержать русское дѣло и добиться отправки къ нему добровольцевъ изъ военно-плѣнныхъ. Онъ встрѣтилъ полную поддержку со стороны капитана Н. Русская миссія, особенно въ лицѣ гѳнерала Потоцкаго, относившаяся до этого къ дѣлу кн. Ливена отрицательно, сдѣлавъ крутой поворотъ въ его пользу, обѣщала ему свою поддержку. На

засѣданіи, собранномъ по этому поводу, полковникъ Бермонтъ, полк. Вырголичъ и полк. Соболевскій, доложивъ о большомъ числѣ желающихъ ѣхать на фронтъ, обѣщали принять всѣ мѣры къ полученію средствъ для перевозки войскъ въ Митаву. Всѣ эти три отряда заявили себя подчиненными кн. Ливену.

Черезъ нѣсколько недѣль полк. Бермонтъ, при посредствѣ капит. Н., и сенатора Бельгарда, съ большими трудностями получилъ отъ частнаго общества « *** » черезъ г-на С. — 600.000 марокъ. На эти деньги были перевезены въ Митаву первые 800 человѣкъ и выданы авансы офицерамъ и солдатамъ, дабы дать возможность расплатиться со сдѣланными въ Германіи долгами.

Получивъ отъ капит. Н. разрѣшеніе, я 7 мая отправился на фронтъ и былъ прикомандированъ къ эксадрону отряда св. кн. Ливена и отправился подъ Митаву. Численность отряда кн. Ливена была тогда около 1.000 человѣкъ русскихъ офицеровъ и солдатъ (были и латыши). Вскорѣ началось наступленіе отъ Калицема на Ригу, которая была занята почти безъ потерь послѣ одиннадцати-часового боя. Большевики панически бѣжали, оказавъ первое серьезное сопротивленіе только за Ригой—у станціи Роденвейсъ. Здѣсь кн. Ливенъ былъ очень тяжело раненъ.

Съ сѣвера наступали на югъ эстонцы и латыши подъ командой полк. Земитана. Армія должна была соединиться для совмѣстнаго удара по бѣгущимъ большевикамъ. Однако при встрѣчѣ этихъ армій выяснилось, что находившееся на «Саратовѣ» правительство Ульманиса дѣятельно агитировало въ Эстоніи, черезъ Ревель, среди эстонскихъ и латышскихъ войскъ и прививало имъ сепарастическія идеи. Это совершенно неожидано привело къ тому, что при встрѣчѣ фронтовъ подъ Венденомъ, войска Эстоніи и латыши, во главѣ съ полк. Земитаномъ, потребовали отступленія войскъ правительства Нѣдра за рѣку Аа Лифлянд. (Всѣ, войска включая и германскія части, были тогда подчинены военному министру правительства Нѣдра-Ванкину). Переговоры между обѣими сторонами ни къ чему не привели и начались бои. Войска правительства Нѣдра потерпѣли неудачу. Здѣсь уже обнаружилось сильное руссофобское настроеніе въ войскахъ Ульманиса, а также особенная озлобленность противъ прибалтійскихъ нѣмцевъ-помѣщиковъ.

Латыши полк. Баллода (поддерживавшіе правительство Нѣдра) объявили нейтралитетъ Отрядъ св. кн. Ливена, переформировавшійся подъ Ригой и имѣвшій въ своихъ рядахъ, благодаря приливу добровольцевъ,

какъ мѣстныхъ, такъ изъ военно-плѣнныхъ (отрядъ полк. Соболевскаго), уже около 5.000 человѣкъ, также объявилъ нейтралитетъ и пытался лишь занять фронтъ противъ большевиковъ, расчитывавшихъ воспользоваться моментомъ междоусобной борьбы и стягивавшихъ силы къ Рѣжицѣ. Высланный впередъ батальонъ, однако, не былъ пропущенъ эстонцами и принужденъ былъ вернуться къ Ригѣ. Вскорѣ батальонъ этотъ былъ отправленъ въ Либаву для смѣны, находившихся тамъ германскихъ частей, получившихъ къ тому времени предложеніе отъ англичанъ покинуть городъ.

Къ этому времени относится прибытіе въ Митаву первыхъ частей полк. Бермонта и полк. Выргодича. Долженъ отмѣтить, что полк. Бермонтъ, приступая къ формированію, выговорилъ себѣ право—приведенныя съ собою части не вливать въ уже сушествующія, а основать изъ нихъ отдѣльный корпусъ имени генерала графа Келлера, самостоятельно пополняя его военно-плѣнными и русскими, прибывавшими къ нему въ большомъ количествѣ изъ Польши (нѣсколько тысячъ). Передъ началомъ формированія, онъ далъ обѣщаніе своимъ войскамъ не вводить ихъ въ бой до тѣхъ поръ, пока они не будутъ снабжены всѣмъ необходимымъ и не получатъ видъ серьезной боевой единицы. Это было особенно важно и потому, что въ корпусъ поступало много военно-плѣнныхъ солдатъ еще мало провѣренныхъ.

Бои войскъ правительства Нѣдра съ войсками правительства Ульманиса кончились, какъ уже сказано, пораженіемъ первыхъ, въ виду ихъ малочисленности, а главнымъ образомъ, въ виду нѣкотораго броженія среди германскихъ солдатъ, согласныхъ бороться съ большевиками, но нежелавшихъ участвовать въ борьбѣ двухъ правительствъ. Къ этому времени относится и начало снабженія Англіей эстонскихъ войскъ и латышскихъ войскъ правительства Ульманиса, такъ какъ въ бояхъ участвовала англійская тяжелая артиллерія и были англійскіе инструкторы. Войска «Нѣдра» отступили, сдали Ригу и закрѣпились между Ригой и Митавой, гдѣ и находилась демаркаціонная линія до недавнихъ боевъ. Правительство Нѣдра бѣжало изъ Риги, а русскому дѣлу былъ нанесенъ серьезный ударъ, такъ какъ многіе члены правительства Нѣдра открыто высказывали мысль о будущемъ Латвіи не иначе, какъ въ союзѣ съ Россіей, а о самостоятельности Латвіи только какъ о временной, въ виду отсутствія въ то время на западѣ русской силы, на которую можно было бы опереться въ борьбѣ съ большевизмомъ.

Послѣ сдачи Риги, отрядъ кн. Ливена, продолжая держать нейтрали-

тетъ, отошелъ къ Митавѣ. Латышскія войска полк. Баллода перешли къ побѣдителямъ. Балтійскій ландсверъ, сначала обезоруженный латышами, черезъ нѣкоторое время вошелъ въ соглашеніе съ правительствомъ Ульманиса о пропускѣ его на большевистскій фронтъ и занялъ позицію лѣвѣе Двинска, гдѣ находится до сихъ поръ, подчиняясь въ командномъ отношеніи латышамъ.

Правительство Ульманиса торжественно высадилось съ «Саратова» въ Либавѣ, причемъ, по предложенію англичанъ, при торжественномъ вступленіи правительства на берегъ, присутствовала рота Ливенцевъ для почетной встрѣчи. Кромѣ того, отрядъ Ливенцевъ, по предложенію тѣхъ же англичанъ, былъ наряженъ и на парадъ по поводу снятія памятника, поставленнаго въ свое время германцами въ Либавѣ. Эти два случая вызвали большое возмущеніе среди отряда и была сдѣлана попытка на снятіи памятника присоединить къ флагамъ Союзныхъ Державъ отсутствующее русское знамя, какъ демонстрацію противъ игнорированія русскихъ интересовъ.

Вскорѣ послѣ этого Либавскій отрядъ Ливенцевъ получилъ срочный приказъ о посадкѣ на пароходы и отправкѣ въ Нарву. Приказъ былъ подписанъ генераломъ Юденичемъ, переданъ черезъ англичанъ и былъ исполненъ.

Я, вмѣстѣ съ конной частью, къ которой былъ прикомандированъ, прибылъ въ Нарву и пробылъ въ арміи генерала Юденича полтора мѣсяца. На переговорахъ въ Либавѣ съ англичанами ими было дано обѣщаніе немедленной полной поддержки отряда (обмундированіе, снаряженіе, а также увеличеніе окладовъ содержанія). Но въ теченіе полутора мѣсяцевъ, которыя я пробылъ въ арміи ген. Юденича, отрядъ кн. Ливена никакой поддержки отъ англичанъ не получилъ. Черезъ нѣкоторое время прибыла въ армію ген. Юденича и остальная часть Ливенцевъ, посаженная на корабли въ Усть-Двинскѣ (кстати замѣтить, что она была, предварительно, слегка ограблена латышами—такъ были конфискованы два изъ четырехъ, принадлежащихъ отряду аэроплана.

Отряды же полк. Бермонта и полк. Вырголича были оставлены въ Митавѣ для продолженія формированія. Часть снаряженія получалась черезъ ген. Гольца, часть покупалась въ Германіи на свои средства.

Сѣверо-западная Армія ген. Юденича представляла по составнымъ своимъ частямъ соединеніе двухъ стрѣлковыхъ корпусовъ. Общая числен-

ность Арміи, державшей фронтъ отъ гор. Ямбурга на Псковъ, не превышала 10-12 тысячъ штыковъ. Положеніе сѣв.-зап. арміи, какъ единицы крупной формаціи, нельзя было признать, хотя бы даже, удовлетворительнымъ. Дѣло снабженія, обмундированія и продовольствія поставлено было плохо. Почти вся Армія была вооружена своими собственными средствами и большая часть вооруженія была трофеями въ бояхъ съ совѣтскими войсками. Совсѣмъ плохо обстояло съ продовольствіемъ. Вся помощь Союзниковъ заключалась въ дачѣ бѣлаго хлѣба (1½ — 2 фунта въ день), небольшого количества сала, бобовъ и консервовъ. Продовольственное же положеніе области, занятой Арміей, было еще болѣе тяжелое. Эстонская граница была закрыта для продовольствія и предметы первой необходимости, имѣвшіеся въ изобиліи въ Эстоніи, получавшей уже къ тому времени многое изъ за-границы, почти совсѣмъ отсутствовали въ районѣ занятомъ С.-з. Арміей. Армія недоѣдала и приходилось трогать и такъ скудные запасы населенія Петроградской губ.

Результатомъ этого было весьма грустное явленіе, — изъ частей, переходившихъ на сторону бѣлой арміи, появились перебѣжчики обратно къ краснымъ. Немного позже былъ періодъ, когда подобные случаи стали частымъ явленіемъ и приняли угрожающій характеръ. Вліяло, конечно, изобиліе въ Арміи бывшихъ красныхъ солдатъ, хотя и мобилизованныхъ красными, но все же развращенныхъ большевизмомъ, которыхъ растворить было не въ чемъ; часто красныя части, взятыя въ плѣнъ, посылали опять на фронтъ цѣликомъ, даже со своими офицерами. Въ связи съ таковымъ состояніемъ дѣла, появилась въ Арміи, особенно, послѣ неудачи подъ Ямбургомъ, апатія и разочарованность. Отсутствіе тыла, зависимость отъ эстонцевъ, ведшихъ себя все болѣе и болѣе независимо и подбадриваемыхъ помощью англичанъ, ставили Армію въ тяжелое положеніе. Эстонцы были къ тому времени уже великолѣпно вооружены, одѣты и снабжены, но не принимали почти никакого участія въ защитѣ фронта, проходившаго къ тому же такъ близко отъ ихъ границы, и выслали нѣкоторыя части на фронтъ только послѣ взятія большевиками Ямбурга. Сосѣдство же великолѣпно одѣтыхъ и не менѣе хорошо вооруженныхъ эстонцевъ *съ ободранной и полуголодной русской арміей* производило гнетущее впечатлѣніе.

Однимъ изъ самыхъ большихъ и трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, былъ и остался вопросъ — денежный. Части получали содержаніе черезъ два и

больше мѣсяцевъ спустя и въ самой разнообразной валютѣ, теряя иногда на размѣнѣ 20-30% и такъ небольшаго содержанія.

Отношеніе эстонскаго войска и населенія были враждебныя, но тогда еще терпимы.

Вполнѣ понятно, что прибытіе корпуса св. кн. Ливена, въ то время еще хорошо одѣтаго и вооруженнаго, произвело очень большое впечатлѣніе, но, къ сожалѣнію, поставленный въ тяжелыя условія с.-з. фронта и не получая отъ англичанъ обѣщанной поддержки, корпусъ вмѣсто того, чтобы усиливаться и расширяться, потерялъ свое первоклассное боевое значеніе, ободрался и часто не могъ дѣйствовать полностью. Такъ, напримѣръ, артиллерія, растрѣлявъ въ бояхъ подъ Ямбургомъ весь имѣвшійся у нея запасъ снарядовъ, долгое время бездѣйствовала, ибо снарядовъ къ германскимъ орудіямъ не было, а перевооружиться было нечѣмъ.

Впослѣдствіи, въ бояхъ подъ Псковомъ, почти весь Ливенскій отрядъ погибъ.

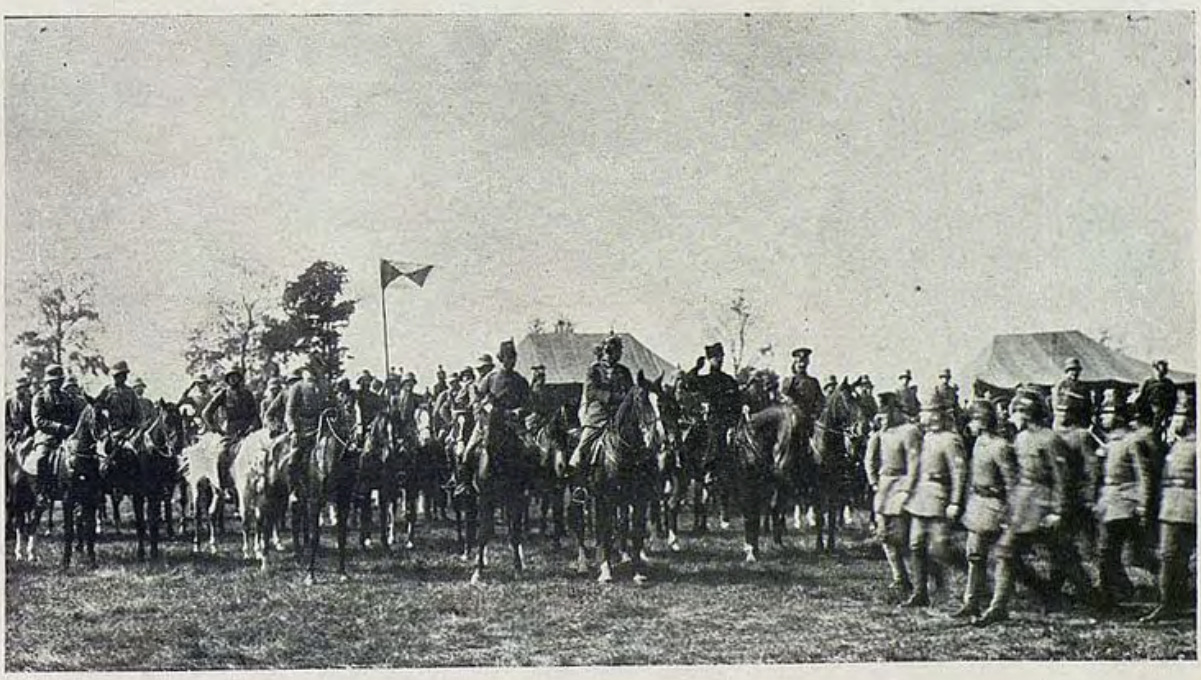
Получивъ изъ Берлина отъ капит. Н. извѣстіе, вызывавшее меня обратно, узнавъ о пріѣздѣ въ Ригу А. И. Г-ва и къ тому же, чувствуя себя совсѣмъ больнымъ, я получилъ отъ князя Ливена откомандированіе и 1 августа направился черезъ Ревель въ Ригу. Полученныя мною впослѣдствіи свѣдѣнія, черезъ прибывавшихъ изъ с.-з. Арміи офицеровъ, частью же — изъ оффиціальныхъ докладовъ сводятся къ слѣдующему. Армія находится подъ командованіемъ генералъ-лейтенанта Родзянко, корпусами командуютъ: 1-мъ — ген.-маіоръ гр. Паленъ, а 2-мъ —ген. лейт. Арсеньевъ. За послѣднее время получено нѣкоторое количество снаряженія и обмундированія отъ англичанъ, какъ-то: 6 танковъ, 4 аэроплана (небоеспособныхъ по техническимъ причинамъ), небольшое количество артиллеріи, винтовокъ и боевыхъ припасовъ. Въ серединѣ сентября прибыло обмундированіе въ количествѣ 20.000 комплектовъ, 4.000 паръ сапогъ. Есть свѣдѣнія, что это обмундированіе еще въ февралѣ мѣсяцѣ с. г. куплено за наличный расчетъ въ Англіи офицеромъ, командированнымъ за этимъ генераломъ Юденичемъ изъ Финляндіи.

Ко времени моего отъѣзда было сформировано с.-з. правительство. Характеренъ фактъ составленія правительства. Утромъ, не предупреждая генерала Юденича, какъ Главноначальствующаго и представителя русской власти въ Эстоніи, англійское командованіе предложило нѣкоему Иванову представить списки кандитатовъ на посты министровъ. Назначивъ мини-

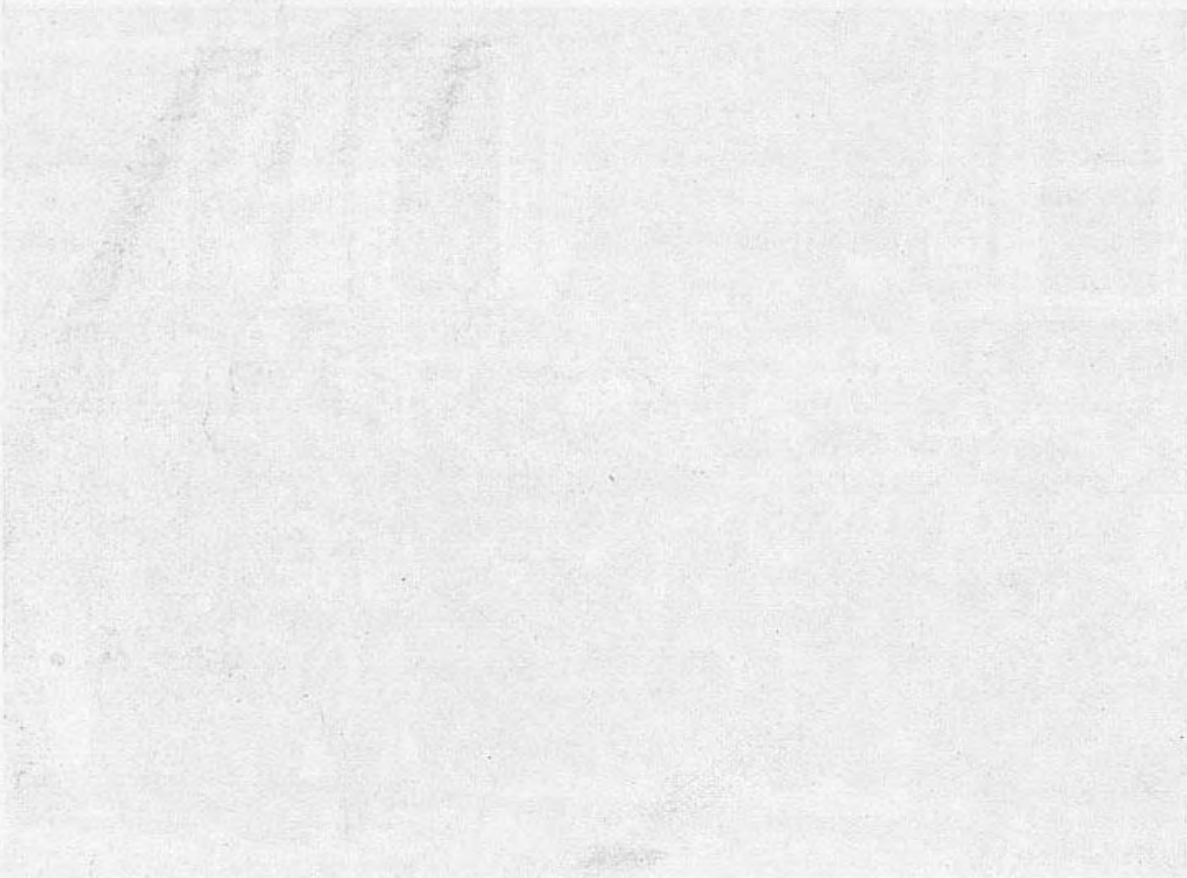
Къ „Докладу о положеніи дѣлъ на Зап. фр. и въ арміи Бермонта Авалова".

Генералъ Гольцъ и Полковникъ Бермонтъ-Аваловъ.

Штабъ западн. Добровольческой арм. (въ центрѣ — полк. Бермонтъ-Аваловъ).



Смотръ русско-нѣмецкихъ частей Зап. Добр. Арміи (смотръ производятъ Ген. Гольцъ и полк. Бермонтъ-Аваловъ.)



стромъ предсѣдателемъ Ліанозова, англичане поручили въ тотъ же день, къ 6 часамъ вечера, составить с.-з. правительство. Когда къ назначенному времени Ліанозовъ составилъ кабинетъ, со стороны англійскихъ властей поступило новое приглашеніе: къ 7 часамъ признать независимость Эстоніи, что и было къ сроку исполнено. Мнѣ передавали, что всѣ министры были назначены уже заранѣе самими же англичанами и приказаніе ихъ Иванову составить списки была лишь — маска. Въ кабинетъ вошелъ министръ торговли и промышленности небезизвѣстный Маргуліесъ. Ивановъ, вошедшій въ кабинетъ, какъ министръ безъ портфеля, удаленъ, послѣ разоблаченія его дѣятельности (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ — большевикъ).

Не такъ давно правительство заключило договоръ съ Эстоніей о разрѣшеніи ему находиться на эстонской территоріи, подписавъ всѣ условія эстонцевъ, но черезъ сутки было выслано на правый берегъ Наровы, будто бы изъ за недостатка помѣщеній для него.

Правительство Эстоніи и такъ лѣвое, переживало недавно кризисъ изъ за ухода изъ его состава правыхъ министровъ. Недавніе переговоры съ большевиками показали, что Эстонія хочетъ заключить миръ лишь съ согласія всѣхъ прибалтійскихъ республикъ, но весьма возможно и сепаратное заключеніе мира, что поставитъ с.-з. Армію въ безвыходное положеніе. Эстонское правительство въ своемъ скрыто-враждебномъ отношеніи ко всему русскому, находитъ поддержку со стороны массъ, войска и печати. Имѣлись случаи избіенія офицеровъ и срыванія погонъ въ Нарвѣ большевистски настроенными эстонскими солдатами. Представителями умѣреннаго толка является классъ зажиточныхъ крестьянъ землевладѣльцевъ, но ихъ вліяніе ничтожно при наличіи блока соціалистическихъ партій. Не такъ давно въ Ревелѣ состоялся съѣздъ эстонскихъ коммунистовъ, который правительство хотя и арестовало, но въ результатѣ всего-на-всего выслало 120 коммунистовъ въ Совдепію.

Въ общемъ настроеніе въ Эстоніи тревожное и выжидательное и единственное, что пока сдерживаетъ — это страхъ передъ англичанами.

Въ Ригѣ я явился къ А. И. Г-ву и, доложивъ ему о своихъ наблюденіяхъ, остался ожидать его возвращенія изъ Ревеля на совѣщаніе 26 Августа. Положеніе въ Латвіи сводилось за это время къ слѣдующему. Латышское правительство Ульманиса, получивъ поддержку Англіи и окрѣпнувъ, подъ давленіемъ лѣвыхъ круговъ и печати, стало вести усиленно пропаганду противъ русскихъ частей Бермонта и нѣмецкихъ Гольца, какъ контръ-революціон-

ныхъ и угрожающихъ самостоятельности Латвіи. На смѣну уѣхавшему въ Лондонъ, на докладъ, ген. Гоуфа, ведшаго особенно рѣзкую политику поддержки самостоятельности Латвіи и Эстоніи, прибылъ ген. Марчъ, поведшій болѣе умѣренную политику соглашенія. На созванномъ въ Ригѣ совѣщаніи 26 Августа, главной цѣлью котораго было созданіе общаго антибольшевистск. фронта, на которомъ присутствовали представители Юденича, полк. Бермонтъ, А. И. Г-въ, представители Англіи, Латвіи, Эстоніи и Литвы, было достигнуто соглашеніе объ общемъ наступленіи на большевиковъ. Большое впечатлѣніе произвело и то, что какъ частямъ Бермонта, такъ и частямъ ген. Гольца былъ данъ участокъ фронта въ районѣ Двинска и было дано англичанами согласіе на то, что Бермонтъ будетъ получать пополненіе военно-плѣнными изъ Германіи, притокъ которыхъ къ тому времени былъ опять затрудненъ недопускомъ офицеровъ - вербовщиковъ въ лагеря. Послѣ 26 августа нѣкоторые офицеры даже получили отъ англійскаго командованія бумаги на право вербовки, подписанныя Марчемъ. Тогда же былъ полученъ приказъ ген. Юденича о назначеніи полк. Бермонта командующимъ западной арміей. Черезъ нѣкоторое время вернулся изъ Англіи ген. Гоуфъ, смѣнилъ ген. Марча и прежняя политика вошла въ силу. Разрѣшеніе, данное 26 августа, было отмѣнено, что касается общаго наступленія, то изъ всего, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не вышло.

А. И. Г-въ, возвращаясь изъ Риги въ Ревель на совѣщаніе съ ген. Юденичемъ и, собираясь оттуда проѣхать въ Берлинъ, направилъ меня туда и предложилъ ждать его пріѣзда. Обстановка въ Германіи за полгода сильно измѣнилась. Правительство Носке, сильное до того времени и довольно популярное, потеряло свое вліяніе и симпатію. Опасность положенія въ Германіи заключается, по мнѣнію многихъ, въ слѣдующемъ. Подъ давленіемъ тяжести мирнаго договора и въ стремленіи спасти свою родину, проявляется глубокій интересъ къ Россіи и ея судьбѣ. Всѣ нѣмцы безъ различія положенія, включая самыя крайнія партіи, трактуютъ мысль о союзѣ побѣжденныхъ и объ ошибкѣ предыдущей войны. Интересъ проявляется къ Россіи огромный и всеобщій. Несомнѣнно, *лѣвыя* партіи и круги Правительства склонны къ союзу съ большевиками, но т. к. государственный аппаратъ находится пока не всецѣло въ рукахъ правительства, а особенно лѣвой его части, то это явленіе пока не является угрожающимъ. Остальныя партіи ищутъ контакта съ русскимъ обществомъ и стремятся къ борьбѣ съ русскими большевиками, опредѣленно держась точки зрѣнія — единой

и недѣлимой Россіи и отрицая всякія намѣренія анексическаго характера. Опасность положенія заключается въ томъ, что нѣмцы, видя единственное спасеніе свое въ союзѣ съ Россіей и не находя контакта съ русскими общественными силами, могутъ ринуться на союзъ съ большевиками, тѣмъ болѣе, что вызвать большевистское возстаніе въ Германіи легко, благодаря серьезной организованности спартаковцевъ. Органически же нѣмецкій народъ является однимъ изъ менѣе всѣхъ расположеннныхъ къ большевизму и есть данныя предполагать, что спартаковское движéніе пока находится въ рукахъ противобольшевистскихъ круговъ.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ случаевъ, происшедшихъ въ то время въ Германіи, надо отмѣтить, надѣлавшую столько шума попытку генерала Бискупскаго организовать въ Берлинѣ, при сотрудничествѣ цѣлаго ряда лицъ, русское правительство. Ген. Бискупскій и его сотрудники повели совершенно самостоятельно переговоры съ нѣкоторыми германскими кругами, а также, какъ они передавали, съ Союзниками, объ образованіи Всероссійскаго Правительства. Лица эти, распредѣливъ между собой портфели, и желая получить средства, начали переговоры съ какимъ-то лицомъ, назвавшимъ себя представителемъ американской фирмы Морганъ, о полученіи денегъ (называли цифру 300 мил.), надѣясь, по полученіи такой крупной субсидіи, захватить власть и командованіе войсками полк. Бермонта и получить, такимъ образомъ, въ распоряженіе готовую военную силу.

Оказалось, что «представитель» фирмы Морганъ являлся агентомъ спартаковцевъ и когда ген. Бискупскій и его сотрудники заключили съ нимъ цѣлый рядъ договоровъ, расписавшись вездѣ министрами, то онъ передалъ эти бумаги партіи независимыхъ, а самъ скрылся. Независимыя сдѣлали запросъ въ германскомъ Національномъ Собраніи, вызвавшій страшный скандалъ. Послѣ этого «правительство» ликвидировало свои дѣла.

Нужно отмѣтить, что оно не имѣло никакого отношенія къ созданному при западной арміи центральному совѣту управленія, о чемъ въ свое время было оффиціально объявлено предсѣдателемъ совѣта гр. Паленомъ, и даже вели агитацію, какъ противъ совѣта управленія, такъ и лично противъ полк. Бермонта.

Узнавъ о предстоящемъ полетѣ аэроплана для доставки полк. Ф. донесенія Главнокомандующему Вооруженными Силами на Югѣ Россіи, и не дождавшись прибытія А. И. Г-ва въ Берлинъ, проѣхавшаго прямо въ Англію, я, считая весьма необходимымъ, по возможности скорѣе доложить о

видѣнномъ и слышанномъ въ Германіи и западной Россіи, съ цѣлью освѣтить положеніе, предпринялъ попытку получить согласіе на мой перелетъ въ Добровольческую Армію для представленія доклада, каковое согласіе и получилъ по прибытіи въ Митаву.

На мѣстѣ я установилъ слѣдующее.

Положеніе въ Латвіи еще болѣе обострилось. Лѣвые соціалъ-демократическіе круги, и такъ представлявшіе большинство въ Національномъ Собраніи Латвіи, управляли дѣйствіями правительства. Несмотря на продолжавшееся вооруженіе латышской арміи англичанами, травля всего русскаго достигла апогея. Это не помѣшало латышамъ и эстонцамъ вступить въ переговоры съ русскими большевиками.

Въ послѣднихъ числахъ августа Чичеринымъ, было послано радіо Латвіи, Эстоніи и Литвѣ съ предложеніемъ мира. Предложеніе это оживленно обсуждалось въ періодической печати, какъ латышской, такъ и эстонской, причемъ на созванныхъ по этому случаю національныхъ собраніяхъ было рѣшено вступить въ переговоры съ большевиками. Правительства окрайныхъ республикъ руководились принципомъ самоопредѣленія, т. е. подчеркивали, что не должны преслѣдовать завоевательныя цѣли и жить въ мирѣ съ сосѣдями, послѣ того, какъ достигнута ихъ главная цѣль, т. е. независимость. Въ Юрьевѣ, въ началѣ сентября состоялось конференція представителей вышеупомянутыхъ республикъ и въ городѣ Печоры, Псковской губ. состоялось общее засѣданіе представителей большевиковъ (съ инженеромъ Красинымъ во главѣ), которое, къ счастію, тогда къ положительнымъ результатамъ не привело. Къ заключенію мира съ большевиками Эстонію, Латвію и Литву побуждало и то обстоятельство, что названныя государства были обезпокоены нахожденіемъ въ Курляндіи русскихъ и нѣмецкихъ отрядовъ, а въ Эстоніи с.-з. арміи, лозунгъ которыхъ — единая, недѣлимая Россія, — шелъ вразрѣзъ съ стремленіями этихъ государствъ. На засѣданіи, въ Печорѣ и Юрьевѣ, поднимался даже вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ и нѣмецкихъ частей.

Къ этому же времени относится и окончательное обостреніе положенія на западѣ, въ связи съ пребываніемъ въ Курляндіи частей Гольца. Англія предъявила категорическое требованіе ухода войскъ Гольца въ Германію, угрожая въ противномъ случаѣ блокадой Германіи. Германское правительство потребовало отъ войскъ возвращенія, тѣмъ болѣе, что оно само было обезпокоено постепеннымъ уходомъ лучшихъ правительственныхъ войскъ,

единственной ихъ опоры, въ части Гольца. Войска отказались, Гольцъ былъ отозванъ и на смѣну его прибылъ для эвакуаціи ген. Эбергардъ, но изъ всѣхъ находившихся въ Курляндіи войскъ, согласилось уйти лишь около 5.000, эвакуація которыхъ навѣрное уже окончена. Дабы воспрепятствовать, какъ дальнѣйшему проникновенію войскъ, такъ и подвозу снаряженія, Германское Правительство закрыло свою границу. Оставшіеся въ Курляндіи войска, несмотря на угрозы своего правительства, напримѣръ: лишеніе всѣхъ правъ, отказъ поддерживать ихъ семьи и т. д., перешли добровольцами на русскую службу въ западную армію, подчинившись русскимъ законамъ, не ставя никакихъ требованій и имѣя передъ собой лишь задачу — борьбу съ большевизмомъ. Общее количество перешедшихъ на русскую службу войскъ около 35-40 тысячъ. Большая часть этихъ войскъ представляетъ изъ себя людей сознательно покинувшихъ свою родину изъ за политическихъ взглядовъ, видящихъ единственное спасеніе Германіи въ контактѣ съ Россіей, опасающихся большевизма въ Германіи, а потому сознательно желающихъ бороться съ большевизмомъ. Очень небольшая часть — наемники, для которыхъ война сдѣлалась профессіей. Войска перешли со всѣмъ имѣвшимся у нихъ большимъ запасомъ снаряженія.

Параллельно съ этими событіями велись переговоры между ген. Юденичемъ и полк. Бермонтомъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ и о переходѣ войскъ полк. Бермонта на с.-з. фронтъ. Въ первыхъ числахъ октября, ген. Юденичъ былъ въ Ригѣ и долженъ прибыть въ Митаву на парадъ и окончательные переговоры. Взамѣнъ этого было предложено полк. Бермонту прибыть въ Ригу. Полк. Бермонтъ, опасаясь ареста его латышами, не поѣхалъ и просилъ прибыть Юденича въ Митаву. Передаютъ, что генералъ Юденичъ былъ согласенъ, но ему было предложено не ѣхать. Вмѣсто него пріѣхалъ полк. фонъ-Прюссингъ и на парадѣ самъ прочелъ приказъ ген. Юденича о переходѣ всѣхъ русскихъ войскъ на с.-з. фронтъ, встрѣченный войсками молчаніемъ. Черезъ нѣсколько дней, помимо командующаго западной арміей полк. Бермонта, получено было обращеніе къ войскамъ отъ с.-з. правительства съ предложеніемъ офицерамъ и солдатамъ самостоятельно оставить Курляндію и черезъ англійскую миссію направиться на Нарву. Командующимъ въ отвѣтъ была послана слѣдующая телеграмма.

«Сѣверо-западному правительству.

Ваше предательское воззваніе къ моимъ войскамъ доложено, конечно,

прежде всего мнѣ. Иначе и не могло быть тамъ, гдѣ существуетъ воинская дисциплина. Попытка Ваша расшатывать ее подобными пріемами въ стилѣ Керенскаго наивна. Въ Вашихъ же интересахъ не даю этому произведенію болѣе широкаго распространенія, а то мои молодцы — солдаты могли дать Вамъ отвѣтъ крѣпкимъ русскимъ языкомъ. Съ своей стороны прошу передать солдатамъ на Нарвскомъ фронтѣ, столь много натерпѣвшимся отъ Вашей политики заискиванія передъ зазнавшимися эстонцами, что мой имъ завѣтъ — строго соблюдать дисциплину и быть увѣренными, что, обезпечивъ свой тылъ, я въ недалекомъ будущемъ стану рядомъ съ ними для совмѣстнаго удара по большевику. Полковникъ Бермонтъ.»

Къ этому времени относится, кажется, и приказъ полк. Бермонта объ именованіи его княземъ Аваловымъ, объясненный тѣмъ, что фамилія Бермонтъ была псевдонимомъ, отмѣненнымъ въ виду полученія свѣдѣній о разстрѣлѣ въ Петроградѣ его жены.

Обезпокоенный переговорами латышей и эстонцевъ съ большевиками, постоянными нападеніями изъ за демаркаціонной линіи окончательно къ тому времени вооруженныхъ латышей, переброской эстонскихъ войскъ большими массами съ большевистскаго фронта подъ Зегевельдъ и, въ виду неудачныхъ переговоровъ съ латышскимъ правительствомъ о пропускѣ западной арміи на большевистскій фронтъ, полк. Бермонтъ-Аваловъ приказалъ начать наступленіе въ направленіи на Ригу, для обезпеченія тыла своего и фланга.

Переговоры съ латышами доказываются слѣдующей телеграммой:

«Радіо. Рига, Министру-Президенту Временнаго Правительства.

Признавъ нынѣ своевременнымъ выступить на большевистскій фронтъ, прошу Ваше Превосходительство озаботиться созданіемъ такихъ условій, которыя дали бы мнѣ возможность безъ задержки направить свои войска на борьбу противъ красной арміи совѣтской Россіи, находящейся въ предѣлахъ латышскаго края и угрожающей разореніемъ и гибелью всѣмъ сосѣднимъ цивилизованнымъ народамъ. О мѣрахъ, которыя благоволитъ принять возглавляемое Вами Правительство для обезпеченія безпрепятственнаго продвиженія состоящихъ подъ моимъ командованіемъ войскъ, прошу извѣстить меня безотлогательно.

Подписалъ Командующій Зап. Арміей полк. кн. Аваловъ.»
6-10-19

Латышское правительство давало неудовлетворительные отвѣты вродѣ согласія пропустить лишь частями по 200-300 человѣкъ и только русскія части. Наступленіе окончилось взятіемъ линіи западной Двины, Усть-Двинска и Торнсберга.

Латыши отступили съ большими потерями. Характерно то, что нѣкоторыя латышскія части держали нейтралитетъ (дивизія полк. Баллода, небольшая же часть перешла въ бояхъ къ западной арміи). Въ Туккумѣ русскія войска были встрѣчены ликованіемъ и русскими флагами. Нѣкоторыя эстонскія части принимали участіе въ бояхъ, причемъ дрались особенно ожесточенно. У убитыхъ въ бояхъ латышей, во многихъ случаяхъ, найдены красныя карточки совѣтскихъ коммунистическихъ войскъ, доказывающія ихъ недавнее оттуда прибытіе. Большевики стараются использовать положеніе въ свою пользу, въ чемъ имъ способствуетъ то, что руководящую въ политикѣ Латвіи роль играютъ лѣвые соціалъ-демократическіе круги и печать. Къ сожалѣнію многіе латышскіе дѣятели преступно не желаютъ понять всю трагичность и опасность положенія, опьяненные поддерживаемой въ нихъ вѣрой въ самостоятельность.

О наступленіи была дана ген. Юденичу слѣдующая телеграмма:

«Радіо. Генералу Юденичу.

Сегодня латышскіе и эстонскіе части, угрожая мнѣ начали переходить демаркаціонную линію и вынудили меня дать имъ отпоръ. Я, для обезпеченія своей базы, занимаю линію Двины и иду на фронтъ на соединеніе съ сѣверной арміей.

Подписалъ: Ком. Зап. Арміей полк. кн. Аваловъ.»

На это была получена телеграмма отъ ген. Юденича, извѣстная всѣмъ, съ объявленіемъ полк. Бермонта-Авалова измѣнникомъ и врагомъ родины. Аналогичная телеграмма получилась и отъ с.-з. правительства. Отвѣтъ обрисовывается слѣдующимъ приказомъ:

Приказъ

По Западной Добровольческой Арміи. 15 Октября 1919 г.

№ 43. г. Митава.

Генералъ Юденичъ, находящійся въ зависимости и принужденный дѣйствовать согласно приказаніямъ, получаемымъ изъ за-границы и чуж-

дымъ интересамъ Великой и Единой Россіи, далъ мнѣ по радіо телеграмму, въ которой онъ, выдвигая противъ меня чудовищныя обвиненія, требуетъ немедленно переброски моей Арміи на сѣверный фронтъ при посредствѣ англійской миссіи.

Я отвѣтилъ ген. Юденичу слѣдующее:

Телеграмма: ген. Юденичу, Ревель.

«Контръ-наступленіе на латышскія и эстонскія войска предпринято, дабы не поставить мою Армію въ положеніе, въ которое Вы поставили сѣверную армію, не обезпечивъ ея тыла. За предыдущими приказами Вашими слѣдовали отъ Васъ разъясненія черезъ офицеровъ о необязательности этихъ приказовъ для меня, такъ какъ Вы не являетесь полнымъ хозяиномъ Вашихъ дѣйствій. Въ такомъ смыслѣ я понимаю и послѣдующіе. Дальнѣйшими операціями надѣюсь принести пользу не только родинѣ, но и сѣверной арміи. Въ достовѣрность выдвигаемыхъ Вами чудовищныхъ обвиненій я не могу вѣрить, такъ какъ въ то время, когда Ваша армія находится въ условіяхъ невыносимо тяжелыхъ для русской гордости, моя армія въ Курляндіи занимаетъ должное мѣсто и въ прежнемъ величіи поднимаетъ русскій флагъ.»

Кромѣ этого совѣтъ управленія западной Россіи послалъ телеграмму ген. Юденичу слѣдующаго содержанія:

«Совѣтъ управленія западной Россіи принялъ къ свѣдѣнію телеграмму, которую Вы послали Командующему западной Добровольческой Арміей и отвергаетъ съ рѣшительностью всѣ возводимыя противъ него обвиненія. Центральный совѣтъ сознаетъ, что Ваше выступленіе противъ русской Арміи, сражающейся за послѣднюю пядь земли русскаго побережья, послѣдовало со стороны враговъ Россіи и подъ давленіемъ темныхъ силъ.

Западная Армія можетъ съ чистой совѣстью надѣяться на свѣтлое будущее Россіи и ждетъ съ нетерпѣніемъ того дня, когда она, завоевавъ свободный путь къ Вамъ, вновь станетъ плечомъ къ плечу въ борьбѣ съ разрушающими наше отечество угнетателями.»

Объявляя объ этомъ ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, я благодарю Васъ, мои дорогіе, за службу и увѣренъ, что съ такими доблестными офицерами и солдатами мы скоро придемъ туда, гдѣ ждутъ насъ наши бѣдныя семьи и родные.

Подлинный подписалъ: Командующій Арміей полк. князь Аваловъ.

Кромѣ того была получена полк. Бермонтомъ-Аваловымъ телеграмма отъ англійскаго командованія, адресованная ему, какъ Командующему германскими войсками, съ требованіемъ очистить Усть-Двинскъ и Торнсбергъ. Послѣдовавшія событія обрисовываются слѣдующими телеграммами:

Радіо. Старшему Морскому Офицеру Союзнаго Флота въ Либавѣ.

«Письмо, адресованное командующему германскими войсками, принять не могу, являясь командующимъ русской Добровольческой Арміей. Усть-Двинскъ занятъ моими казаками-пластунами и я, какъ мною было уже сообщено, принимаю на себя обезпеченіе свободнаго прохода судовъ при условіи не провоза ими военной контрабанды для выступившей противъ русской власти стороны. Благоволите подтвердить полученіе.»

Подписалъ: Ком. Русск. Добр. Арміей полк. кн. Аваловъ.
15-10-19 Г. Гор. Митава.

Радіо. Представителямъ Державъ Согласія.

«Союзные корабли, находящіеся въ Рижскомъ заливѣ, въ предыдущихъ бояхъ съ большевиками быстро уходили въ море, не оказавъ поддержки борющимся съ большевиками. Въ борьбѣ войскъ западной Добровольческой Арміи съ большевистскими бандами Земитана, второй день союзный флотъ засыпаетъ снарядами мой первый казачій-пластунскій полкъ и мирное населеніе въ Торнсбергѣ, проливая русскую кровь, какъ видно въ благодарность за героическую помощь русскихъ своимъ союзникамъ во время войны. Я долженъ усмотрѣть въ этомъ полную поддержку враговъ Россіи-большевиковъ. Позиціи своей не уступлю и мои войска во главѣ со мною будутъ бороться до послѣдней капли крови за благо Россіи.»

Подписалъ: Командующій Западной Добров. Арміей
полк. кн. Аваловъ.
16-10-19. гор. Митава.

Радіо. Отъ Британскаго Адмирала № 190.

Полковнику Бермонту, Командующему войсками на западной Двинѣ. «Вашу радіо-телеграмму отъ 14 Октября получилъ. Прежде чѣмъ дать рас-

поряженіе Союзнымъ военнымъ судамъ, жду Вашего донесенія о прекращеніи военныхъ дѣйствій между Вашими войсками и латышскими и оставленія всѣхъ рижскихъ позицій. Въ третьихъ я ожидаю Вашего объясненія по поводу обстрѣла позицій, вблизи которыхъ расположены военныя суда союзнаго флота. Прошу удостовѣрить полученіе сего» 1427. 15 Октября. Подписи нѣтъ.

Радіо. Либава. Ревель. Командующему Англійской Эскадрой.

«Получилъ Вашу 190 отъ 15-10. Обезпечивъ нынѣ мою военную базу для похода противъ большевиковъ, уже 10 Октября предложилъ латышамъ прекращеніе военныхъ дѣйствій. Прошу Васъ помочь мнѣ въ достиженіи этой цѣли. Войска мои стрѣляли только по позиціямъ, угрожавшихъ мнѣ латышей. Считалъ корабли Союзниковъ друзьями Россіи, а не частью латышскаго войска, борющагося противъ нея. Такъ какъ переговоры по радіо слишкомъ медленны, прошу выслать въ Митаву уполномоченныхъ для скорѣйшаго прекращенія кровопролитія. Требую прекращенія огня Союзныхъ кораблей по моимъ войскамъ и по мирному населенію Торнсберга.»

Подписалъ: Командующій западной Добров. Арміей
полк. кн. Аваловъ.

16-10-19. Гор. Митава.

При обстрѣлѣ Усть-Двинска нѣкоторые союзные корабли, по словамъ офицеровъ, прибывшихъ съ фронта, подняли у себя латышскій флагъ. Батальонъ пластунскаго полка потерялъ отъ обстрѣла болѣе 50%. Полкъ состоялъ исключительно изъ русскихъ, бывшихъ военно-плѣнныхъ. О непосредственномъ участіи англичанъ въ бояхъ доказываетъ найденный приказъ латышскаго командованія своимъ войскамъ о рытіи окоповъ, въ виду предстоящаго пріѣзда англійской комиссіи на осмотръ ихъ.

Состояніе западной арміи въ смыслѣ дисциплины, вооруженія и снабженія въ настоящее время отличное. (Авіаціонная часть насчитываетъ болѣе 100 аэроплановъ).

Единственнымъ крупнымъ недостаткомъ является отсутствіе нужнаго количества лошадей.

Лозунгъ арміи: *борьба съ большевизмомъ. Единая и Недѣлимая Россія и Учредительное Собраніе.*

Наблюдается усиленное стремленіе наладить хорошія отношенія съ союзными державами. Англійская миссія находится въ Митавѣ. Ведутся переговоры съ американцами, которые уже снабжаютъ армію санитарнымъ имуществомъ.

Полковникъ Бермонтъ Аваловъ ходатайствовалъ о присылкѣ къ нему союзной миссіи, какъ показываетъ слѣдующая телеграмма:

Телеграмма. Берлинъ.Французская Миссія.

«Буду Вамъ очень признателенъ, если Вы представите на усмотрѣніе маршала Фоша мою просьбу прекратить дальнѣйшее напрасное пролитіе русской крови. Настоятельно прошу прислать въ мою армію комиссію. Обращаюсь съ горячимъ призывомъ къ Франціи-вѣрной союзницѣ и другу Россіи помочь мнѣ окончательно побороть большевизмъ и спасти мое отечество отъ ужасовъ анархіи и разоренія.

Подписалъ: Командующій западной русской Добров. Арміей
полк. кн. Аваловъ-Бермонтъ.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Управленія Сенаторъ
гр. Паленъ.

18-10-19.

Передаютъ, что настроеніе французовъ къ западной арміи уступчивое.

Помощникъ Предсѣдателя совѣта упраленія бар. Нолькенъ передавалъ мнѣ въ бесѣдѣ съ нимъ, что прибытіе въ Митаву французской комиссіи ожидается въ ближайшемъ будущемъ. Онъ же сообщилъ мнѣ о томъ, что не можетъ быть никакихъ разговоровъ объ обязательствахъ западной арміи по отношенію къ Германіи. Въ настоящее время западная армія выпускаетъ свои деньги, печатающіяся въ размѣрѣ около 500.000 рублей въ день. Курсъ русскаго царскаго рубля приравненъ одной маркѣ; одна остъ-марка — одна марка западной арміи. Продовольственное положеніе вполнѣ устойчивое. Транспортъ налаженъ и принимаются мѣры въ возстановленію промышленности.

При западной арміи для управленія занятой мѣстности учрежденъ совѣтъ управленія. Составъ его слѣдующій: выразилъ согласіе занять постъ Предсѣдателя совѣта князь Волконскій. Временно замѣщаетъ его графъ

Паленъ. Помощники его: баронъ Нолькенъ и князь Крапоткинъ. Управляющій дѣлами Финансовъ, Торговли и Промышленности — баронъ Энгельгардъ, Управляющій военными дѣлами — генералъ-маіоръ Чернелевскій-Соколъ. Путями сообщенія, почтой и телеграфомъ — Ильинъ. Государственными имуществами и сельскимъ хозяйствомъ—Альбертсъ (латышъ), помощникъ его — Сысковъ (латышъ). Управляющій судебной частью — сенаторъ Римскій-Корсаковъ. По иностраннымъ дѣламъ — князь Васильчиковъ. Членъ Совѣта и управляющій его дѣлами — Зиминъ.

При совѣтѣ управленія учрежденъ латышскій комитетъ самоуправленія въ него входятъ: Нѣдра, Ванкинъ, Кампе.

Положеніе арміи усложняется и угрозой со стороны самостійной Литвы.

20-10 послана слѣдующая телеграмма:

Берлинъ, Улландъ-Штрассе,156,I.

Русская миссія, Полковнику Брандтъ.

«Вчера отдалъ приказъ и направилъ часть войскъ на большевистскій фронтъ.»

Подписалъ: Полковникъ князь Аваловъ.

20—10—19. № 193.

Войска, а именно русскія части, снятыя съ рижскихъ позицій и замѣненныя нѣмцами добровольцами, двинулись по направленію къ Фридрихштадту, желая занять фронтъ противъ большевиковъ, но по послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною передъ отлетомъ, нѣкоторыя изъ нихъ потеряли до 50% въ бояхъ съ латышами и литовцами, не пропускавшими ихъ на большевистскій фронтъ

Общая численность войскъ западной арміи достигаетъ 55.000 штыковъ.

Сов. секретно.

ГЕНЕР. ШТАБА
Полковникъ
Я. М. ЛИСОВОЙ
10 Ноября 1919 г.
Ростовъ н/Д.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
къ
докладу о положеніи дѣлъ на Западномъ фронтѣ
и въ арміи полковн. Бермонта Авалова.

Вопреки заявленіямъ многихъ высокоавторитетныхъ лицъ, большевизмъ за послѣднее время не только не идетъ на убыль, но, какъ будто, еще болѣе развивается и крѣпнетъ и, въ доказательство приведенныхъ словъ, необходимо подчеркнуть тотъ прогрессъ въ развитіи совѣтскихъ военныхъ силъ, который, въ конечномъ результатѣ, далъ въ настоящее время 15 совѣтскихъ армій. Въ то же время на занятой совѣтскими войсками территоріи идетъ *спѣшная* мобилизація населенія, часть коего идетъ на пополненіе убыли въ рядахъ сражающихся войскъ, — изъ другой же части организуются новыя войсковыя единицы.

Но несравненно болѣе страшнымъ и опаснымъ для дѣла борьбы — является совѣтскій отдѣлъ пропаганды, организованный и поставленный ими въ міровомъ масштабѣ: почти нѣтъ государства, гдѣ бы не были захвачены агенты совѣтской власти съ огромными суммами денегъ, предназначенными для агитаціи. Наиболѣе яркими образцами постановки дѣла пропаганды внутри страны, являются широко поставленная народная литература, принудительныя лекціи, политическій экзаменъ для полученія какой либо должности, интернаціональные курсы пропаганды, иностранная агитаціонная литература и т. п.

Въ сравненіи съ совѣтской пропагандой, нашъ отдѣлъ пропаганды является жалкой дѣтской игрушкой кустарнаго производства.

Въ настоящее время, съ большей чѣмъ когда либо увѣренностью, можно сказать, что большевизмъ пріобрѣтаетъ міровое значеніе и что изъ его центра, находящагося въ Россіи, чуть ли не во всѣ углы міра протягиваются красныя нити; дѣйствительно Уэльскій горный округъ въ Англіи, Марсельскій портъ и прилегающій къ нему раіонъ во Франціи, далеко незаглохшее

спартаковское движеніе въ Германіи, большевистскіе вспышки въ Польшѣ и Австріи — все это, въ связи съ суровыми анти-большевистскими законами Румыніи, Чехіи, Польши, Америки и Южно-Африканскихъ республикъ, наглядным образомъ свидѣтельствуетъ, что на ближнемъ и дальнемъ западѣ не все обстоитъ благополучно и что, тамъ, всѣ держатся насторожѣ. Если же къ этому вспомнить о многочисленныхъ китайскихъ отрядахъ, сражающихся въ рядахъ совѣтскихъ войскъ, китайскихъ профессорахъ, работающихъ въ отдѣлѣ совѣтской пропаганды и многочисленныхъ агитаторахъ, частью пойманныхъ съ большими суммами денегъ на границѣ Манджуріи, частью успѣвшихъ скрыться вглубь Китая, — выводъ о положеніи большевизма и на Востокѣ напрашивается самъ собой.

Въ то время, когда Россійскій большевизмъ достигъ полнаго расцвѣта,— западный, развиваясь, можетъ быть, въ болѣе культурныхъ формахъ, находится еще въ стадіи развитія и расцвѣтъ его зависитъ отъ того оборота, который приметъ борьба на Россійской территоріи.

Между тѣмъ на Россійскомъ театрѣ гражданской войны всѣ антибольшевистскія организаціи потерпѣли рядъ болѣе или менѣе значительныхъ неудачъ, такъ напримѣръ:

Сибирская армія адмирала Колчака, испытавъ рядъ пораженій, вынуждена была отойти значительно восточнѣе Омска; причинами неудачи являются: 1) отлично поставленная совѣтская пропаганда и отсутствіе таковой въ рядахъ Сибирскихъ войскъ и населенія; 2) незнакомство населенія на собственномъ опытѣ со всѣми прелестями большевизма; 3) паденіе дисциплины въ рядахъ Сибирскихъ войскъ; 4) малочисленность кадра офицерскаго состава; 5) долгая кампанія въ связи съ отсутствіемъ теплой одежды, снаряженія и недостаточностью вооруженія и 6) отсутствіе энергичной поддержки союзниковъ и 7) партійная рознь въ антибольшевистскихъ рядахъ.

Неблагополучны дѣла также и въ арміи генерала Юденича, что объясняется: 1) малочисленностью ея; 2) недостаточно энергичной помощью со стороны союзниковъ; 3) двойственной политикой союзниковъ въ отношеніи окраинныхъ образованій и Сѣверо-западной арміи и 4) двойственной политикой этихъ образованій въ отношеніи Сѣверо-западной арміи и большевиковъ.

Добровольческая армія, не такъ давно стоявшая на подступахъ къ Москвѣ, за послѣднее время потерпѣла рядъ такихъ неудачъ, которыя заставили главное командованіе обратить серьезное вниманіе на перегру-

женность тыла и принять необходимыя мѣры къ его разгрузкѣ, при чемъ, въ зависимости отъ кажущихся успѣховъ на фронтѣ, распоряженіе о подготовкѣ къ эвакуаціи то отдаются, то отмѣняются.

Причинами неудачъ, по заявленію одного высокоавторитетнаго лица, являются слѣдующія: 1) просмотръ Ставкой движенія Махно, легкомысленное отношеніе и несвоевременная оцѣнка всей серьезности его; 2) снятіе съ фронта оперирующей арміи ряда частей для ликвидаціи Махновскаго движенія; 3) демобилизація учителей, чѣмъ, въ сильной степени, былъ ослабленъ офицерскій составъ; 4) демобилизація учащихся, что ослабило ряды арміи и отрицательно повліяло на психологію оставшихся солдатъ («паничей домой отпускаютъ»); послѣдующая отмѣна демобилизаціи дѣла не поправила, такъ какъ отпущены были тысячи, а возвратились сотни; 5) неудовлетворительная постановка дѣла пропаганды въ городахъ и полное отсутствіе таковой въ деревняхъ; 6) значительное превосходство силъ красныхъ; 7) наличіе нѣмецкихъ частей и, во всякомъ случаѣ, значительное количество нѣмецкихъ инструкторовъ въ рядахъ совѣтскихъ войскъ; 8) полное неустройство обывательскаго тыла; 9) ранніе морозы и отсутствіе теплой одежды. Къ этому нужно еще добавить: а) неопредѣленность политическаго курса; б) политическія событія на Кубани; в) паденіе дисциплины въ войскахъ, что выражается въ утратѣ многими изъ нихъ чувства уваженія къ казенной и частной собственности, а также въ отсутствіи воздержанія отъ разнаго рода излишествъ (можно съ увѣренностью сказать, что эти данныя въ значительной степени ослабили чувства симпатіи населенія къ Добровольческой Арміи); г) полуразрушенный транспортъ и чрезмѣрное наличіе подвижного состава при войскахъ—въ видѣ подвижныхъ базъ, вагоновъ и даже поѣздовъ, а также рядъ другихъ причинъ, имѣвшихъ къ общему дѣлу борьбы хотя бы косвенное отношеніе.

На Закаспійскомъ фронтѣ дѣла также обстоятъ далеко не блестяще.

Изъ этого краткаго очерка видно, что борьба съ большевизмомъ затягивается, а заявленіе Начальника штаба Главнокомандующаго, недавно напечатанное въ газетахъ, смыслъ коего заключается въ томъ, что положеніе на фронтахъ продолжается оставаться серьезнымъ, но, что, учитывая моральное разложеніе красной арміи, нужно надѣяться на благопріятный исходъ и т. п. — заставляетъ подумать и о возможныхъ варіантахъ этого исхода.

Исходя изъ этого, казалось бы, что каждый новый факторъ, являющійся нашимъ естественнымъ или даже искусственно созданнымъ союзникомъ

въ общемъ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ, нужно только привѣтствовать съ точки зрѣнія, единственно возможной, въ данномъ случаѣ «русской оріентаціи». Между тѣмъ, за послѣднее время, вновь выплылъ вопросъ о такъ называемой «нѣмецкой оріентаціи» и вообще о перемѣнѣ политическаго курса.

Что же это за яко-бы «нѣмецкая оріентація» въ дѣйствительности и какіе факторы послужили основаніемъ для возникновенія ея?

Рядъ неудачъ, испытанныхъ Добровольческой Арміей, чисто психологически создали перемѣну въ настроеніяхъ и чувствахъ массъ по отношенію къ союзникамъ, недостаточно энергично и недостаточно полно оказывавшихъ намъ свою поддержку — аналогично тому, какъ это было въ свое время на фронтѣ, когда армія, извѣрившись въ помощь союзниковъ, создала презрительную кличку «союзнички» и стала ожидать помощи откуда то извнѣ; точно также и нынѣ—эта извѣренность въ помощи союзниковъ среди населенія и, съ большой долей вѣроятія, можно сказать и среди значительнаго количества арміи, породила слухи о возможностяхъ такъ называемой перемѣны оріентаціи — сторонниковъ нашлось немало.

Съ этимъ совпало прибытіе изъ западной арміи полковника Бермонта делегатовъ къ генералу Деникину, которые имъ приняты не были и сама армія офиціально признана не была.

Причинами этого яко-бы являются: 1) нахожденіе среди западной арміи значительнаго числа германскихъ частей; 2) давленіе союзниковъ, не могущихъ допустить даже косвеннаго германскаго участія въ русскихъ внутреннихъ дѣлахъ; 3) непопулярность личности полковника Бермонта въ высшихъ командныхъ сферахъ и 4) обостренность отношеній его съ генераломъ Юденичемъ и англичанами.

Отсюда полное отверженіе арміи Бермонта и заявленіе о невозможности перемѣны политическаго курса, такъ какъ Германія-де помогаетъ большевикамъ.

Вотъ тутъ то и заключается коренная ошибка, такъ какъ, во-первыхъ, армія Бермонта состоитъ на одну треть изъ русскихъ, а остальныя двѣ трети хотя и состоятъ изъ нѣмцевъ, но нѣмцевъ, порвавшихъ связь съ Германіей и подъ командой русскихъ офицеровъ сражавшихся за Единую Недѣлимую и Великую Россію; 2) Германіи, какъ таковой, точно также, какъ и Россіи—нѣтъ. Есть побѣжденныя внутреннимъ или внѣшнимъ врагомъ страны, находящіяся нынѣ каждая въ періодѣ вооруженнаго строительства,

съ тою только разницей, что въ Германіи большевизмъ придавленъ (но не раздавленъ), въ Россіи же продолжаетъ развиваться.

Германскіе большевики въ поискахъ за путями спасенія перекинулись въ Россію, гдѣ и оказываютъ ту или иную помощь совѣтскому правительству (что доказывается данными развѣдки), отлично памятуя, что побѣдивъ на главномъ фронтѣ и, получивъ основы для своего существованія въ видѣ огромной Россійской территоріи, большевизму уже легче будетъ вести борьбу на всѣхъ остальныхъ западныхъ фронтахъ, ибо, конечно, каждому ясно, что одной Россіей большевизмъ, по своей природѣ, удовлетвориться не можетъ. Отсюда выводъ — утвержденіе, что будто бы Германія помогаетъ большевикамъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; помогаютъ спартаковцы, но *«спартаковцы не Германія, — точно также какъ большевики не Россія»*.

Въ свою очередь германскіе правые и умѣренные круги, даже часть правительственныхъ сферъ, прекрасно понимаютъ грозящую культурному міру опасность въ случаѣ господства большевизма въ Россіи и предлагаютъ свою посильную помощь въ общемъ дѣлѣ борьбы — отсюда армія генер. Гольца, отсюда могутъ явиться и другія военныя образованія, главнымъ образомъ, изъ русскихъ военно-плѣнныхъ, подобно тому, какъ была организована армія полковника Бермонта. Является вопросъ—можно ли такую-частную помощь въ дѣлѣ общей борьбы, можно ли возникшіе такимъ путемъ отряды и, наконецъ, можно ли все то, что сочувствуетъ и помогаетъ дѣлу образованія новыхъ факторовъ борьбы съ разрушителями міровой культуры и цивилизаціи — называть «германской оріентаціей»?

Между тѣмъ, подъ давленіемъ союзниковъ часть арміи генер. Гольца (полковника Бермонта) эвакуирована; изъ стѣнъ союзныхъ миссій выходятъ радіо, съ цѣлью скомпромитировать дѣло русской борьбы съ большевизмомъ на западѣ, такъ напримѣръ: 1) благодарность полковнику Бермонту и генер. Гольцу, выраженная Ленинымъ за ихъ помощь большевикамъ; 2) объявленіе полковникомъ Бермонтомъ нѣмецкаго языка государственнымъ; 3) телеграмма о разоруженіи арміи Бермонта «Сербскими» войсками — кстати сказать написанная плохимъ русскимъ языкомъ и т. п.

Само собой разумѣется, что Добровольческая Армія, находясь въ большой зависимости отъ союзниковъ, не можетъ оффиціально признавать подобныхъ военныхъ образованій, зародившихся на германской почвѣ, но *дѣло общей борьбы требуетъ* хотя бы неоффиціальнаго признанія за ними

права на существованіе и въ дальнѣйшей борьбѣ — нужна хотя бы моральная поддержка для готовыхъ и готовящихся формированій; и если есть люди, которые за свой страхъ и рискъ могутъ приступить къ этимъ формированіямъ, то нужно закрыть глаза *на средства*, памятуя одну лишь *великую цѣль*...

Является еще одинъ весьма важный вопросъ: нужны-ли вообще формированія на западной границѣ?

Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ нынѣ отъ хода боевыхъ дѣйствій исключительно на фронтѣ Добровольческой Арміи (Сѣверо-западная армія слишкомъ мала, а Сибирская слишкомъ удалена для того, чтобы имѣть рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ), — здѣсь могутъ быть три варіанта:

а) если успѣхъ въ дѣлѣ борьбы явнымъ образомъ склонится на сторону Добровольческой Арміи и военное счастье вновь ей улыбнется, то все-таки нужно слишкомъ много времени и средствъ, чтобы наверстать потерянное и закрѣпить захваченное; отсюда каждый новый факторъ, ускоряющій это время, нужно только привѣтствовать;

б) если борьба приметъ затяжной характеръ, съ перемѣннымъ успѣхомъ, то, въ этомъ случаѣ, новыя военныя образованія несомнѣнно отвлекутъ на себя часть большевистскихъ силъ, чѣмъ могутъ облегчить дѣйствія Добровольческой Арміи;

в) если армія будетъ продолжать испытывать неудачи, то говорить о необходимости такихъ формированій не приходится.

Изъ всего изложеннаго сами собой напрашиваются слѣдующіе выводы:

1) нужно сохранить армію полковника Бермонта, создавъ для нея благопріятную моральную поддержку;

2) нужно широчайшимъ образомъ развить пропаганду среди русскихъ военно-плѣнныхъ въ германскихъ лагеряхъ и, немедленно, приступить къ цѣлому ряду новыхъ формированій;

3) работа, хотя бы первоначальная, должна начаться на русскія деньги;

4) во главѣ всего должно стоять лицо съ популярнымъ именемъ.

Въ случаѣ проведенія всего этого въ жизнь, за основаніе нужно принять: «Bis dat qui cito dat» — дающій скоро, даетъ вдвое.

Приложеніе.

НѢКОТОРЫЯ ЦИФРОВЫЯ ДАННЫЯ ПО ЗАТРОНУТОМУ ВОПРОСУ.

Содержаніе людей исчисляется посуточно по слѣдующему расчету:

I.	Младшій офицеръ	24 м.
	Ротный командиръ	30 м.
	Батальонный командиръ	36 м.
	Рядовой офицеръ	18 м.*)
	Доброволецъ	11 м.*) (также и спеціалисты)
	Взводный	17 м.

*) Плюсъ 4 марки въ сутки на продовольствіе.

II. Винтовка—интендантская цѣна по повышенной немного оцѣнкѣ мирнаго времени около — 25 марокъ.
Револьверъ—около 15-57 марокъ (въ частной продажѣ 95-100 м.).

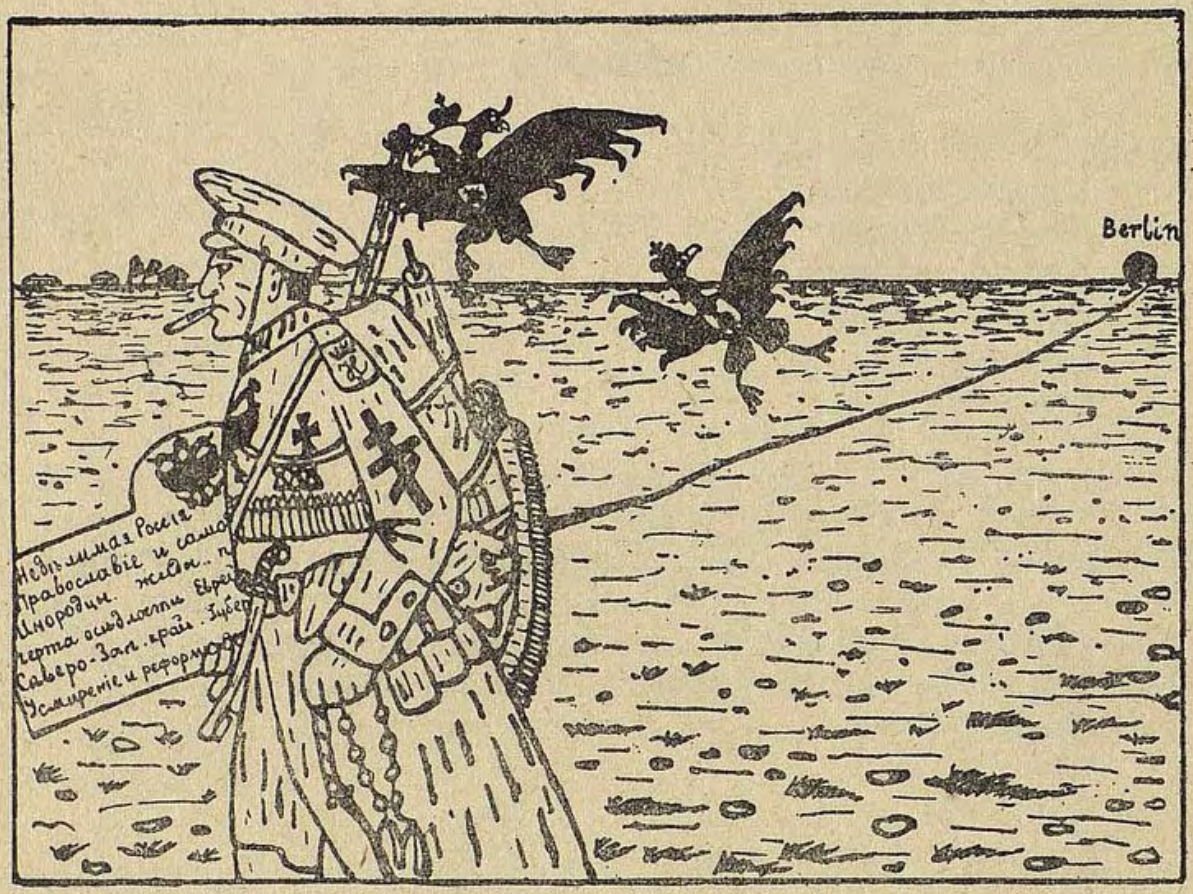
III. Офицерское обмундированіе по казенной расцѣнкѣ:

Пальто	99 м.
Мундиръ	60 м.
Галифе	45 м.
Комплектъ офицерск. бѣлья	35 м.

IV. Полный комплектъ обмундированія вооруженія и снаряженія солдата 700-800 мар.

V. Примѣръ:

Формированіе одного авіаціоннаго отряда, числомъ въ 12 аэропланов и 150 солдатъ (24 офицера), съ покупкой снарядовъ, вооруженія, снаряженія полнаго обмундированія его, включительно до техническаго аванса, обойдется 1 милліонъ 300 тысячъ мар.; съ денежнымъ и продовольственнымъ содержаніемъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ, примѣрно — 2 милліона марокъ.



Литовская каррикатура-примитивъ на Берм.-Авалова
(„The German Occupation in Lithuania 1915-1919“.)

IY.

ПИСЬМА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ

ПИСЬМО

Верховнаго Правителя
Адмирала А. В. Колчака.

Донскому Атаману
Генералу А. П. Богаевскому.

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
и
ВЕРХОВНЫЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ

---

28 Іюня 1919 г.
№ 95
Омскъ.

Глубокоуважаемый
Африканъ Петровичъ.

Я получилъ письмо Ваше, переданное мнѣ генералъ-маіоромъ Сычовымъ, который отправляется мною обратно на югъ Россіи для личнаго доклада Вамъ и Главнокомандующему А. И. Деникину о положеніи вещей въ Сибири и на нашемъ фронтѣ. Онъ снабженъ всѣми документами и я полагаю крайне полезнымъ его возвращеніе и пребываніе на Войсковомъ Кругѣ, гдѣ онъ можетъ сдѣлать обстоятельный докладъ.

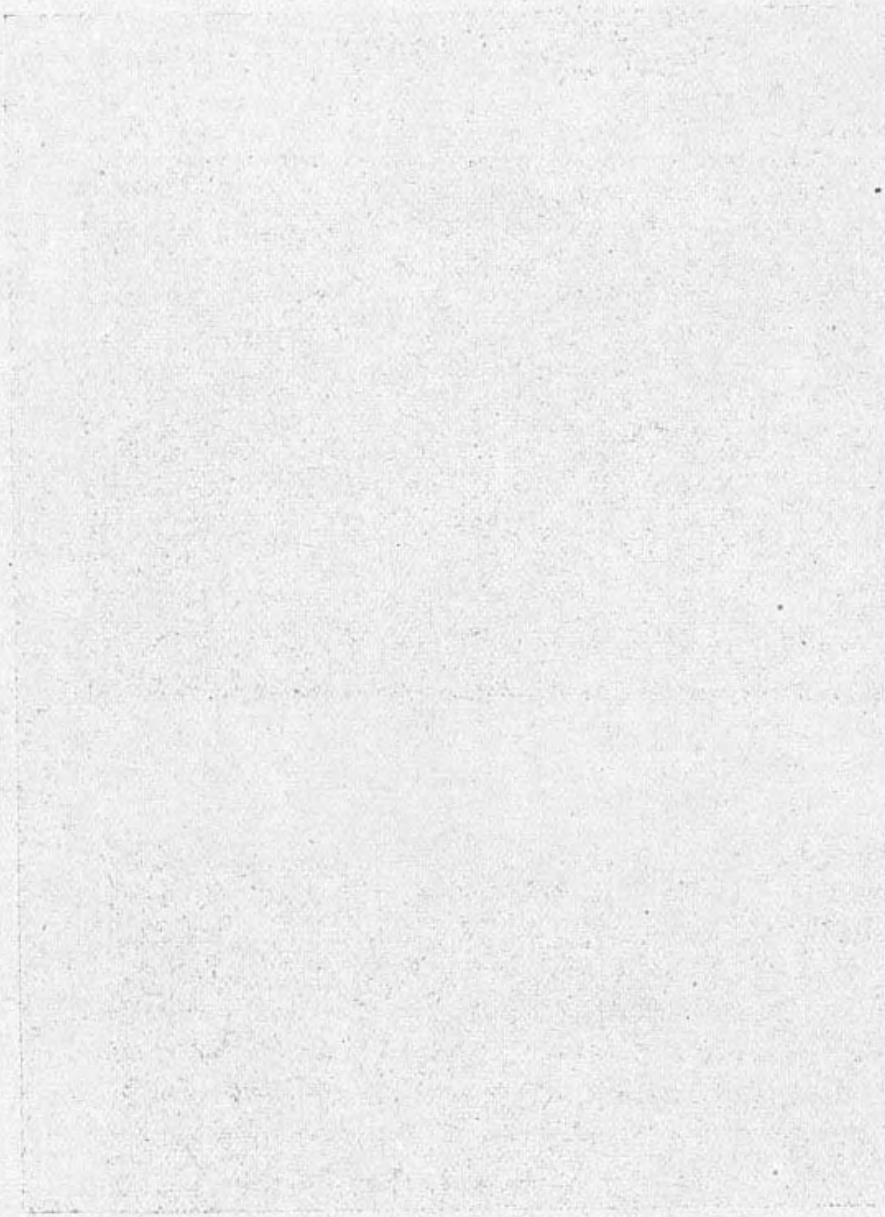
Я не буду въ письмѣ разбирать какіе либо вопросы, т.к. къ тому времени, когда Вы получите это письмо, текущія положенія потеряютъ значеніе; о постоянныхъ или болѣе устойчивыхъ вопросахъ доложитъ Вамъ генералъ-маіоръ Сычевъ, располагающій соотвѣтственнымъ письменнымъ матеріаломъ.

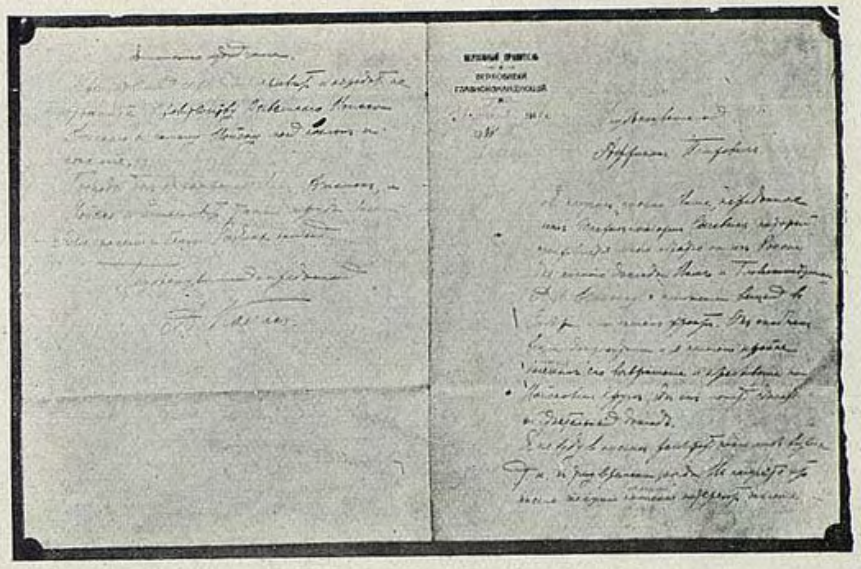
Я хочу упомянуть объ одномъ актѣ, которому я придаю большое государственное значеніе.

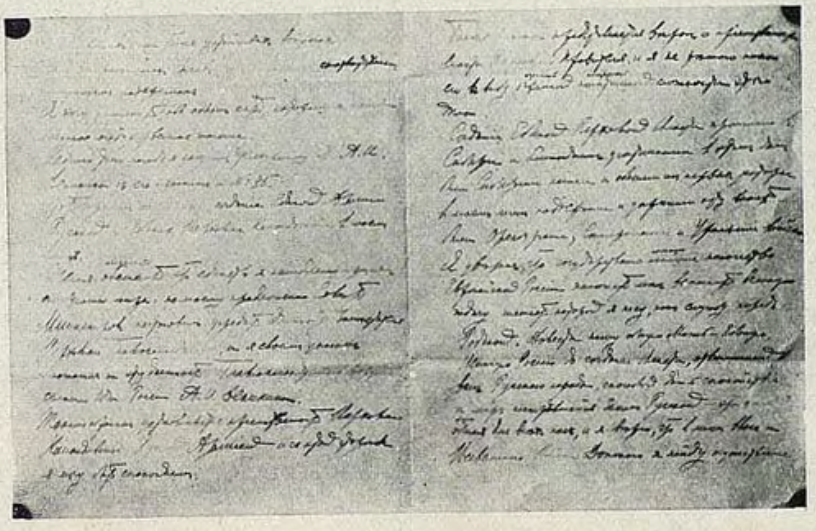
Недѣлю тому назадъ я получилъ телеграмму отъ А. И. Деникина съ его приказомъ за № 95.

Донскому Атаману А. П. Богаевскому
Адмиралъ Колчакъ 25.VI.1919
Омскъ

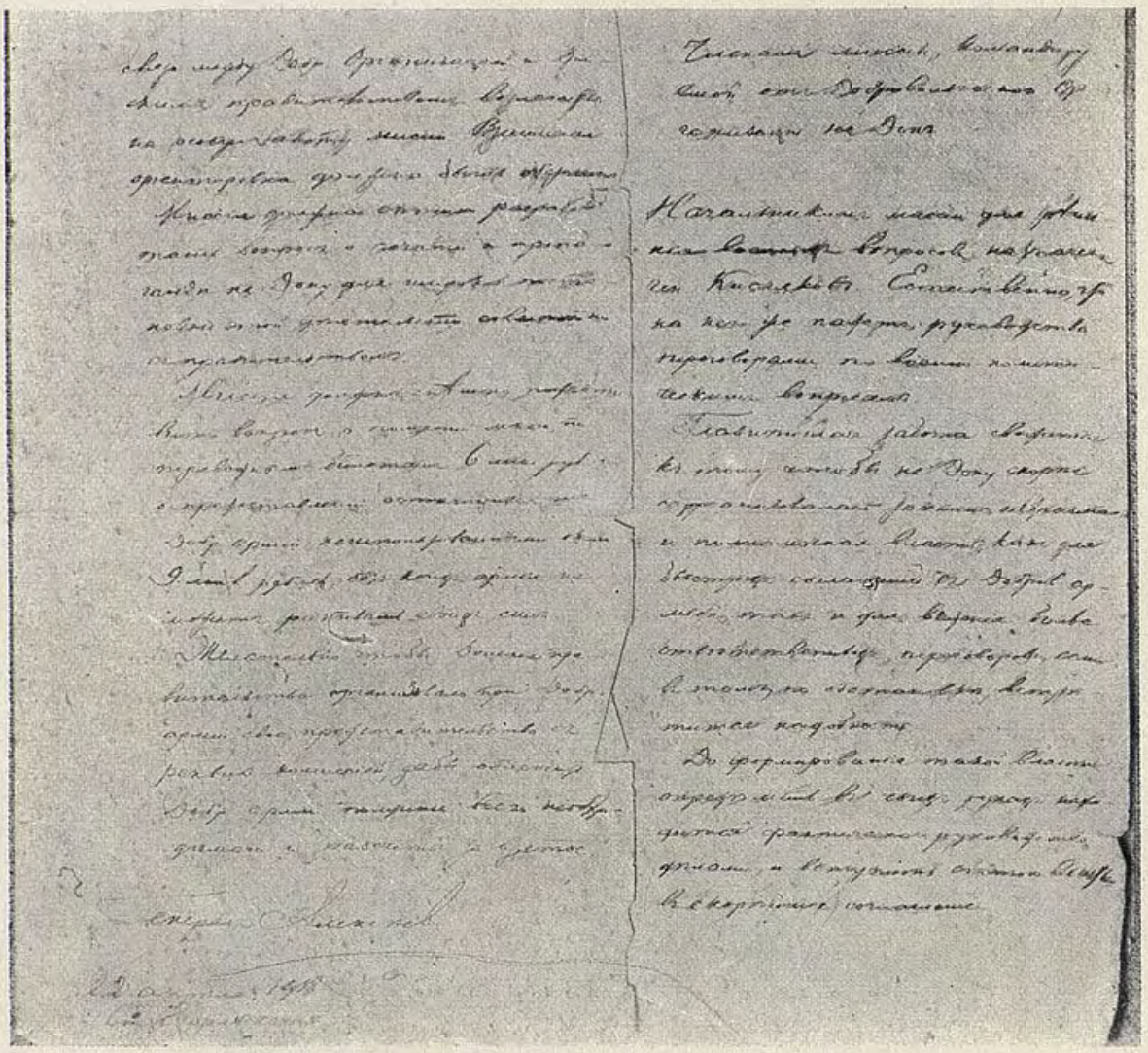
(Послѣдній портретъ Адмирала А. В. Колчака).







Письмо Адмирала А. В. Колчака
Донскому Атаману А. П. Богаевскому.



1-я и 3-я страницы «Наказа» генерала Алексѣева членамъ Донской Миссіи.

Этотъ приказъ опредѣляетъ созданіе Единой Арміи Русской и Единое Верховное Командованіе въ моемъ лицѣ.

Желая обезпечить это единство, я немедленно принялъ слѣдующія мѣры: по моему предложенію Совѣтъ Министровъ постановилъ учредить должность Замѣстителя Верховнаго Главнокомандующаго, и я своимъ указомъ назначилъ на эту должность Главнокомандующаго вооруженными силами Юга Россіи А. И. Деникина.

Такимъ образомъ устанавливается преемственность Верховнаго Командованія Русской Арміей и съ этой стороны я могу быть спокойнымъ.

Болѣе сложнымъ представляется вопросъ о преемственности власти Верховнаго Правителя, и я не рѣшаю пока его, въ виду огромной политической сложности этого дѣла.

Созданіе Единой Верховной Власти произошло въ Сибири и ближайшими участниками въ этомъ дѣлѣ были Сибирскіе казаки и одними изъ первыхъ, которые въ моемъ лицѣ поддержали и укрѣпили эту власть — были Оренбургскія, Семирѣченскія и Уральскія войска.

Я увѣренъ, что государственно мыслящее казачество Европейской Россіи поможетъ мнѣ выполнить великую задачу, тяжесть которой я несу, какъ службу передъ Родиной. Довести нашу общую Мать-Единую, Великую Россію до созданія Власти, отвѣчающей волѣ Русскаго народа, способной дать спокойствіе и миръ изстрадавшейся Землѣ Русской — это цѣль общая для всѣхъ насъ, и я вѣрю, что въ лицѣ Васъ и Всевеликаго Войска Донского я найду осуществленіе работъ по достиженію этой цѣли.

Примите мой сердечный привѣтъ и передать не откажите Правительству Всевеликаго Войска Донского и самому Войску мой поклонъ и пожеланія.

Господь Богъ да сохранитъ Васъ, Атаманъ, и Войско и благословитъ тяжкіе труды Ваши для спасенія и блага Родины нашей.

Глубокоуважающій и преданный
А. Колчакъ.

ИНФОРМАЦІОННОЕ ПИСЬМО

Генерала М. В. Алексѣева

Генералу А. И. Деникину.
(іюнь 1918 г.)

Глубокоуважаемый
Антонъ Ивановичъ,

Я получилъ Вашу телеграмму и, согласно просьбы, пока остаюсь, но считаю необходимымъ сообщить Вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя меня крайне озабачиваютъ.

I. Здѣсь получено распоряженіе высшаго германскаго командованія о заключеніи перемирія съ большевиками на всѣхъ фронтахъ, въ томъ числѣ на Таганрогскомъ и Батайскомъ; въ Донской Области перемиріе заключено лишь по ликвидаціи Таганрогскаго десанта, но въ раіонѣ Койсуга до сихъ поръ слышна артиллерійская перестрѣлка. Это объясняется повидимому отчасти несочувствіемъ къ вышеозначенному распоряженію К-ра Германскаго Корпуса (Ростовскаго), представившаго будто бы даже по этому вопросу генералу Эйхгорну особый докладъ. Его (К-ра К-са) точка зрѣнія такова, что перемиріе въ данный моментъ является неудобнымъ актомъ по отношенію къ казачеству, съ которымъ германцы находятся въ союзѣ, и которые еще не овладѣли Царицыномъ. Тѣмъ не менѣе, если подтвержденіе этого приказа послѣдуетъ, то перемиріе будетъ заключено, ибо «такова воля ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА», какъ сказалъ кому то изъ членовъ Донского Правительства К-ръ К-са и, затѣмъ прибавилъ, что «конечно, за нами останется свобода дѣйствій». Изъ его словъ можно было понять, что въ случаѣ пропуска большевиковъ на сѣверъ — они предварительно будутъ разоружены. Кромѣ изложеннаго имѣются и другія данныя, мѣняющія совершенно нашу обстановку.

II. 4 іюня вечеромъ, пріѣхавшій изъ Кіева генер. Свѣчинъ, дѣлалъ

Правительству докладъ, сущность коего, въ краткихъ чертахъ, заключается въ слѣдующемъ:

сначала и Украинцы и нѣмцы были дружелюбно настроены и очень любезны и предупредительны по отношенію къ Дону, но затѣмъ, послѣ декларацiи Донского Правительства о признанiи себя частью Единой, Недѣлимой Россiи — отношенія круто измѣнились въ отрицательную сторонувътакой степени, что по частнымъ слухамъ Донскому Правительству будто бы грозитъ смѣна, а въ Новочеркасскъ даже будто бы имѣетъ быть назначенъ германскiй комендантъ. Этотъ переломъ въ отношеніяхъ къ Дону по моему понимается просто: съ объявленiемъ означенной декларацiи, Донъ становится на прямо противоположную политическую платформу по отношенію къ Украинѣ и, кромѣ того, такимъ мужественнымъ признанiемъ привлекаетъ къ себѣ не мало симпатiй среди разныхъ круговъ — это съ одной стороны. Съ другой — хотя въ основныхъ чертахъ означенная декларацiя и совпадаетъ съ нѣмецкимъ взглядомъ на этотъ вопросъ, но Дономъ предвосхищена идея — объявленiе во всеуслышанiе того, о чемъ нѣмцы только думаютъ — и опять не мало симпатiй, благодаря этому, будетъ отторгнуто отъ нѣмцевъ и привлечено на сторону Донцовъ.

Въ связи съ изложеннымъ въ I и II п. п. повидимому происходитъ концентрацiя войскъ на ст. Лихой и можетъ быть даже ударъ на Царицынъ, *что поставитъ насъ въ крайне затруднительное положенiе.* Кромѣ того, сегодня (5 iюня) утромъ у Атамана были два нѣмецкихъ маiора, командированныхъ Эйхгорномъ изъ Кiева и зондировавшихъ весьма основательно почву относительно Юго-Восточнаго Союза, который, по ихъ мнѣнiю, представляетъ фикцiю; съ ихъ стороны дѣлались весьма прозрачные намеки о «сліяніи Дона и Украины въ одно цѣлое» — т. е. о контактѣ въ томъ или иномъ видѣ.

По моему, вопросъ поднятый нѣмцами, находится въ тѣсной связи съ предстоящимъ совѣщанiемъ Кубанскаго Правительства и Рады.

Всѣ изложенные вопросы требуютъ тщательнаго изученiя, ибо они могутъ оказать серьезное вліяніе не только на общее положенiе Добровольческой Арміи, но и на ея ближайшую оперативную дѣятельность.

Финансовая операцiя, въ размѣрѣ 4-хъ милліоновъ руб., противъ моего ожиданiя, прошла благополучно и я имѣю обязательство Донского

Правительства на выплату во второй половинѣ іюня 2-хъ милліоновъ и во второй половинѣ іюля остальныхъ 2-хъ милліоновъ рублей; о деталяхъ выплаты я войду въ соглашеніе съ Управляющимъ Финансовымъ Отдѣломъ.

Атаманъ въ этомъ вопросѣ пошелъ мнѣ навстрѣчу, но это не означаетъ, что вообще отношеніе его къ Добровольческой Арміи измѣнилось въ благопріятную для насъ сторону, напротивъ имѣются прямыя данныя предполагать, что отношеніе его къ намъ ухудшается на почвѣ нѣкоторыхъ отказовъ, такъ напримѣръ Атаманъ сильно недоволенъ отказомъ въ предоставленіи въ его распоряженіе полковника Андреева — я съ своей стороны считаю, что за полученную финансовую поддержку, мы должны бы въ этомъ, второстепенномъ для насъ вопросѣ, пойти на встрѣчу пожеланіямъ генерала Краснова.

Вторымъ поводомъ къ недовольству его является, повидимому, несходство въ оперативныхъ взглядахъ (ударъ на Кущовку) — съ своей стороны нахожу, что въ этомъ отношеніи мы должны сохранить за собой полную свободу дѣйствій, не смущаясь ничьимъ неудовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что по моему мнѣнію ОБСТАНОВКА ВЪ БЛИЖАЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ ЗАСТАВИТЪ НАСЪ ОБРАТИТЬ СВОИ ВЗОРЫ И ДѢЙСТВІЯ ВЪ СѢВЕРНОМЪ НАПРАВЛЕНІИ.

Я прошу Васъ обратить особенное вниманіе на совокупность матеріала помѣщеннаго въ «Приазовскомъ Краѣ» отъ 5-8 іюня № 63 *).

Третьей причиной недовольства является инцидентъ въ Безсергеніевкѣ, гдѣ нѣкоторые офицеры Офицерскаго полка учинили дебошъ, врываясь съ винтовками въ дома и гоняясь за станичнымъ атаманомъ. По этому поводу у генер. Краснова была делегація, съ станичнымъ атаманомъ во главѣ, съ жалобой на дѣйствія офицеровъ Добровольч. Арміи.

Назрѣваетъ новый конфликтъ между казаками и отрядомъ полковника Глазенапа въ ст. Грушевской гдѣ, по слухамъ, его офицеры будто бы выпороли какую то бабу — несомнѣнно и это дойдетъ, если только не дошло уже, до Атамана**).

Вообще отношеніе казачества къ Добровольческой Арміи, — въ связи съ увлеченіемъ нѣкоторыхъ офицеровъ политикой, переходящей зачастую

*) Первыя телеграммы объ активномъ выступленіи противъ сов. власти чехо-словацкой арміи. (Ред.)

**) Этотъ слухъ оказался провокаціоннымъ. (Ред.)

въ грубое политиканство, назойливой бравадой монархическихъ идей среди неподготовленнаго еще къ этому населенія — можетъ имѣть нежелательныя и крайне опасныя для насъ послѣдствія.

Нѣсколько словъ о полковникѣ Тимановскомъ: 4-го іюня я вынужденъ былъ пригласить его къ себѣ, т. к. получилъ слишкомъ много и изъ разныхъ источниковъ свѣдѣній, что втеченіи первыхъ двухъ дней, Офицерскій полкъ питался только консервами по той яко бы причинѣ, что штабъ Всевеликаго Войска Донского и генералъ Денисовъ не пошли въ этомъ направленіи навстрѣчу требованіямъ генерала Маркова и полковника Тимановскаго.

Офицеры въ институтѣ размѣщены прямо на каменномъ полу корридоровъ, тогда какъ Вы быть можетъ помните, что въ декабрѣ и январѣ свыше 1000 человѣкъ имѣли кровати и тюфяки*) — опять полученъ докладъ, что генералъ Денисовъ не пошелъ на встрѣчу.

Околодокъ полка въ отрицательномъ состояніи — только теперь отъ генер. Эльснера получены простыни , а я вѣдь разрѣшилъ за счетъ суммъ арміи произвести расходы, между прочимъ и на покупку термометровъ.

На мой вопросъ — почему не обратились ко мнѣ за содѣйствіемъ? — полковникъ Тимановскій отвѣтилъ, что онъ только что узналъ о моемъ пріѣздѣ, хотя въ теченіи 1, 2 и 3 іюня у меня перебывало значительное количество военныхъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей г. Новочеркасска.

Еще нѣсколько словъ о нѣмцахъ: имѣются свѣдѣнія, о присылкѣ нѣмцами офицера изъ Ростова для связи съ Донскимъ Правительствомъ — разумѣется, понятно, въ какихъ цѣляхъ — необходимо будетъ Политическому Отдѣлу организовать самую тщательную контръ-развѣдку.

Генералъ *М. Алексѣевъ.*

---

*) Въ періодъ Донск. Атам. А. М. Каледина. (Ред.)

НАКАЗЪ

данный генераломъ М. В. Алексѣевымъ,

ЧЛЕНАМЪ МИССІИ КОМАНДИРУЕМОЙ ОТЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦІИ НА ДОНЪ.*)

Начальникомъ миссіи для рѣшенія военныхъ вопросовъ назначенъ генералъ Кисляковъ. Естественно, что на него же падаетъ руководство переговорами по военно-политическимъ вопросамъ.

Главнѣйшая работа сводится къ тому, чтобы на Дону скорѣе съорганизовалась законно избранная и полномочная власть, какъ для быстрыхъ соглашеній съ Добровольческой Арміей, такъ и для веденія болѣе соотвѣтственныхъ переговоровъ, если въ томъ по обстановкѣ, встрѣтится надобность.

До формированія такой власти опредѣлить въ чьихъ рукахъ находится фактическое руководство дѣлами, и вступить съ этой властью въ скорѣйшее соглашеніе.

Перенеся временно театръ своей боевой дѣятельности на территорію войска Донского, Добр. армія вправѣ увѣренно разсчитывать, что не только военныя операціи, но и военно-политическая работа Дона будетъ вполнѣ согласована съ работой Добр. арміи.

Добр. армія, не связанная частными интересами съ тою или другою областью, преслѣдуетъ общегосударственные интересы и поэтому является лучшимъ связующимъ звеномъ для всѣхъ элементовъ, ведущихъ борьбу съ большевизмомъ. Руководство Добр. арміи представляется естественнымъ, полезнымъ и необходимымъ.

Соглашеніе между Дономъ и Кубанью, тѣсно связывая интересы обла-

---

*) Миссія эта была командирована на Донъ тотчасъ же по возвращеніи Добр. Арміи изъ Ледяного похода. (Ред.).

стей въ единое, облегчаетъ, какъ выполненіе общегосударственной задачи, такъ и постановку частныхъ стратегическихъ задачъ.

Установленіе прочной, постоянной связи между Добр. Организаціей и Донскимъ правительствомъ возлагается на особую заботу миссіи. Взаимная оріентировка должна быть обезпечена.

Миссія должна спѣшно подготовить вопросъ о полученіи мною по переводнымъ билетамъ 6 мил. рублей и о предоставленіи остающихся для Добр. арміи неиспользованными около 9 мил. рублей, безъ коихъ армія не можетъ развивать своихъ силъ.

Желательно, чтобы Донское правительство организовало при Добр. арміи свое представительство съ реквиз. комиссіей, дабы облегчить Добр. арміи полученіе всего необходимаго и разсчеты за взятое.

Генералъ *Алексѣевъ*.

22 апрѣля 1918
Ст. Егорлыкская.

ПИСЬМО

Основателя и Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи
Генерала М. В. Алексѣева

Атаману Всевеликаго Войска Донского
Генералу П. Н. Краснову.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ
Добр. Армія.

Милостивый Государь
Петръ Николаевичъ,

4 Іюля сего года Вы издали приказъ о введеніи осаднаго положенія на территоріи Всевеликаго Войска Донского.

Я увѣренъ, что этотъ приказъ ни въ какой мѣрѣ не направленъ противъ Добровольческой Арміи, но все же при нѣкоторыхъ его толкованіяхъ могутъ быть созданы весьма значительныя препятствія добровольческому дѣлу и, кромѣ того, въ широкихъ кругахъ общества можетъ создаться впечатлѣніе, что различныя ограниченія, которыя этимъ приказомъ созданы, имѣютъ въ виду именно Добровольческую Армію.

Приказъ не упоминаетъ о солдатахъ и вообще добровольцахъ не офицерскаго званія, направляющихся въ Армію; такимъ образомъ, значительная часть прибывающихъ къ намъ людей не имѣетъ возможности останавливаться въ Ростовѣ, а также, какъ по смыслу приказа нужно, и въ Новочеркасскѣ, и поэтому крайне желательно было бы именно въ этомъ вопросѣ избѣгнуть неясности.

Ограниченія времени пребыванія офицеровъ въ г. Ростовѣ, а при распространительномъ толкованіи и въ Новочеркасскѣ лишь тремя днями, является очень стѣснительнымъ, такъ какъ за этотъ срокъ добровольцы не успѣваютъ пройти черезъ всѣ наши учрежденія и отбыть въ Армію: бюро записи, Военно-Политическій Отдѣлъ, лазаретъ и пр.

Значительныя препятствія въ дѣлѣ набора добровольцевъ создаетъ

устанавливаемый на границахъ Области, повидимому, строгій контроль, цѣль котораго мнѣ не совсѣмъ ясна.

Начальникъ моего Военно-Политическаго Отдѣла, Генеральнаго Штаба Полковникъ Лисовой доложилъ мнѣ о бесѣдѣ, которую онъ имѣлъ съ Вами по поводу вышеозначеннаго приказа. *)

Я совершенно удовлетворенъ результатами этой бесѣды и ея содержаніе лишь подтверждаетъ мою мысль, что Ваши дѣйствія ни въ какой мѣрѣ и не могли быть направлены противъ Добровольческой Арміи. Но все же я просилъ бы, если бы Вы нашли это возможнымъ, въ соотвѣтствующемъ дополненіи болѣе ясно указать въ какой мѣрѣ приказъ объ осадномъ положеніи касается Добровольческой Арміи. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и значительно способствовало бы прекращенію тѣхъ преувеличенныхъ слуховъ, которые ходятъ о треніяхъ между Добровольческой Арміей и Войскомъ Донскимъ.

Если эти слухи и имѣютъ нѣкоторое основаніе, то я вполнѣ увѣренъ, что всякаго рода недоразумѣнія, всегда будутъ улажены при добромъ желаніи обѣихъ сторонъ.

Я со своей стороны всегда готовъ оказать Вамъ въ этомъ содѣйствіе.

Я прошу Васъ вѣрить, что изъ всѣхъ, находящихся сейчасъ на территоріи Области элементовъ, не принадлежащихъ къ ея составу, Добровольческая Армія является наиболѣе расположеннымъ къ Всевеликому Войску

*) Приказъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ письмѣ, явился для Добровольческой Арміи «ударомъ грома — среди тихаго неба»; генералъ Алексѣевъ склоненъ былъ видѣть въ этомъ «тяжелую нѣмецкую руку, придавившую генер. Краснова».

Получивъ приказаніе генер. Алексѣева отправиться къ Атаману и выяснить истинныя причины, послужившія для отдачи столь грознаго для Добровольческой Арміи, приказа, я, бесѣдуя съ генер. Красновымъ, видѣлъ, что онъ искренно огорченъ столь обиднымъ для него, толкованіемъ его распоряженій и получилъ категорическія завѣренія, что приказъ этотъ ни въ какой степени не относится къ «братской Добровольч. Арміи». Когда же я задалъ генер. Краснову вопросъ — будетъ ли этотъ приказъ отмѣненъ въ смыслѣ распространенія дѣйствій его на Добровольческую Армію, то получилъ тотъ же отвѣтъ съ добавленіемъ, что «приказы отдаются не для того того чтобы ихъ отмѣнять».

Мои старанія получить отъ Атамана письменныя гарантіи его завѣреній — также не увѣнчались успѣхомъ, но генералъ Красновъ изъявилъ готовность лично завѣрить генер. Алексѣева въ неприкосновенности Добровольческой Арміи.

Послѣ доклада моего генералу Алексѣеву, — генералъ уклонился отъ личныхъ гарантій и въ тотъ же день написалъ Атаману вышеизложенное письмо.

Насколько я помню, отъ генер. Краснова отвѣтъ былъ полученъ вполнѣ удовлетворительный и никакихъ дальнѣйшихъ осложненій по этому вопросу не было. *Я. Л.*

Донскому; причиной этому служатъ не только чувства симпатіи и столь недавняя общая боевая работа, но также и несомнѣнное во многомъ совпаденіе задачъ Добровольческой Арміи и Войска Донского. Содѣйствіе Добровольческой Арміи Всевеликому Войску въ его задачахъ будетъ безкорыстнымъ, болѣе чѣмъ чье бы то ни было и, слѣдовательно, какъ болѣе отвѣчающее его дѣйствительнымъ интересамъ.

Прошу принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и преданности

Мих. Алексѣевъ.

6 Іюля 1918 года.
г. Новочеркасскъ
№ 92.

ПИСЬМО

Генерала М. В. Алексѣева

Управляющему Отдѣл. Иностр. Дѣлъ Всевел. Войска Донского
Генералу А. П. Богаевскому.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ
Добровольческая
Армія

Милостивый Государь,
Африканъ Петровичъ,

для Вашего свѣдѣнія сообщаю Вамъ, *что къ вечеру* 12 іюля положеніе дѣлъ на фронтѣ Добровольческой Арміи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) судя по перехваченной телеграммѣ большевиковъ Ейскъ очищенъ и совѣтской властью и совѣтскими войсками и, можно разсчитывать, безъ сопротивленія будетъ занятъ нашей конницей.

2) часть нашихъ силъ направляется на Тимашевскій ж. д. узелъ, для дѣйствія оттуда противъ Екатеринодара съ сѣверной стороны.

3) главная масса войскъ на Екатеринодарскомъ направленіи своими передовыми частями заняла ст. Пластуновскую, примѣрно въ 30 верстахъ отъ Екатеринодара.

Постоянный гарнизонъ Екатеринодара не превышаетъ полуторы тысячи человѣкъ, но въ настоящее время черезъ городъ проходятъ многочисленныя отступающія части и произвести болѣе или менѣе приблизительный подсчетъ тѣмъ силамъ, которыя могутъ быть стянуты большевиками для защиты Екатеринодара, не представляется возможнымъ.

Во всякомъ случаѣ Командующій Арміей приказалъ приступить немедленно къ подготовкѣ окончательной операціи противъ Екатеринодара.

Подготовка эта начнется 13 -го іюля и, надо полагать, въ ближайшіе дни г. Екатеринодаръ — этотъ одинъ изъ оплотовъ власти большевиковъ на Кубани, будетъ сокрушенъ.

4) Колонна, обезпечивающая главную операцію съ юга и юго.-запада, переправившись черезъ р. Кубань у ст. Телишбенской, быть можетъ будетъ развивать наступленіе на Армавиръ, если обстановка этому будетъ благопріятствовать.

5) Импровизированный отрядъ полк. Шкуро, при содѣйствіи войскъ Добровольческой Арміи, занялъ и, надо полагать, окончательно Ставрополь, положивъ тѣмъ начало очищенію отъ большевиковъ Ставропольской губерніи.

Какъ Вы видите, операція на Кубани и въ Ставропольской губерніи находится въ полномъ развитіи и прервать ее безъ вреда для общаго дѣла не представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что на ея окончательное завершеніе не потребуется и слишкомъ много времени.

Быть можетъ въ интересахъ полнаго обезпеченія тыла, часть войскъ придется употребить на возстановленіе порядка въ Терской области, прежде чѣмъ окончательно передать мѣстнымъ ополченіямъ продолженіе борьбы съ большевиками и уничтоженіе признаковъ ихъ власти.

Но все это задачи частнаго характера, лишь обезпечивающіе выполненіе главной задачи. Необходимо опредѣленно установить тотъ взглядъ, что Добровольческая Армія не отказывается и не имѣетъ основаній уклоняться отъ взятія Царицина.*) Весь вопросъ во времени приступа къ этой операціи въ зависимости отъ прочнаго обезпеченія тыла и путей сообщенія.

---

*) Вопросъ о времени приступа къ царицынской операціи — былъ однимъ изъ пунктовъ расхожденія во взглядахъ между Донскимъ и Главнымъ Команд. Добр. Арм.

Въ то время, какъ генералъ Красновъ настаивалъ на немедленномъ началѣ военныхъ дѣйствій по овладѣнію этимъ пунктомъ («я дамъ для этой цѣли и деньги, и орудія, и снаряды, и живую силу — если у меня не хватитъ — я выпрошу у нѣмцевъ» не разъ говорилъ генералъ Красновъ) — Главное Командованіе Добр. Арм. не находило возможнымъ приступить къ этому прежде чѣмъ не будетъ очищенъ отъ большевиковъ тылъ Д. А. — т. е. Кубанская обл. Генералъ М. В. Алексѣевъ сперва повидимому раздѣлялъ взгляды Донского Атамана и въ своихъ письмахъ къ генераламъ Деникину и Романовскому неоднократно подчеркивалъ важность этой задачи, предостерегая отъ «углубленія на Кубань, которое можетъ повести къ гибели» (письмо генер. Алексѣева отъ 30 іюня 1918 г.)

Послѣ поѣздки въ Штабъ Добр. Арм. и изученія обстановки на мѣстѣ, генералъ Алексѣевъ, хотя и измѣнилъ нѣсколько свой первоначальный взглядъ относительно времени начала Царицынской операціи, — тѣмъ не менѣе, однако, считаетъ этотъ вопросъ настолько важнымъ, что:

1) дѣйствія на царицынскомъ направленіи опредѣляетъ какъ *главную* задачу Добр. Арм.

2) назначаетъ чуть-ли не предѣльный срокъ начала этой операціи и

3) настоятельно проситъ не подпускать къ Царицыну нѣмецкія войска.

Независимо отъ этого,—подписаніе договора и фактическое образованіе Юго-Восточнаго Союза могло поставить не окрѣпшую еще Добр. Арм. въ такое по-

Разсматривая размѣръ предстоящей впереди работы, прикидывая время на переброску и сосредоточеніе войскъ, мы можемъ предполагать, что операція противъ Царицына начнется войсками Добровольческой Арміи черезъ 2½ — 3 недѣли.

Срокъ, можетъ быть, продолжительный, но необходимый и съ этимъ приходится считаться и согласовать соображенія Донского Командованія, дабы операцію эту сдѣлать нашимъ общимъ дѣломъ, не допуская въ ней никоимъ образомъ участія нѣмцевъ.

Изложивъ Вамъ съ полной откровенностью и положеніе дѣлъ въ арміи и наши общія предположенія не только для Вашего свѣдѣнія, но и для того, чтобы Вы взяли на себя трудъ изложить это Атаману, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю своимъ долгомъ отъ лица Добровольческой Арміи просить содѣйствія по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Всякое ускореніе подписанія договора объ образованіи Юго-Восточнаго Союза (Доно-Кавказской Республики) можетъ поставить Добровольческую Армію въ безъисходное положеніе. Между тѣмъ, какъ отсрочка этого акта будетъ отвѣчать интересамъ не только Арміи, но и территоріальныхъ

ложеніе, что въ любое время, подъ давленіемъ нѣмецкаго командованія (которое, кстати сказать, относилось съ большимъ вниманіемъ къ ходу означенныхъ переговоровъ), могъ возникнуть вопросъ о ея разоруженіи, какъ находящейся на чужой территоріи.

Вотъ почему генералъ Алексѣевъ, являясь въ принципѣ сторонникомъ означеннаго соглашенія, проситъ о временномъ задержаніи подписанія этого акта.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что генералъ Красновъ охотно согласился пріостановить подписаніе означеннаго акта, что же касается отсрочки боевыхъ дѣйствій подъ Царицыномъ, то Донской Атаманъ хотя согласился и на это, но по его словамъ «съ болью въ сердцѣ».

Изъ послѣдующаго письма генерала Романовскаго къ генералу А. Богаевскому видно, что еще въ концѣ сентября не только не было приступлено къ операціи, но что операція эта отлагается на нѣкоторое время... Какъ извѣстно, Царицынъ былъ взятъ лишь 17 іюня 1919 г.

Еще одна характерная черта — какъ предыдущее письмо генерала Алексѣева такъ и послѣдующее письмо генерала Романовскаго, такъ вообще и большинство писемъ направляются на имя генерала А. П. Богаевскаго не только какъ Управляющаго Отдѣл. Иностранныхъ дѣлъ, но, по выраженію генерала Алексѣева, какъ «единственнаго друга Добровольческой Арміи, отъ котораго у меня нѣтъ никакихъ секретовъ» — почва непосредственныхъ сношеній между Главными Командованіями Донской и Добровольческой Арміями къ этому времени накалилась въ такой степени, что генералу А. Богаевскому зачастую приходилось разрѣшать рядъ вопросовъ не всегда находившихся въ сферѣ его непосредственныхъ обязанностей, какъ напр., въ данныхъ случаяхъ вопросъ о снабженіи Добр. Арм. огнестрѣльными припасами, о разстройствѣ нѣмецкихъ стратегическихъ плановъ и т. п. (Ред.)

единицъ, входящихъ въ составъ Союза, особенно на Кубани. Вопросъ этотъ зависитъ, главнымъ образомъ, насколько мнѣ это извѣстно, отъ Атамана Войска Донского, а потому я обращаюсь черезъ Васъ къ нему съ просьбой задержать подписаніе акта.

2) Вѣрны или нѣтъ мои свѣдѣнія — но знаю, что уже дней 10, какъ ведется сосредоточеніе трехъ германскихъ дивизій къ ст. Лихой. Цѣль этого сосредоточенія, говорятъ, совмѣстныя дѣйствія нѣмцевъ и казаковъ, по приглашенію генерала Краснова, противъ Царицина. Болѣе всего и убѣдительно прошу отказаться отъ этого проэкта. Я выяснилъ уже неизбѣжность для Добровольческой Арміи этой операціи — нужна только выдержка, и было бы болѣе чѣмъ грѣшно, если бы мы своими собственными руками или хотя бы косвенно содѣйствовали нѣмцамъ въ появленіи ихъ въ раіонѣ Царицына на Волгѣ. Дѣло въ томъ, что по свѣдѣніямъ изъ Кіева, нѣмцы спѣшно уводятъ изъ сѣверной части Украины свои войска и направляютъ свѣжія части изъ Украины на Москву и далѣе на Волгу въ предвидѣніи сбора тамъ союзныхъ войскъ.

Допуская ихъ къ Царицыну, мы сами создаемъ для нихъ въ высшей степени благопріятную обстановку. Нужно не приглашать, а принять всѣ возможныя мѣры къ тому, что бы разстроить стратегическія предположенія нѣмцевъ.

За содѣйствіемъ по этимъ двумъ вопросамъ капитальнѣйшей важности я и обращаюсь къ Вамъ въ глубокой надеждѣ, что Вы поможете избѣжать тѣхъ крайнихъ затрудненій, съ которыми придется имѣть дѣло и Юго-Восточному Союзу и Добровольческой Арміи. Прежде всего необходимо точно выяснить, дѣйствительно ли совершается сосредоточеніе крупныхъ нѣмецкихъ войскъ въ раіонѣ ст. Лихой.

Прошу принять увѣренія въ совершеннѣйшемъ моемъ почтеніи и преданности.

Мих. Алексѣевъ.

12 Іюля 1918 г.
№ 96
Ст. Тихорѣцкая.

ПИСЬМО

Начальника Штаба Добровольч. Арміи
Генерала И. П. Романовскаго

Управляющему Отдѣл. Иностр. Дѣлъ Всевел. Войска Донского
Генералу А. П. Богаевскому

Начальникъ Штаба
Добровольческой Арміи

№ 678
26 сентября 1918 года
Екатеринодаръ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Добровольческая Армія достигла въ сентябрѣ мѣсяцѣ крупныхъ успѣховъ. Оперирующіе на Кубани Совѣтскіе войска оказались окруженными и, казалось, могли бы быть уничтожены, послѣ чего большая часть Добровольческой Арміи, согласно и ранѣе бывшихъ предположеній, начала бы немедленно содѣйствовать Донцамъ работою въ непосредственной связи съ ними, въ Царицынскомъ и Приволжскомъ раіонахъ.

Однако окруженныя скопища большевиковъ оказались столь многочисленными, а состояніе огнестрѣльныхъ запасовъ Добровольческой Арміи столь незначительными, что развивать операціи въ прежнемъ масштабѣ стало для насъ невозможнымъ.

Сжимавшее большевиковъ наше кольцо прорвано у Невинномысской, и нынѣ является опасеніе, что большая часть большевистскихъ массъ уйдетъ, и уйдетъ, судя по уже двинувшимся отрядамъ, на сѣверъ, въ Астраханскія степи и далѣе, вѣроятно, на Царицынъ.*)

Такимъ образомъ наша вынужденная въ данное время бездѣятельность во 1) даетъ возможность значительно усилиться Царицынской группѣ противника, дѣйствующаго противъ арміи Всевеликаго Войска Донского, и во

*) А частью угрожаетъ движеніемъ на Торговую и Царицынъ — тылу Донской Арміи. *Романовскій.*

2) отлагаетъ время выступленія Добровольческой Арміи на Царицынскомъ направленіи.

Единственная мѣра, которая могла бы помочь въ этомъ случаѣ — это немедленное снабженіе Добровольческой Арміи патронами и снарядами въ количествѣ болѣе соотвѣтствующемъ его задачамъ.

Единственнымъ же источникомъ возможнаго пополненія является Всевеликое Войско Донское. Общность нашей боевой работы, общность оперативныхъ задачъ и совмѣстный общій фронтъ, общія задачи и въ прошломъ и въ будущемъ — все это позволяетъ мнѣ просить Васъ отнестись въ дѣлѣ снабженія артиллерійскаго Добровольческой Арміи, какъ къ своимъ частямъ и разрѣшить этотъ вопросъ возможно благожелательнѣе.

Обезпеченіе Добровольческой Арміи снарядами и патронами ускоритъ побѣду Дона надъ общимъ врагомъ.

Прошу Васъ не отказать въ увѣдомленіи меня по содержанію этого письма.

Прошу Васъ принять увѣренія въ моемъ глубокомъ уваженіи и искренней преданности

И. Романовскій.

Примѣчаніе: На этомъ письмѣ имѣется слѣдующая резолюція Генерала А. П. Богаевскаго:

„Оставить въ Ставрополѣ 1.000.000 руж. патроновъ и 50.000 снарядовъ“

Генералъ А. П. Богаевскій

ДИРЕКТИВЫ

генерала Алексѣева замѣстителю Начальника Политическаго Отдѣла

Генералъ
АЛЕКСѢЕВЪ. Хорунжему Кравченко.

7-9-18.
Въ докладъ полк. Лисовому по его возвращеніи.
Хор. Кравченко

Намъ нужно *скорѣе* переселиться изъ центральной гостинницы. Состояніе кассы арміи допускаетъ нѣкоторый расходъ на наемъ квартиры. Полагаю, что все это нужно продѣлать немедленно и не подвергать себя непріятнымъ послѣдствіямъ наблюденія за нами и выкрадыванія документовъ.*) По соглашенію съ ген. Романовскимъ будетъ создана особая команда довѣренныхъ курьеровъ и назначенъ полит. отдѣлу автомобиль.

Поручаю Вамъ отъ моего имени посѣтить г-жу Корнилову и доложить, что обезпеченіе въ матеріальномъ отношеніи семьи покойнаго Лавра Георгіевича беретъ на себя, въ силу гражданскаго долга и въ мѣрѣ дѣйствительной возможности , Добр. армія. Ген. Эльснеру поручено представить г-жѣ Корниловой 14.000 рублей единовременно. Какъ и въ отношеніи семьи С. Л. Маркова, я обратился къ частной благотворительности и вполнѣ разсчитываю на благопріятные результаты. Писалъ Кубанскому Правительству о назначеніи пенсіи или единовременнаго пособія. Изыщу способы выдѣлить нѣкоторый процентъ изъ контрибуціи. Офицеры Полит. Отдѣла должны предоставить себя въ распоряженіе г-жи Корниловой; лично я, по возвращеніи въ

*) Рѣчь идетъ о представителяхъ политич. отд. германскаго командованія, которымъ было отведено помѣщеніе въ «Центральной гостин.» рядомъ съ Полит. Отд. Добровольч. Арміи. Всѣ представленія генер. Алексѣева, сдѣланныя имъ Атаману Всев. Войска Донск. относительно «значительныхъ неудобствъ» этого сосѣдства — оказались безрезультатными — удалось только выяснить, что это помѣщеніе отведено по просьбѣ самихъ нѣмцевъ.

Къ сожалѣнію Полит. Отд. Добр. Арм. до 15 іюля не располагалъ никакими средствами на наемъ отдѣльнаго помѣщенія. Я. Л.

Новочеркасскъ, буду у нея и выражу полную готовность помощи. Словомъ, сдѣлаемъ все, что можно, чтобы семья не могла остаться при убѣжденіи, что она «покинута всѣми». Пріѣздъ семьи въ Новочеркасскъ былъ дѣйствительно неожиданнымъ для всѣхъ.

Думаю, что въ Новочеркасскѣ склонны придавать преувеличенное значеніе даже мелкимъ проявленіемъ, безъ которыхъ въ крупномъ дѣлѣ обойтись невозможно. Объ инцидентѣ на ст. Кущовка я ничего не зналъ: штабъ арміи не придавалъ ему значенія и не былъ склоненъ разсматривать его, какъ источникъ недоразумѣній. Не откажите выяснить эту точку зрѣнія. За неумѣстную передовую статью редактору сдѣлано внушеніе. Лично я остаюсь при мнѣніи, что лучше было бы пресловутаго «Вѣстника»*) не имѣть: онъ часто и садиться и сажаетъ въ лужу. Но штабъ имѣетъ свои желанія съ которыми нельзя не считаться.

Капитана Тихомирова (онъ полковникъ-самозванный) нужно арестовать и доставить въ армію. Кажется, онъ самовольно покинулъ армію (дезертиръ).

Аресты вредящихъ намъ, особенно черезъ нѣмцевъ, *нужно производить* и при томъ собственными средствами, если это можно продѣлать достаточно ловко. При неудачѣ всегда возможно передъ Войскомъ извиниться отъ моего имени, указавъ, что въ виду экстренности и важности дѣла и лица была примѣнена, по моему приказанію, эстраординарная мѣра. Словомъ, придется такъ или иначе «ликвидировать» *частный случай*. Но самооборона требуетъ дерзанія.

Въ отношеніи подданныхъ державъ союзныхъ Ваши рѣшенія, какъ частныя, одобряются. Но придать имъ широкое толкованіе нельзя, ибо подъ видомъ друзей проникнутъ къ намъ люди враждебно настроенные. Не встрѣчалось бы препятствій къ образованію изъ самихъ подданныхъ союзныхъ державъ комитета, который вошелъ бы въ непосредственное соглашеніе съ Полит. Отдѣломъ и со Ставропольскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. По выбору и ручательству комитета, Полит. Отд. можетъ направлять со своими пропусками или отдѣльныхъ лицъ или группы до своей территоріи, т. е. до Ставропольской губ., гдѣ полк. Глазенапъ окажетъ законное гостепріимство и облегчитъ положеніе союзниковъ, придавленныхъ тяжелою нѣмецкою рукою.

*) «Вѣстникъ Добровольческой Арміи» — редакт. А. Кузовенко.

Я не имѣю опредѣленнаго и рѣшительнаго указанія *о пяти милліонахъ*. Если они ассигнованы, то полк. Новосильцевъ долженъ довести это дѣло до конца, т. е. 1) выяснить — кѣмъ, когда ассигнованы, 2) съ кѣмъ мнѣ придется вести дѣло для фактическаго полученія, 3) порядокъ перевода денегъ (какіе банки, гдѣ, какими частями...), 4) какими деньгами можно получить ассигнованіе. Словомъ, нужно разработать всю техническую сторону вопроса, ибо пока у меня нѣтъ опытнаго финансового органа, да и самъ я пока не могу оставить армію и немедленно вернуться въ Новочеркасскъ.

При современномъ положеніи дѣлъ, при наличности «центровъ», «группъ», другъ съ другомъ несогласныхъ, нежелающихъ ничѣмъ поступиться изъ своихъ вѣрованій; при созданіи «національнаго совѣта» путемъ «персональнаго» приглашенія отдѣльныхъ лицъ, — Москва, конечно, явится гнѣздомъ интриги и ареною борьбы двухъ оріентацій. Преобладаніе будетъ переходить то къ одной, то къ другой группѣ; будетъ выдвигаться то та, то другая кандидатура (Алексѣевъ, Гурко, Болдыревъ и т. д.). Выразивъ разъ свое согласіе, поставивъ свои условія, я не втянусь однако въ ходъ интриги. Сохраняя и свое согласіе и перечень своихъ минимальныхъ условій, я ничего не предприму для достиженія цѣли, ибо я ничего не искалъ и не ищу лично для себя. Найденъ другой — достойнѣйшій — ему и книги въ руки, а я или ухожу въ частную жизнь (пора), или остаюсь при Добр. арміи, ставя цѣлью развитіе ея до предѣловъ, отвѣчающихъ общегосударственнымъ задачамъ. Словомъ, готовый дѣлать дѣло, я уклоняюсь отъ излюбленной интриги , борьбы «центровъ» и «группъ». Этимъ правиломъ я буду руководствоваться и впредь.

По неяснымъ свѣдѣніямъ, ген. Дмитрій Гурко, будто бы, состоитъ на службѣ у совѣтскихъ властей и руководителемъ въ Москвѣ. Желательно повѣрить этотъ слухъ, которому я не склоненъ придавать вѣры.

Генералъ *Алексѣевъ*.

17 іюля 1918
№ 107
Ст. Тихорѣцкая.

ИЗЪ БЛОКНОТА *)

Генерала М. В. Алексѣева.

---

1) *Мой привѣтъ*— вторичный, какъ знакъ уваженія къ 1 кон. полку.

2) *Мою благодарность* за великую боевую службу доблестнаго полка.

3) *Мое глубокое убѣжденіе*, что доблестные офицеры полка, умѣя безъ счета бить врага, сдержатъ порывы молодости.

4) *Мое желаніе*, чтобы въ наше добровольческое дѣло не вмѣшивать мѣстныя власти, что неизбѣжно, если мы не съумѣемъ остаться на границахъ допустимаго.

5) *Мое требованіе*, чтобы не подать повода ни къ одному аресту мѣстными властями офицера нащей арміи.

6) *Мою вѣру*, что даже въ минуты праздника здравый смыслъ, русское сердце, любовь къ арміи возьмутъ верхъ надъ слабостями человѣческой воли.

---

*) Тезисы рѣчи, которую долженъ былъ произнести на полковомъ праздникѣ 1-го кон. п-ка въ 1918 г. представитель генерала Алексѣева.

V.

СЛАВЯНЕ - БОЛЬШЕВИЗМЪ - БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ

Въ статьяхъ и документахъ этого отдѣла согласно просьбѣ авторовъ сохранены всѣ особенности языка Чехо-словаковъ и Карпаторосовъ

ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ КЪ СВОБОДѢ.

(*Переводъ съ чешскаго*) *)

Только что получено изъ Вашингтона военное сообщеніе достойное удивленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень трогательное: это оффиціальное сообщеніе о томъ, какъ армія въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, послѣ заключенія Россіей мира, направляясь съ русскаго фронта къ новой боевой линіи — во Францію, спасла Сибирь и сберегла для союзниковъ 3.000 миль сибирской желѣзной дороги отъ нѣмцевъ, австрійцевъ и русской красной гвардіи.

Это извѣстіе — объ одномъ изъ тѣхъ чудесныхъ переходовъ, которые считаются сверхъ человѣческихъ силъ и которые, въ результатѣ, даютъ невѣроятныя побѣды; это одновременно есть сообщеніе и о крушеніи всѣхъ германскихъ плановъ въ Восточной Россіи, а, можетъ быть, и о спасеніи для союзниковъ всей русской ситуаціи.

Извѣстіе это принесли въ Вашингтонъ представители этой революціонной арміи чехословаковъ.

Вождь этой арміи, профессоръ Массарикъ, имѣетъ свою Ставку въ этомъ городѣ и они прошли половину міра, чтобы передать ему эти донесенія.

Чехословаки — это одинъ изъ тѣхъ подъяремныхъ народовъ, которые въ теченіи цѣлыхъ столѣтій боролись противъ нѣмцевъ, австрійцевъ и мадьяръ.

Когда вспыхнула міровая война — они цѣлыми тысячами бѣжали черезъ русскія границы, въ Россію, для того, чтобы въ рядахъ ея воевать противъ Австріи; другія тысячи, призванныя въ австрійскія арміи, также перешли на сторону Русской Арміи; всего въ Россіи было около ста тысячъ чехословаковъ въ тотъ моментъ, когда русская армія развалилась.

---

*) Статья эта была написана извѣстнымъ американскимъ писателемъ Гарвью О'Гиггинсомъ, и напечатана во всѣхъ крупныхъ американскихъ газетахъ. Чехословацкій художественный клубъ въ Нью-Іоркѣ выпустилъ ее отдѣльнымъ изданіемъ съ многочисленными иллюстраціями работы И. Т. Каплана и картой Р. Ружички въ сентябрѣ 1918 года. Издана вновь въ Прагѣ по образцу американскаго подлинника, въ января 1919 г. Статья эта , какъ и послѣдующія, являются великолѣпными образчиками той агитаціонной работы, которая, въ свое время, умѣло велась всюду чехословаками и привлекла къ нимъ всеобшія симпатіи.

И только ихъ армія, численностью до 50.000 человѣкъ, подъ руководствомъ собственныхъ вождей, удержала свою боевую линію на Украинѣ, въ то время, когда Украина уже заключила миръ съ Германіей.

Когда большевистское правительство въ Москвѣ заключило Брестъ-Литовскій миръ, армія была оставлена на произволъ судьбы — нѣмцамъ.

Австрійскій Императоръ предлагалъ имъ амнистію, если только они возвратятся въ Австрію, и обѣщалъ автономію для ихъ націи, какъ награду за ихъ возвращеніе.

Они отказались вести переговоры съ правительствомъ, которое уже нѣсколько разъ ихъ обмануло, и рѣшили отступить по Сибирской желѣзной дорогѣ, съ намѣреніемъ договориться съ большевиками, о свободномъ проѣздѣ черезъ Сибирь до Владивостока, гдѣ надѣялись получить пароходы для отправки ихъ во Францію.

Только что успѣли они придти къ этому рѣшенію, какъ узнали, что въ то самое время, когда австрійцы пытались ихъ задержать, предлагая имъ амнистію — нѣмецкая армія уже была выслана въ тылъ, съ цѣлью отрѣзать ихъ отъ желѣзной дороги.

Армія чехословаковъ была обильно снабжена военными припасами и накопила въ своихъ лагеряхъ снаряженіе Русскихъ Армій, которое послѣ революціи бросилъ фронтъ.

Но одинаково, какъ и у Русскихъ, у нихъ не было продовольствія, корма для лошадей, не было сносной одежды, не было полевыхъ кухонъ, — они были похожи на армію оборванцевъ: въ лоскутьяхъ, съ ногами обернутыми въ тряпки.

Въ дѣйствительности же это была армія интеллигентовъ-энтузіастовъ, — восемьдесятъ процентовъ которыхъ, были люди съ университетскимъ образованіемъ.

Каждая рота везла съ собой библіотеку по нѣскольку сотъ томовъ и они издавали ежедневно, даже въ Сибирскомъ походѣ, газету въ восемь страницъ.

И только ихъ интеллигентность и культурность преодолѣла нѣмцевъ, австрійцевъ и большевиковъ.

Лошади ихъ были слишкомъ слабы для того, чтобы везти ихъ повозки и они на себѣ тащили обозы и ѣли лошадиное мясо; поѣдали также собакъ, кошекъ и лягушекъ.

«Всегда, какъ только мы приближались къ озеру» — разсказываютъ

они — «лягушки насъ привѣтствовали хоромъ, но когда мы уходили — не слышно было ни одной...»

Поджаривая ячмень, они мололи его бутылками и варили изъ него кофе, а когда послѣдній былъ выпитъ, съѣдали то, что оставалось на днѣ.

Не грабили крестьянъ — ихъ интеллигентность оберегала ихъ отъ подобнаго нравственнаго паденія.

Они понимали, что нельзя было двигаться по мѣстности, въ которой населеніе было бы враждебно къ нимъ настроено и, когда они вступали въ какое нибудь селеніе, жители котораго не хотѣли дать имъ продуктовъ, они собирались на площади и ждали тихо и смирно, иногда съ утра и до ночи, пока сами крестьяне не смилуются и не пойдутъ имъ на встрѣчу; потомъ они платили за все, что имъ было принесено и шли дальше, зная навѣрное, что ихъ друзья, которые идутъ вслѣдъ за ними, найдутъ лучшій пріемъ.

Когда же имъ удавалось раздобыть зерна, — несли его съ собой, пока не встрѣчали по дорогѣ вѣтряную мельницу, гдѣ они эти зерна и перемалывали.

«Мы не нуждались въ зубномъ порошкѣ» — говорили они, — «жернова были настолько мягкіе, что много песку оставалось въ мукѣ, — поэтому наши зубы были всегда *остро отточены*».

Такимъ образомъ они приблизились къ желѣзнодорожному узлу, гдѣ уже находилась нѣмецкая армія, намѣревавшаяся воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ продвиженію.

Когда всѣ собрались — началась атака; битва продолжалась четыре дня; послѣ четырехъ дней нѣмцы просили о перемиріи для того чтобы похоронить своихъ убитыхъ.

Когда истекъ срокъ перемирія, оказалось, что нѣмецкая армія отступила, оставивъ только аррьергарды, которые также начали отступать передъ ними.

Подошли къ желѣзной дорогѣ.

Пробивались вдоль нея къ Москвѣ, гдѣ и вступили въ переговоры съ большевиками, о свободномъ проѣздѣ по сибирской желѣзной дорогѣ до Владивостока.

Проѣздъ былъ гарантированъ имъ съ условіемъ — сдачи оружія и аммуниціи, такъ какъ послѣднее принадлежитъ Русскому правительству.

Въ каждомъ полку имѣлось по четыреста пулеметовъ, исправныя

орудія, аэропланы, большое количество ручныхъ гранатъ и изобиліе разной аммуниціи.

Пришлось сдать все, оставивъ ручныя гранаты и по одной винтовкѣ на каждые 10 человѣкъ и, такимъ образомъ, почти безоружные, они двинулись въ путь, по желѣзной дорогѣ, черезъ всю Азію.

Такъ какъ трудно было доставать паровозы и вагоны — пришлось прибѣгнуть къ реквизиціи; въ случаяхъ затрудненія съ машинистами — пришлось поставить надъ ними караулы съ гранатами въ рукахъ.

Когда положеніе становилось уже невыносимымъ, находили машинистовъ въ рядахъ своихъ людей и управляли сами паровозами; если не хватало топлива — останавливали поѣздъ, рубили деревья и наполняли тендеръ дровами.

Когда вошли вглубь Сибири, — оказалось, что военно-плѣнные нѣмцы и австрійцы, расквартированные по селамъ и хуторамъ, воспользовались современнымъ переворотомъ и, выдавая себя за интернаціоналистовъ-революціонеровъ, вошли въ довѣріе русскаго народа, благодаря чему пріобрѣли видныя мѣста въ мѣстныхъ совѣтахъ.

Нѣмецкіе и австрійскіе офицеры, выдавая себя за противниковъ милитаризма и друзей трудового народа, также пользовались большимъ вліяніемъ у довѣрчивыхъ людей.

Чехословаки вездѣ встрѣчали громадныя препятствія, но къ открытому бою дѣло дошло лишь въ Иркутскѣ.

Когда въ этотъ пунктъ прибыли ихъ первые эшелоны, они были встрѣчены, на станціи, двумя тысячами красной гвардіи, подъ командой нѣмецкихъ и австрійскихъ офицеровъ, переодѣтыхъ въ русскую форму.

Чехословакамъ приказано было сдать оставшіяся у нихъ винтовки и ручныя гранаты — они отказались.

Тогда нѣмецкіе офицеры скомандовали «*пли*», но въ возбужденіи — команду подали по-нѣмецки; русскіе не поняли — но чехословаки хорошо поняли...

Они бросились на красногвардейцевъ, буквально съ голыми руками, если не считать карманныхъ ножей и, оказавшихся въ этотъ моментъ подъ ногами у нихъ камней, и, послѣ короткой, но ожесточенной борьбы, обезоружили красногвардейцевъ и перебили нѣмецкихъ офицеровъ.

Когда же они добыли винтовки и пулеметы, то заняли городъ, обезору-

жили войска центральнаго сибирскаго правительства и перебили до 800 нѣмцевъ и австрійцевъ.

Послѣ этого, по почину французскаго и американскаго консуловъ, они отправили трехъ представителей въ Москву для переговоровъ; Троцкій отъ переговоровъ отказался — посланные представители были задержаны и арестованы...

Послѣ этого армія объявила большевикамъ войну и начала занимать сибирскую желѣзную дорогу для союзниковъ.

Прокладывая себѣ путь черезъ материкъ съ оружіемъ въ рукахъ, они оставляли небольшія части въ тылу для охраненія пути и принимали въ свои ряды новыхъ бойцовъ изъ числа военно-плѣнныхъ въ сибирскихъ лагеряхъ и мастерскихъ, вездѣ обезоруживая красногвардейцевъ и уничтожая нѣмцевъ и австрійцевъ.

Теперь въ ихъ рукахъ находится вся линія желѣзной дороги отъ Владивостока до самой Волги и этимъ они закрыли Сибирь не только для нѣмцевъ, но и для войскъ Троцкаго и прекратили подвозъ продовольствія изъ Сибири.

На тѣхъ, которые принесли эти сообщенія въ Вашингтонъ, не замѣтно никакихъ слѣдовъ перенесенныхъ ими страданій.

Ихъ душевное состояніе характеризуется словами, которые чехословаки несли на знамени, по случаю торжества въ Чикаго 4 іюля 1918 года:

„Америка! не теряй надежды, — мы уже бьемся тысячу лѣтъ!“

К. Цигелька.

Ростовъ-Д.
31 марта 1919 г.

ДОКЛАДЪ

Члена Р. Н. С. Прикарпатской Руси Г. С. МАЛЕЦЪ.

Членъ
РУССКАГО НАРОДНАГО СОВѢТА
Прикарпатской Руси.
Организаторъ
КАРПАТО — РУССКАГО
Добровол. Военнаго Отряда
поручикъ
Г. С. Малецъ.

г. Екатеринодаръ
Мая 30-го дня 1919 г.

Подъяремная Прикарпатская или Червонная Русь (Галичина, Буковина и Угорская Русь), стремившаяся всегда къ возсоединенію съ державной Русью и ждавшая отъ нея помощи въ этомъ отношеніи, сейчасъ же въ 1914 году, какъ только началась великая всемірная война, долженствовавшая принести всѣмъ славянамъ освобожденіе отъ чужеземнаго ига и, какъ только русская армія побѣдоносно вошла въ Галичину, не желая быть только пассивнымъ зрителемъ своего освобожденія стремилась принять активное участіе въ борьбѣ за свое освобожденіе. Немобилизованная еще австрійцами молодежь, деревенская и учащаяся, многочисленно поступала прямо въ русскія части пѣшія и конныя, особенно въ казачьи.

Но, чтобы вызвать всеобщій подъемъ и въ этомъ отношеніи, а также въ видахъ чисто политическихъ, желательно было организовать особый добровольческій отрядъ изъ уроженцевъ Прикарпатской Руси. Главнымъ образомъ можно было здѣсь разсчитывать на военнно-плѣнныхъ-карпаторассовъ, (австрійскихъ армій), которые, не желая сражаться противъ своихъ кровныхъ братьевъ и противъ своихъ національныхъ интересовъ, цѣлыми частями переходили на сторону русской арміи.

Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси, какъ верховная, народная, политическая и культурная организація, обращался дважды (въ 1914 и началѣ 1915 г.) съ ходатайствомъ передъ Главнокомандующимъ юго-запад. фронтомъ, а засимъ на Высочайшее имя о разрѣшеніи формировать такой добровольческій отрядъ, но не нашелъ въ этомъ отношеніи ни должнаго сочувствія, ни надлежащей поддержки.

Ген. Ивановъ отнесся тогда (1914 г.) вполнѣ отрицательно къ формированію такого отряда изъ военноплѣнныхъ, заявивъ хлопотавшему лично у него по этому дѣлу предсѣдателю Русскаго Народнаго Совѣта В. Ѳ. Дудыкевичу (онъ же первый подалъ мысль объ образованіи добровольческаго отряда), что солдатъ сдавшійся въ плѣнъ не можетъ уже быть хорошимъ солдатомъ. Въ ожиданіи благопріятнаго отвѣта на ходатайство Русскаго Народнаго Совѣта, въ апрѣлѣ мѣс. на имя б. императора Николая II, собралось было во Львовѣ въ маѣ мѣс. свыше 200 человѣкъ, изъявившихъ желаніе поступить добровольцами въ отрядъ, но ожидаемый отвѣтъ, правда съ разрѣшеніемъ формированія отряда , былъ полученъ только въ іюнѣ мѣс. послѣ эвакуаціи Львова Совѣтомъ и переѣзда его въ гор. Кіевъ. Но и тогда ген. Ивановъ положилъ на этомъ отвѣтѣ свою замѣтку: «Едва ли теперь найдутся желающіе поступить»... Кромѣ того не было указано ни мѣсто формированія и не были отпущены необходимыя на это средства. Русскій Народный Совѣтъ таковыми не располагалъ, т. к. былъ отрѣзанъ отъ родной земли, находясь на положеніи бѣженскомъ въ Кіевѣ, да кромѣ того предстояли ему громадныя заботы и попеченіе о сотняхъ тысячъ бѣженцевъ.

Въ маѣ мѣс. 1917 года такое ходатайство было опять возобновлено передъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Генераломъ Брусиловымъ. По разнымъ соображеніямъ, а главное по политическому, ввиду сильнаго, казалось тогда, мазепинскаго (украинскаго) движенія, генералъ Брусиловъ отнесся уклончиво къ организаціи Карпато-русскаго Отряда, выдвинувъ однако, какъ причину, то обстоятельство, что война уже скоро кончится и, что въ арміи чувствуется всеобщій недостатокъ снаряженія и проч. Тогдашній уже начальникъ Кіевскаго военнаго Округа полк. Оберучевъ откровенно заявилъ уполномоченному Русскаго Народнаго Совѣта Ю. Я. Яворскому, что онъ никакимъ образомъ не допуститъ формированія Карпаторусскаго отряда, т. к. это вызвало бы новую борьбу съ «украинцами».

За симъ посыпались новыя тяжелыя испытанія на русское Государство

и русскій народъ. Армія оставила фронтъ и ея нестало, а грозныя большевистскія волны разливаясь по всей Россіи, уничтожали все на своемъ пути и подъ конецъ 1917 года государство, оказалось на краю гибели. И когда въ то время, для спасенія родины, по почину ген. Алексѣева начала организоваться Добровольческая Армія, Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатскій Руси, больше чѣмъ когда либо, счелъ своимъ долгомъ предложить ему свою помощь посредствомъ организаціи особаго отряда изъ уроженцевъ Прикарпатской Руси, бѣженцевъ и военно-плѣнныхъ.

Ген. Алексѣевъ, учитывая не только боевое значеніе, какое могъ имѣть для него тогда карпато-русскій отрядъ, но быть можетъ, еще болѣе важное политическое значеніе участія карпатороссовъ въ возрожденіи русской арміи и возсозданіи русскаго государства, узнавъ только о намѣреніи Русскаго Народнаго Совѣта организовать отрядъ и, не дожидаясь предложенія, пригласилъ къ себѣ и. д. предсѣдателя Р. Н. Совѣта Л. Ю. Алексѣевича, чтобы потолковать съ нимъ объ этомъ дѣлѣ.

Въ дальнѣйшихъ переговорахъ по дѣлу формированія карпаторусскаго добровольческаго отряда съ ген. Алексѣевымъ и въ Штабѣ Добровольческой Арміи участвовалъ также и я.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда были начаты переговоры по этому дѣлу, Р. Н. Совѣтъ считалъ возможнымъ въ первыя двѣ недѣли собрать на мѣстѣ въ Ростовѣ и окрестности около 200 человѣкъ добровольцевъ, а въ дальнѣйшія пять недѣль еще около 500 человѣкъ. Для этого предполагалось выслать вербовщиковъ въ разныя губерніи, въ мѣста болѣе значительнаго скопленія бѣженцевъ и военно-плѣнныхъ карпатороссовъ, а также дѣйствовать посредствомъ писемъ и печатныхъ воззваній.

На письменное предложеніе Р. Н. Совѣта отъ 2-го января 1918 г. съ опредѣленіемъ нѣкоторыхъ условій, окончательный отвѣтъ съ разрѣшеніемъ формированія карпато-русскаго отряда данъ былъ Штабомъ Добровольческой Арміи только 20-го января 1918 года.

Къ этому времени, виды на предполагавшійся успѣхъ набора сильно измѣнились къ худшему. Большевистскія волны со всѣхъ сторонъ надвигались на Донъ, желѣзнодорожное и почтовое сообщеніе Ростова и Новочеркасска были окончательно прерваны съ остальной Россіей; погибъ Чернецовъ, былъ занятъ большевиками Таганрогъ. Вслѣдъ за тѣмъ пошли слухи, что при занятіи Таганрога, большевики вырѣзали тамъ около 2.000 человѣкъ военно-плѣнныхъ чеховъ, работающихъ на мѣстномъ заводѣ, за то, что часть

ихъ будто принимала участіе въ борьбѣ на сторонѣ Добровольческой Арміи. Слухъ этотъ произвелъ въ Ростовѣ сильное впечатлѣніе среди галичанъ-бѣженцевъ, въ общемъ около 6000 человѣкъ, преимущественно женщинъ съ дѣтьми, стариковъ и учащейся молодежи. Ихъ обуялъ страхъ, что въ случаѣ предвидѣвшагося уже занятія Ростова большевиками, послѣдніе будутъ вымещать на нихъ свою злобу за поступленіе галичанъ въ Добровольческую Армію.

Несмотря на все вышеизложенное, Р. Н. Совѣтъ рѣшилъ довести начатое дѣло формированія карпато-русскаго отряда до конца и сейчасъ 21-1 было составлено соотвѣтствующее воззваніе къ землякамъ. Но по вышеизложеннымъ соображеніямъ, чтобы не наводить чрезмѣрной паники на бѣженцевъ и, въ случаѣ занятія Ростова большевиками, не дать имъ предлога винить въ организаціи карпато-русскаго отряда верховную народную организацію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ галичанъ, воззваніе къ землякамъ было выпущено не отъ имени Русскаго Народнаго Совѣта, а отъ особаго Комитета, причемъ я согласился, чтобы въ этомъ воззваніи была указана моя фамилія, какъ лица, къ которому нужно обращаться по дѣламъ записи добровольцевъ и проч. До этого времени я состоялъ нѣсколько лѣтъ членомъ Русскаго Народнаго Совѣта, а подъ конецъ также и товарищемъ его предсѣдателя. Это и должно было указать землякамъ, на то, что организація Карпато-русскаго отряда идетъ съ одобренія и по призыву Русскаго Народнаго Совѣта.

Фактически я и былъ уполномоченъ Р. Н. Совѣтомъ вести дальше дѣло организаціи Карпато-русскаго отряда самостоятельно и быть представителемъ Совѣта и по политическимъ дѣламъ передъ Штабомъ Добровольческой Арміи. Мнѣ были переданы также Совѣтомъ всѣ суммы, полученныя имъ на это дѣло отъ Штаба Добровольческой Арміи.

Отпечатанное вышеуказанное воззваніе не могло уже быть разослано по почтѣ и было только отчасти распространено среди бѣженцевъ въ Ростовѣ.

Первые добровольцы поступили во вновь формируемый отрядъ 25-го января, но дальнѣйшая запись шла туго. Родные изъ страха передъ мщеніемъ большевиковъ удерживали молодежь отъ поступленія въ Добровольческую Армію, да и у многихъ не было тогда уже вѣры въ успѣхъ борьбы съ большевизмомъ. Въ послѣднихъ дняхъ января я успѣлъ выслать вербовщиковъ къ рабочимъ военно-плѣннымъ на рудникъ Парамонова возлѣ Новочеркасска. Тамъ заявило было около 50-ти человѣкъ о своемъ желаніи поступить въ

добровольческую армію, но мѣстные рабочіе, сильно недовольные этимъ, пригрозили вербовщикамъ расправой, вслѣдствіе чего вербовщики, предупрежденные тоже и мѣстнымъ приставомъ о грозящей имъ опасности, должны были бѣжать, не захвативъ никого съ собой въ добровольцы.

Къ 9-му февраля поступило въ Карпато-русскій отрядъ 42 добровольца вмѣстѣ со мною, преимущественно учащейся молодежи. Изъ нихъ одинъ былъ еще въ Ростовѣ раненъ, по неосторожности, такъ что 9-го февраля, при уходѣ Добровольческой Арміи изъ Ростова, я увелъ съ собой изъ станціи Зарѣчной въ станицу Ольгинскую всего 40 человѣкъ добровольцевъ Карпато-русскаго отряда.

Чтобы, въ случаѣ занятія Ростова большевиками, предотвратить отъ бѣженцевъ карпатороссовъ опасность мщенія имъ со стороны большевиковъ, рѣшено было, чтобы карпато-русскій отрядъ формировался пока не самостоятельно, а при чехо-словацкомъ инженерномъ полку. Въ его составѣ отрядъ этотъ совершилъ первый Кубанскій походъ съ Добровольческой Арміей и дальше все время, до начала марта 1919 года, составлялъ часть чехо-словацкаго отдѣльнаго пѣхотнаго батальона, реорганизованнаго изъ бывшаго чехословацкаго инженернаго полка.

19-го февраля, изъ станицы Мечетинской выслалъ я 3-ое людей изъ состава отряда въ центральныя губерніи—для организаціи тамъ набора добровольцевъ и присылки ихъ тѣмъ или другимъ путемъ и подъ разными видами въ Добровольческую Армію. Предполагалось именно тогда, что Добровольческая Армія направляется въ Ставропольскую губернію или Екатеринодаръ для отдыха и пополненія. Думалось, что это будетъ вскорѣ достигнуто и что удастся наладить связь между Добровольческой Арміей и центромъ Россіи. — Но судилось иначе.

Добровольческая Армія, ведя неустанную борьбу свыше 2-хъ мѣсяцевъ, была совершенно отрѣзана отъ окружающаго ее міра, а отправленные мною вербовщики только черезъ мѣсяцъ, съ большими трудностями и опасностью, смогли пробраться въ центральныя губерніи. Но тогда на успѣхъ ихъ работы западнѣе Волги уже нельзя было расчитывать. Ими были высланы только 6 вербовщиковъ въ заволжскія губерніи и въ Сибирь, сами же они остались пока въ центральныхъ губерніяхъ для организаціи временнаго размѣщенія и отправки въ Добровольческую Армію ожидавшихся добровольцевъ изъ-за Волги. Но вслѣдствіе послѣдовавшаго вскорѣ выступленія чехо-словаковъ въ Сибири, сообщеніе съ ней и съ заволжскими губерніями было прекращено

и отъ высланныхъ туда вербовщиковъ до сихъ поръ не получилось никакихъ извѣстій. Весьма вѣроятно, что набираемые ими тамъ добровольцы направлялись въ чехо-словацкій корпусъ.

Изъ высланныхъ мною въ февралѣ мѣс. трехъ людей, двое уже возвратлись въ отрядъ лѣтомъ 1918 года, третій же застрялъ въ Царицынѣ, собралъ туда свыше сотни людей, желавшихъ поступить въ добровольцы.

Но, не имѣя возможности пробиться дальше въ отрядъ, они принуждены были разойтись на работы, а вербовщикъ успѣлъ только въ маѣ мѣс. 1919 года пробраться черезъ фронтъ и возвратиться въ отрядъ.

Когда къ концу марта Добровольческая Армія приближалась къ Дону, думалось, что съ приходомъ въ Ростовъ и Новочеркасскъ можно будетъ расчитывать на большой приплывъ добровольцевъ карпатороссовъ, такъ какъ было несомнѣннымъ, что при продвиженіи германцевъ и австрійцевъ на востокъ, военно-обязанная молодежь и военно-плѣнные карпатороссы будутъ уходить передъ ними и скопляться именно въ Ростовѣ, или въ сосѣднихъ городахъ. Оно такъ и было въ дѣйствительности. Но къ сожалѣнію германцы заняли Ростовъ раньше, чѣмъ приблизилась туда Добровольческая Армія и уходившія передъ врагомъ бѣженцы должны были бѣжать дальше на востокъ, за Волгу и въ Сибирь.

До октября мѣс. 1918 г. объ существованіи карпато-русскаго отряда не упоминалось нигдѣ въ печати и только въ концѣ октября было напечатано въ газ. «Россія» объявленіе о томъ и призывъ (подъ заглавіемъ «Карпато-русскій Добровольческій Отрядъ») къ поступленію въ добровольцы.

Къ сожалѣнію Екатеринодарская газета далекаго и широкаго распространенія тогда имѣть не могла и только незначительный кругъ уроженцевъ Прикарпатской Руси, могъ быть освѣдомленъ о содержаніи воззванія. Высылать же новыхъ вербовщиковъ, хотя бы въ районъ дѣйствій Добровольческой Арміи и въ Малороссію, куда впослѣдствіи (при Скоропадскомъ) кое-какъ можно было туда и обратно пробираться, не было возможности, т. к. Штабъ Добровольческой Арміи отказалъ въ выдачѣ новыхъ авансовъ на эту цѣль. Впрочемъ и едва-ли можно было ожидать отъ работы вербовщиковъ особыхъ успѣховъ, т. к. теперь, трудно было знать — гдѣ именно проживаютъ карпатороссы и гдѣ ихъ искать. Та связь, которая существовала между нами и Русскимъ Народнымъ Совѣтомъ до начала 1918 года, была вслѣдствіе большевистскихъ волнъ утеряна, послѣдовалъ именно сдвигъ

какъ военно-плѣнныхъ, такъ и бѣженцевъ съ ихъ прежняго мѣстожительства.

Все это сложилось на то, что притокъ новыхъ добровольцевъ въ ряды отряда шелъ очень туго. Во время второго похода на Кубань отрядъ увеличился только до сотни человѣкъ.

Все новыя и новыя событія, надвигавшіяся на военномъ и политическомъ горизонтахъ, указывали властно, что теперь, болѣе чѣмъ когда либо за время міровой войны, Прикарпатской Руси необходимо выступить всенародно съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своихъ природныхъ правъ и для достиженія своей завѣтной мечты: возсоединенія съ остальной Русью.

Но осуществить это не такъ легко, особенно безъ могучей матеріальной поддержки со стороны.

Вѣдь русская національная организація въ Прикарпатьи была совершенно разгромлена австрійскими властями еще въ началѣ этой міровой войны; десятки тысячъ общественныхъ дѣятелей и патріотовъ были арестованы и вывезены въ нѣмецкія тюрьмы, сотни тысячъ бѣжали засимъ въ Россію при отступленіи русской арміи изъ Галичины и сотни тысячъ молодыхъ людей, какъ солдатъ австрійской арміи, находились въ плѣну въ Италіи и Россіи, главнымъ образомъ въ Сибири.

Съ началомъ гражданской войны въ Россіи, связь между этими группами была совершенно утеряна и здѣсь намъ было совершенно неизвѣстно, что происходитъ на родинѣ, проявляется ли тамъ какая либо дѣятельность или нѣтъ. Высланные мною въ концѣ 1918 г. двое людей въ Галичину для освѣдомленія и связи не возвратились и не знаю попали ли они туда.

По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ уже въ августѣ мѣс. 1918 г. въ чешскихъ и сербскихъ войскахъ, сражавшихся въ Сибири, находилось свыше 4.000 добровольцевъ червонноруссовъ, но безъ особой самостоятельной организаціи. Мои усилія, чтобы выслать туда въ тек. году своихъ людей для организаціи тамъ при Арміи адм. Колчака Добровольческаго Отряда изъ военно-плѣнныхъ карпатороссовъ, не увѣнчались успѣхомъ.

Сознавая необходимость созданія военной силы изъ карпатороссовъ, — вѣря въ успѣхъ Добровольческой Арміи и, что въ концѣ концовъ ей удастся соединиться съ Сибирской Арміей, я докладывалъ всѣ усилія, чтобы немногочисленный карпато-русскій отрядъ при чехо-словацкомъ отд. пѣх. батальонѣ удержать въ цѣлости и сдѣлать его самостоятельной единицей, которая послѣ соединенія съ Сибирью явилась бы ячейкой для созданія

болѣе внушительной силы карпато-русскаго отряда, или можетъ быть, и цѣлой арміи.

Но по вышеизложеннымъ причинамъ, не видя возможности получить скорое и достаточное пополненіе отряда новыми добровольцами, чтобы дать ему возможность быть самостоятельной частью, я и вообще всѣ добровольцы Отряда пришли къ убѣжденію о необходимости принудительной мобилизаціи уроженцевъ Прикарпатской Руси, проживающихъ въ районѣ дѣйствій Добровольческой Арміи, какъ военно-плѣнныхъ, такъ и бѣженцевъ, имѣющихъ возможность и способныхъ нести военную службу.

Съ этой цѣлью комитетъ по организаціи Карпато-русскаго Добровольческаго Отряда вошелъ съ письменнымъ представленіемъ отъ 19-1 1919 года въ Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси (въ Ростовѣ), чтобы онъ ходатайствовалъ передъ Главнокомандующимъ Добровольческой Арміей о разрѣшеніи произвести такую мобилизацію.

Р. Н. Совѣтъ, въ своемъ засѣданіи, при участіи и другихъ общественныхъ дѣятелей, согласился съ мнѣніемъ комитета и сейчасъ же 25-1 была составлена соотвѣтствующая записка на имя Главнокомандующаго ген. Деникина, которая, однако, вслѣдствіе причинъ случайнаго характера, могла быть вручена ему только 28-го февраля.

Къ сожалѣнію, ген. Деникинъ нашелъ предполагаемую мобилизацію, по различнымъ соображеніямъ, пока несвоевременной.

Одновременно была передана высшему командованію Добровольческой Арміи докладная записка Уполномоченнаго «Русскаго Исполнительнаго Комитета» во Львовѣ и «Карпатской Русской Народной Рады» въ Пряшевѣ Емельяна Михайловича Вальницкаго, прибывшаго изъ Галичины въ Екатеринодаръ 20-го февраля, между прочимъ, со слѣдующими пожеланіями: 1) чтобы объединеннымъ Угорской Радѣ и Начальному Совѣту Лемковщины было оказано содѣйствіе въ созданіи вооруженной силы путемъ присылки офицеровъ и вооруженія и 2) чтобы были приняты мѣры: а) для организаціи войсковыхъ частей изъ австро-венгерскихъ солдатъ русской національности, находящихся въ итальянскомъ плѣну, — б) для организаціи добровольческихъ отрядовъ изъ червоннорусскихъ эмигрантовъ, находящихся въ Америкѣ, и чтобы съ той цѣлью были посланы въ Италію, въ Соединенные Штаты и въ Канаду офицеры русской службы, совмѣстно съ представителями зарубежной Руси.

Когда чехо-словацкій пѣхот. батальонъ приказомъ Главнокоманующа-

го вооруженными силами Юга Россіи отъ 24-го февраля 1919 г. за №354 былъ отпущенъ изъ состава Добровольческой Арміи и 4-го марта перешелъ въ гор. Маріупольѣ подъ французское командованіе, — тогда карпато-русскій отрядъ, согласно приказа по чехо-словацкому батальону отъ 4-го марта за № 64 и предписанія начальника Гарнизона и Коменданта г. Маріуполя кап. Ускова отъ 4-го марта за № 1756, выдѣлился въ самостоятельную часть, оставаясь дальше въ рядахъ Добровольческой Арміи и были предприняты мѣры, о разрѣшеніи формированія «Карпато-русскаго Отдѣльнаго Стрѣлковаго батальона», на что послѣдовало разрѣшеніе Главнокомандующаго.

Совершенно неожиданно 17-го апрѣля 1919 года была получена мною въ Штабѣ Доброарміи телеграмма отъ предсѣдателя Центральнаго Карпато-русскаго Совѣта Копыстянскаго въ Омскѣ съ извѣщеніемъ, что формировавшіяся въ Сибири при чехо-словацкой арміи Карпато-русскія войска подчинились Верховному Правленію и продолжаютъ формироваться, причемъ Копыстянскій отъ имени возглавляемой имъ организаціи взываетъ ко всѣмъ уроженцамъ Прикарпатской Руси, живущимъ на Югѣ Россіи, немедленно поступать въ Армію ген. Деникина. Зналъ ли Копыстянскій что либо о существованіи Карпато-русскаго Добровольческаго отряда при Добровольческой арміи, неизвѣстно. Я, между прочимъ, сообщилъ ему объ этомъ въ отвѣтной телеграммѣ. Объявляя объ этомъ отрадномъ фактѣ въ газетахъ, я обратился опять съ призывомъ къ червонноруссамъ, поступать добровольцами въ новоформирующійся карпато-русскій отдѣльный стрѣлковый батальонъ.

Хотя вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ и не удалось съ самаго начала дать Добровольческой Арміи, карпато-русскій отрядъ такой численности, какъ первоначально предполагалось, то все же, съ чистой совѣстью и съ гордостью могу сказать, что эта горсточка идейныхъ людей, которые пошли за мною, исполнила передъ родиной свой долгъ совѣстно и съ полнымъ самопожертвованіемъ; принесла значительную помощь Добровольческой Арміи, особенно въ первый ея Кубанскій походъ и сослужила посильную службу для возрожденія русской арміи и для предстоящаго возстановленія Русскаго Государства.

Какъ на болѣе яркіе и выдающіеся моменты изъ боевой дѣятельности карпатороссовъ (они составляли отдѣльную роту въ чехо-словац. инжен. полку) слѣдуетъ указать на бои подъ Филипповской и Тихорѣцкой. Въ

первомъ бою, гдѣ Корниловскому ударному полку и Чехо-словацкому было поручено защищать съ фланга отходъ обоза, карпатороссы, сознавая въ высшей степени критическое положеніе тамъ, все время дрались самоотверженно, и они именно удержали на позиціи отступающія части корниловцевъ и дрогнувшее было уже лѣвое крыло чехо-словацкаго полка. За это то и поплатились карпатороссы тяжелыми жертвами, потерявъ въ этомъ бою пять человѣкъ убитыми и пять раненными. Подъ Тихорѣцкой же карпатороссы первые ворвались на вокзалъ и захватили готовые къ отходу поѣзда съ грузомъ разнаго рода и людьми.

Въ февралѣ мѣс., при выходѣ съ Добровольческой Арміей изъ станицы Ольгинской, чехо-словацкій инж. полкъ насчитывалъ всего 181 чел., т. е. 140 чел. рядовыхъ строевыхъ, въ томъ числѣ 39 карпатороссовъ, 27 чел. мастеровыхъ (нестроевая пота), 11 офицеровъ — въ томъ числѣ 2 карпаторосса и три чиновника изъ мѣстныхъ русскихъ. Значитъ карпатороссы по своей численности (41 чел.) составляли 22,6% изъ всѣхъ людей полка и 28% изъ строевыхъ, т. е. почти третью часть.

Кромѣ того нѣсколько добровольцевъ карпатороссовъ служили тоже въ Корниловскомъ и партизанскихъ полкахъ.

Къ концу апрѣля, т. е. въ продолженіи перваго похода на Кубань и обратно, карпаторусскій отрядъ насчитывалъ шесть убитыхъ (15%) и четырнадцать раненныхъ (34%), что составляло 50% убитыхъ и 54% раненныхъ изъ общаго числа убитыхъ и раненныхъ въ чехо-словацкомъ батальонѣ за это время.

Несмотря на всѣ неимовѣрныя тягости Корниловскаго похода, перенесенныя добровольцами, почти всѣ они остались дальше въ рядахъ Добровольческой Арміи, принявъ участіе въ ея второмъ походѣ на Кубань. Только четыре человѣка вслѣдствіе неудовлетворительнаго здоровья или по семейнымъ обстоятельствамъ, выбыли изъ отряда. Но за то въ него начали постепенно прибывать новые добровольцы. Кромѣ того карпатороссы служили тоже въ отрядѣ полковника Дроздовскаго и въ нѣкоторыхъ Кубанскихъ полкахъ, куда они поступали, не зная еще о существованіи Карпаторусскаго отряда.

Во второмъ походѣ на Кубань добровольцы карпаторусскаго отряда сражались съ неменьшимъ усердіемъ и самопожертвованіемъ, чѣмъ это было въ первомъ походѣ, но съ большимъ опытомъ и умѣньемъ.

Начиная съ Торговой, почти во всѣхъ бояхъ, въ которыхъ чехо-слов.

батальонъ принималъ участіе, были ранены или убиты карпатороссы. И такъ во второмъ походѣ, по 4-ое марта 1919 г., т. е. до ухода чеховъ подъ французское командованіе, карпаторусскій отрядъ насчитываетъ 24 убитыхъ и 34 раненныхъ.

Карпато-русскій Добровольческій отрядъ участвовалъ непосредственно въ слѣдующихъ бояхъ: 1) подъ Батайскомъ-Зарѣчной съ 27-1 по 9-11 1918 г., 2) с. Лежанка, Ставроп. губ. 21-11, 3) ст. Березянская, Куб. обл.—1-III, 4) ст. Кореновская, Куб. обл. 4-III, 5) ст. Усть-Лабинская, Куб. обл. 6-III., 6) ст. Некрасовская, Куб. обл. 7-III., 7) 9-го марта — Филипповскій хут., Куб. обл., 8) 10 марта ст. Филипповская, Куб. обл., 9) 24-го марта ст. Георго-Афинская, Куб. обл., 10) 2-го апрѣля кол. Гночбау, Куб. обл. 11) съ 18-го по 21-ое апрѣля село Лежанка, Ставроп. губ., 12) 23-го апрѣля Воинскіе хут. (Донск. обл.), 13) 28-го апрѣля ст. Кагальницкая Д. О. 14) 30-го апрѣля сел. Гуляй-Борисовка, Дон. обл., 15) сел. Песчанокопское, Ставроп. губ., 19-20-VI., 16) с. Бѣлая Глина, Ставр. губ. 23-VI., 17) ст. Тихорѣцкая, Куб. о., 18) хут. Романовскій, Куб. обл., 19) ст. Кавказская, Куб. обл., 20) 14-го апрѣля гор. Армавиръ, Куб. обл., 21) пос. Гулькевичи, Куб. обл., 22) пос. Нижній Егорлыкъ, Куб обл., 23) 17-го августа — гора Недреманная у с. Тетерское, Ставроп. губ., 24) 6-го октября с. Терновское, Ставр. губ. 25) 8-го октября Новоандреевка, 26) 10-го октября Старый Бурукшунъ, 27) 12-го октября Большая Джалга, 28) 13-го октября Малая Джалга, 29) съ 18-го по 20-ое октября Пелагіада, 30) 22-го октября Михайловское, 31) съ 23-го по 31-ое октября гор. Ставрополь, 32) 1-го ноября сел Пелагіада, 33) сел. Благодатное, Екатеринославской губ. Въ 1919 г. 36) сел. Валеріановка, 37) сел. Кальчикъ, 38) 26-го февраля сел. Мангушъ, 39) 12, 14, 15-го марта 1919 г. Маріуполь.

Къ 4-тому марта 1919 г., когда чехо-словацкій батальонъ ушелъ подъ французское командованіе, 110 добровольцевъ, въ томъ числѣ 45 офиц. (въ томъ числѣ 1 класн. чин.), остались въ Карпато-русскомъ добровольческомъ отрядѣ.

Съ объявленіемъ о формированіи карпато-русскаго отдѣльнаго стрѣлковаго батальона начали поступать новыя пополненія. И сейчасъ батальонъ насчитываетъ свыше 800 человѣкъ.

Труденъ былъ пройденный уже путь, но еще прійдется положить много трудовъ и усилій и побороть много препятствій пока удастся собрать и объ-

единить разбросанныя по разнымъ странамъ всѣ силы Прикарпатской Руси для защиты ея отъ иноземныхъ посягательствъ.

Однако достичь этого можно будетъ только при сознательномъ содѣйствіи и энергичной поддержкѣ всего русскаго народа.

Освобожденіе и возсоединеніе Прикарпатской Руси, колыбели русскаго народа, со всѣмъ русскимъ міромъ, — долгъ чести русскаго народа, лежитъ это въ интересѣ, какъ единства русскаго народа, такъ и въ интересѣ единаго могучаго русскаго государства.

Это, наконецъ, должны бы уразумѣть и понять широкіе русскіе круги въ Россіи и въ первой линіи руководящіе круги политической и военной мысли.

Г. Малецъ.

г. Екатеринодаръ, 30-го мая 1919 года.

УСЛОВІЯ *).

на которыхъ «Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси», въ своей запискѣ отъ 2-го января 1918 года (Ростовъ-Донъ) на имя генерала Алексѣева, заявилъ желаніе организовать при Добровольческой Арміи «Карпаторусскій Добровольческій Отрядъ» изъ уроженцевъ Прикарпатской Руси. Условія эти были приняты (одобрены), какъ ген. Алексѣевымъ такъ и ген. Корниловымъ, о чемъ Штабъ Добровольческой Арміи извѣстилъ Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси 20-го января 1918 г.

1) Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси высказываетъ надежду и вѣритъ, что Добровольческая Армія, возсоздавъ русскую армію и возстановивъ единое русское государство, поможетъ также Прикарпатской Руси (Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси), освободиться отъ иноземнаго ига и возсоединиться со всѣмъ русскимъ міромъ въ единое цѣлое.

2) Въ теченіе двухъ недѣль (послѣ разрѣшенія формированія отряда) Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси составитъ Отрядъ въ 200 ч. добровольцевъ, собранныхъ на мѣстѣ въ Ростовѣ; въ продолженіе же дальнѣйшихъ 5 недѣль предполагаетъ собрать еще около 500 добровольцевъ, собранныхъ въ предѣлахъ Донской Области.

*) Редакція возстановлена приблизительно по памяти Членомъ Р. Н. С. Г. Малецъ, секретаремъ Р. Н. С. Г. Вавриком и бывш. Нач-мъ Пол. Отд. Д. А. Полк. Я. М. Лисовымъ — въ маѣ 1918 г.

3) Для дальнѣйшаго набора добровольцевъ требуется отправка вербовщиковъ въ разныя стороны Россіи, гдѣ проживаютъ уроженцы Прикарпатской Руси какъ военно-плѣнные, такъ и бѣженцы.

4) Предполагается также высылка вербовщиковъ въ Америку для привлеченія оттуда добровольцевъ изъ среды эмигрантовъ уроженцевъ Прикарпатской Руси.

5) *Пріемъ* доброзольцевъ въ Отрядъ производится по предложенію уполномоченнаго Русскаго Народнаго Совѣта Прик. Руси;

6) *Добровольцы*, бывшіе офицеры и унтеръ-офицеры австрійской арміи, принимаются въ отрядъ въ соотвѣтствующемъ чинѣ русской арміи.

7) Всѣ добровольцы карпатороссы, поступившіе въ другія части Добровольческой Арміи должны быть переведены въ Карпато-русскій Добровольческій Отрядъ.

8) Карпато-русскій Добровольческій Отрядъ подчиняется вполнѣ командованію Добровольческой Арміи на основаніяхъ строгой военной дисциплины.

9) Карпато-русскій добровольческій отрядъ формируется пока при чехо-словацкомъ инженерномъ полку, но какъ только наберетъ въ свой составъ 500 чел. выдѣлится въ самостоятельную часть.

10) Русскому Н. Совѣту Прикарпатской Руси или его уполномоченному предоставляется право предлагать командованію Добровольческой Арміи кандидатовъ для назначенія въ командиры Карпато-русскаго Добровольческаго Отряда.

11) Средства на расходы по организаціи Карпато-русскаго Добровольческаго Отряда, какъ и его содержаніе и на военное оборудованіе, доставляются въ первой линіи Добровольческой Арміей.

Подписали: Генер. М. Алексѣевъ

Генер. Л. Корниловъ

И. д. Предсѣд. Р. Нар. Сов. Л. Алексѣевичъ

Членъ Р. Нар. Сов. Г. Малецъ

КАРПАТОРУССКІЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКІЙ ОТРЯДЪ

Прикарпатская Русь, — Галичина, Буковина и Угорская Русь—вынеся многовѣковое иноплеменное иго и ведя непосильную, тяжелую борьбу съ сосѣдями за свое существованіе, встрѣтила настоящую міровую войну какъ предвѣстницу своего освобожденія, а вступившія побѣдоносно въ ея предѣлы русскія войска, какъ своихъ долгожданъ освободителей.

Сознавая однако, что только то прочно дается и дорого цѣнится, что добыто и освящено собственною кровью, мы,—галичане, буковинцы и угророссы — считали необходимымъ съ самаго начала войны принять активное участіе въ борьбѣ за освобожденіе своей родины. И наши молодые люди въ теченіе войны, массами поступали добровольцами въ разныя части русской арміи. Но чтобы это болѣе наглядно отмѣтить, а также и по политическимъ соображеніямъ, наша верховная народная организація считала крайне необходимымъ и цѣлесообразнымъ создать свой отдѣльный добровольческій отрядъ. Однако неоднократныя усилія въ этомъ отношеніи по независящимъ отъ нея причинамъ не увѣнчалась успѣхомъ.

И только въ началѣ сего года, когда Россія очутилась на краю гибели, когда не стало русской арміи и когда на Дону, по почину ген. Алексѣева, начала организоваться Добровольческая Армія, мы сочли своимъ долгомъ принять въ ней участіе и намъ удалось создать при ней особый «Карпаторусскій Добровольческ. Отрядъ», вынесшій на своихъ плечахъ весь Корниловскій походъ на Кубань и сражающійся и по настоящее время въ рядахъ Добровольческой Арміи въ Донскихъ и Кубанскихъ степяхъ.

Ознакомить съ этимъ печатно широкіе круги нашихъ земляковъ, разбросанныхъ тяжелой судьбой по всѣмъ уголкамъ необъятной Россіи и привлечь ихъ къ массовому поступленію въ нашъ отрядъ, было до сихъ поръ невозможно.

Цѣль нашего отряда: Борьба за освобожденіе Прикарпатской Руси и возсоединеніе ея со всѣмъ русскимъ міромъ, борьба за возстановленіе единства и могущества русскаго государства на народныхъ началахъ, борьба за лучшее будущее нашего народа.

Хотя міровая война близится къ концу, но до окончательнаго замиренія еще далеко, и потому то всѣ воюющія государства продолжаютъ прилагать всѣ усилія къ дальнѣйшему увеличенію своихъ армій, а подъяремные до сихъ поръ народы поспѣшно создаютъ добровольческія войска, чтобы во всеоружіи стоять на стражѣ своихъ правъ и свободы.

Преступно было бы передъ родиной и нашимъ потомствомъ намъ,—галичанамъ, буковинцамъ и угроросамъ—остаться позади всѣхъ и не выступить активно и всенародно, съ оружіемъ въ рукахъ, въ борьбу за освобожденіе своей родины и за лучшее будущее своего народа.

Наши извѣчные враги и сейчасъ покушаются на нашу родину, несмотря на выдвинутый принципъ «самоопредѣленія народовъ».

Великій, критическій моментъ переживаемъ мы теперь и сейчасъ именно, окончательно опредѣлится судьба нашей родины. Будетъ ли она свободной, или останется и дальше въ неволѣ и объектомъ хищныхъ замысловъ враговъ русскаго народа —въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ насъ самихъ. Лишнее было бы говорить, что въ такой моментъ намъ необходимо предстать на полѣ брани достаточно могущественными для того, чтобы на мирномъ пиру имѣть право требовать и для себя слѣдуемой намъ доли.

Теперь больше чѣмъ когда-либо намъ необходимо создать внушительной силы боевой отрядъ. Онъ нуженъ намъ не только на полѣ брани, онъ будетъ имѣть громадное значеніе для нашей родины и въ болѣе мирной обстановкѣ: дастъ бодрость духа и энергію нашему народу настойчиво и неустрашимо добиваться слѣдуемыхъ ему правъ, обезпечитъ порядокъ въ родной странѣ.

Великій народъ самъ кузнецъ своего счастья, а потому да не уподобимся мы «лукавому рабу». Докажемъ, что мы достойны и умѣемъ быть свободными гражданами.

ЗЕМЛЯКИ. Всѣ кто только можетъ носить оружіе, поступайте немедля въ «Карпаторусскій Добровольческій Отрядъ». Каждая единица теперь дорога, а всякое промедленіе «смерти подобно есть».

Да не будетъ между нами нерадивыхъ. Отбросимъ въ этотъ критическій моментъ, рѣшающій судьбу нашей родины и нашего потомства, всякіе мелкіе личные расчеты и выгоды. Сознаніе долга передъ родиной и чувство національной чести да будетъ нашимъ двигателемъ.

Матери, жены и сестры! Скрѣпя сердце посылайте вашихъ сыновей, мужей и братьевъ въ добровольцы, ободряйте, благословляйте и напутствуйте ихъ на ратный подвигъ. Ваше слово, Ваше благословеніе—велики и могучи. Ваши страданія и жертвы за время войны безмѣрны, но, зная Вашъ глубокій патріотизмъ, мы увѣрены, что Вы бодро выдержите до конца и сознательно принесете еще и эту послѣднюю жертву для блага родины. Обращайте вниманіе всѣхъ способныхъ носить оружіе, что ихъ долгъ быть теперь въ нашемъ отрядѣ и содѣйствуйте имъ въ этомъ.

Червонная Русь—это колыбель русскаго народа. И святой долгъ каждаго русскаго человѣка, въ какой бы части необъятной русской земли онъ ни родился, выступить теперь на защиту правъ Червонной Руси, добиваться ея освобожденія и окончательнаго возсоединенія со всей Русью, а потому

Карпаторусскій Добровольческій Отрядъ кромѣ уроженцевъ подъяремной Руси, *радъ будетъ принимать и русскихъ гражданъ всѣхъ другихъ русскихъ земель.*

Добро пожаловать!

Въ сознаніи національнаго единства всѣхъ вѣтвей русскаго народа и въ сознаніи патріотическаго долга да свершимъ соединенными силами великое дѣло окончательнаго возсоединенія всѣхъ русскихъ земель въ единое цѣлое.

Да не останется ни единаго клочка русской земли подъ властью иноплеменниковъ!

Запись въ добровольцы Карпаторусскаго Отряда производится во всѣхъ бюро по записи въ Добровольческую Армію.

Карпаторусскій Отрядъ дѣйствуетъ совмѣстно съ чехо-словацкимъ отрядомъ Добровольческой Арміи.

Екатеринодаръ, 30 окт. 1918 г.

Отъ комитета по организаціи Карпаторусскаго Добровольческаго Отряда

Предсѣдатель комитета Г. Малецъ.

Товарищъ предсѣдателя В. Колдра.

Секретарь В. Ваврикъ.

Рѣдкая прокламація Комитета

Карпаторусскаго Добровольч. Отр. съ призывомъ записываться въ добровольческій отрядъ.

ПИСЬМА

Карпато-русскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей въ связи съ Добровольческимъ движеніемъ.

1. Письмо Александра Львовича Павенецкаго

Пользуюсь опять случаемъ и передаю нѣсколько словъ. Въ Галичинѣ хаосъ — Станиславовскій секретаріятъ, возлагающій толь столько надеждъ на русскую Украину, принужденъ, въ виду не сбывшихся предположеній, вести совсѣмъ самостоятельную дѣятельность, стремящуюся къ созданію Галицкой Украины. Поляки какъ будто идутъ тому на выручку, ибо украинцы, спасая свой «загуменокъ», отказываются даже отъ Львова. Съ другой стороны сообщаетъ польская пресса все чаще «ze w sprawie granic na wschodzie, przydzie sie mowic nie z ukraincami lecz z Rosianami». Тѣмъ не менѣе дѣлаютъ украинцы опять наступленіе и за границей растутъ не по днямъ, а по часамъ. У нихъ милліонныя средства — покупка душъ идетъ на всѣхъ парахъ. Пріѣхавшая изъ Берна русская миссія Краснаго Креста разсказывала мнѣ, что украинская миссія въ Бернѣ и Цюрихѣ привезла съ собой три милліона коронъ и уже имъ не хватаетъ денегъ. Я писалъ Вамъ уже, что въ Прагѣ здѣсь кромѣ Грушевскаго, шефа артиллерійскаго отряда Шпагайла (?), Смаль-Стоцкаго, Славинскаго и прочихъ, 70 съ лишнимъ людей украинскаго хора, получающихъ въ день по 100 кронъ, кромѣ издержекъ. Въ хорѣ этомъ много русскихъ — исполненіе пражскихъ концертовъ прямо захватывающе, программа изъ народныхъ пѣсенъ, да старо-церковно-апокрифическаго содержанія. Успѣхъ громаднѣйшій — (средство какъ будто бы очень невинное, но его послѣдствія для людей, которые не въ курсѣ дѣла по отношенію въ Руси, болѣе чѣмъ диструктивное). Хоръ этотъ ѣдетъ изъ Чехіи во Францію, затѣмъ въ Англію, Италію и Америку. Въ Германіи тоже разъѣжаетъ такой же хоръ по Intelligenzlaaken, швыряется деньгами влѣво

и вправо. Между прочимъ германцы да австрійцы предпочтительно вѣжливы по отношенію ко всѣмъ русскимъ. Поляки не закрыли правда по сегодняшній день «Прикарпатской Руси», но нашихъ арестовуютъ. Украинцы считаютъ насъ погибшими, особенно заграницей, на самомъ дѣлѣ, — положимъ въ Прагѣ Гасай безсиленъ. Много въ нашу пользу работаетъ здѣшній лекторъ Марковичъ. Пражскій комитетъ офицеровъ, благодаря нѣсколько нашимъ студентамъ, поступившимъ въ Терезинскую роту, начинаетъ хорошенько разбираться во всемъ. Марковъ съ американцами—солью въ глазахъ украинцамъ. Д—й сказалъ мнѣ въ Вѣнѣ, что Марковъ имъ не менѣе опасенъ, чѣмъ поляки. Это, пожалуй болѣе чѣмъ вѣрно, ибо съ поляками они уже мирятся, между тѣмъ съ нами они не могутъ, такъ какъ мы являемся отрицаніемъ ихъ и vicevsisa. Здѣсь—будущее покажетъ кто правъ — пока пусть они доводятъ галицкое крестьянство къ отчаянію — (оно несетъ непосильныя жертвы) — пусть дискредитируютъ себя своей денежной политикой не считавшихся завтрашнемъ днемъ; это только облагоразумитъ тѣхъ, которые не въ курсѣ дѣла. Ихъ акціи на счетъ итальянскихъ плѣнныхъ парализируетъ «Русскій Комитетъ русскихъ ирридентистовъ» (С—ъ, Л—ъ, П—ъ, С—й, М—ъ), затѣмъ акція Д—ва а главное профессора К—го изъ Падуи, посла Гирса да Гучкова. Вы изъ своей стороны обязаны немедленно выслать отъ Деникина людей*) въ Италію; италіанскіе плѣнные пойдутъ черту въ зубы, ибо жизнь въ Италіи не выносима. Тамъ около 90.000 галичанъ; кто ихъ возьметъ тотъ будетъ имѣть. Деникинъ можетъ потребовать взамѣнъ италіанскихъ плѣнныхъ, которыхъ во время Керенскаго выдала Россія. Завтра пріѣзжаютъ въ Прагу делегаты изъ Карпато-Россіи высказать благодарность Чехамъ — бѣдные люди. Ѣдьте въ Италію — не прозѣвайте, а то бы было преступно. Захватятъ украинцы и опять будутъ брезгать въ глаза, что мы оторвались отъ народа и ищемъ спасенія во всякихъ ретроградныхъ добровольческихъ спекуляціяхъ. Пусть большевики объединяютъ Русь — они перешли уже Днѣстръ — пусть украинцы облагоразумяютъ русскихъ, въ тылу Колчакъ съ Деникинымъ, они создадутъ нѣчто положительное подъ названіемъ Русь — въ этихъ послѣднихъ годинахъ созиданія мы не смѣемъ унывать. Не можетъ быть, что бы сырой русскій элементъ былъ уже наканунѣ раскола. Вся настоящая хаотическая дифференціяція необходима для водворенія цѣлесообразной консолидаціи. Шлю привѣтъ Саша.

Прага 19 мая 1919 г.

*) Т. е. агентовъ и агитаторовъ — такъ и не были отправлены. (Ред.)

«ТРИБУНА»

Украинцы ищутъ перемирія съ поляко-румынами.

Лондонъ 22-го мая.

«Варшавскій корреспондентъ газеты «Морнингъ Постъ» подтверждаетъ, что польскія войска съ чрезвычайною быстротой продвигаются къ нефтяному бассейну восточной Галичины и вѣроятно прибыли уже въ Черновцы; откуда установили связь съ румынскими силами.

Застигнутые врасплохъ такимъ неожиданнымъ наступленіемъ украинцы попросили перемирія и уже ведутся переговоры, на основаніи условій поставленныхъ поляками, по которымъ армія Пилсудскаго будетъ оккупировать немедленно также это малое пространство на территоріи восточной Галичины, которое до сихъ поръ было уже занято украинцами.»

II. Письмо Емельяна Михайловича Вальницкаго.

Константинополь 3 іюня 1919г.

Дорогой Григорій Семеновичъ.

Я приложилъ Вамъ вырѣзку изъ «Трибуна», согласно которой поляки какъ будто бы заняли послѣ всю восточную Галичину. Я постараюсь провѣрить это свѣдѣніе въ здѣшнемъ посольствѣ и другимъ образомъ. На всякій случай такой фактъ долженъ бы достаточно заставить нашихъ поступить въ нашъ баталіонъ. Это оказывается единственный надежный способъ борьбы за наши права. Или Колчакъ (и Россія) т. е. и мы съ ними заставимъ поляковъ отказаться отъ нашей земли, или... едва ли найдутъ наши молодые

люди въ Галичинѣ на мѣстахъ возможность трудится лучше и успѣшнее для освобожденія нашей земли отъ польскихъ посягательствъ.

Вы не повѣрите, я сейчасъ съ удовольствіемъ вернулся бы къ Вамъ въ батальонъ и сдѣлалъ бы это охотнѣе, чѣмъ ѣхать сейчасъ въ Галичину.

На всякій случай будемъ стараться на мѣстѣ организовать какъ и что слѣдуетъ. Сегодня узналъ отъ здѣшняго агента Добрарміи ген. Б—а, что Французы распоряжаются всѣми русскими плѣнными, въ томъ числѣ и нашими въ Италіи, значитъ безъ ихъ разрѣшенія нельзя будетъ перевести ихъ ни въ Галичину, ни въ Россію. Больше напишу.

Остаюсь..... Вашъ Емильянъ.

VI.

МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ

ПОСТАНОВЛЕНІЕ ВОЕННАГО СОВѢТА

Въ засѣданіи *10 марта* Военный Совѣтъ вынесъ слѣдующее постановленіе:

«Военный Совѣтъ, обслуживая въ теченіе 85 лѣтъ непрерывно, начиная съ 1832 года, нужды арміи въ законодательномъ, хозяйственномъ и бытовомъ отношеніяхъ, полагаетъ, что и при новомъ укладѣ управленія Россійскимъ Государствомъ, его работа была бы полезна въ томъ же направленіи.

Поэтому, собравшись въ полномъ составѣ въ первое засѣданіе по установленіи новаго государственнаго строя, военный совѣтъ предоставляетъ себя въ полное распоряженіе Временнаго Правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ военный совѣтъ не можетъ не высказать своего восхищенія передъ достигнутымъ временнымъ правительствомъ быстрымъ возстановленіемъ порядка и законности въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, что особенно важно въ виду длящейся тяжелой войны съ упорнымъ и злымъ врагомъ. Одновременно съ симъ военный совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать полную свою солидарность съ тѣми энергичными мѣрами, которыя Временное Правительство принимаетъ въ отношеніи реформированія нашихъ вооруженныхъ силъ соотвѣтственно новому укладу и жизни государства и арміи, въ убѣжденіи, что эти реформы наилучшимъ образомъ будутъ способствовать скорѣйшей побѣдѣ нашего оружія для освобожденія отъ гнета прусскаго милитаризма».

Отрывки изъ рѣчи
П. Н. МИЛЮКОВА
на Кадетскомъ Съѣздѣ въ *мартѣ 1917 г.*

а) *Кѣмъ совершенъ переворотъ.*

Я хотѣлъ бы еще указать, что переворотъ совершенъ не одними кадетами. Прежде всего мы должны принести благодарность тѣмъ героямъ солдатамъ, которые создали возможность переворота...

в) *О Сов. Солд. и Раб. Депутатовъ.*

... Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, котораго обстоятельства выдвинули на такую высоту, тоже проявилъ удивительную способность организовать людей въ критическую минуту. И это умѣніе распоряжаться большими массами народа даетъ мнѣ самыя лучшія надежды насчетъ будущаго...

б) *Объ А. Керенскомъ*

...Революція, вѣроятно, закончилась бы анархіей, если бы въ другихъ партіяхъ, внѣ рамокъ прогрессивнаго блока, не оказались люди съ государственными умами. Я рѣшительно поздравилъ себя съ успѣхомъ только въ тотъ моментъ, когда Керенскій по телефону далъ намъ согласіе войти въ кабинетъ, далъ намъ согласіе вопреки собственной партійной организаціи...

г) *О «заграничныхъ людяхъ».*

... Скоро ряды людей, работающихъ въ этомъ Совѣтѣ, пополнятся людьми заграничнаго опыта; эти люди, какъ Керенскій, помогутъ намъ въ тяжелой борьбѣ...

Отрывки изъ рѣчи
А. И. ГУЧКОВА
на Съѣздѣ делегатовъ фронта въ маѣ 1917 г.

...Есть какая то точка, какая то линія, до которой можно дойти въ смыслѣ реформъ, но за которой при всѣхъ благихъ помыслахъ и желаніяхъ начинается разрушеніе того живого могучаго организма, какимъ является армія... мы эту линію перешагнули.

... Не дайте разрушиться русской арміи, за ея разрушеніемъ явится гибель самой Россіи...

... Когда врагъ у воротъ и когда внутри страны происходитъ коренной переворотъ во всѣхъ областяхъ нашей жизни, нужна единая власть, твердая и сильная...

Изъ секретнаго отчета

Комиссаровъ XI арміи И. КИРІЕНКО и А. ЧЕКОТИЛО

Совѣту Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

... Назначеніе комиссаровъ — помочь арміи стать въ такія условія, при которыхъ комиссары будутъ излишни...

... Воевать съ помощью однихъ только уговоровъ и увѣщеваній немыслимо...

... Стало несомнѣннымъ, что поддерживать дисциплину и порядокъ въ арміи одними лишь мѣрами нравственнаго воздѣйствія невозможно.

Выдержка изъ
телеграммы

Особоуполномоченнаго Западнаго фронта

Н. Н. ЩЕПКИНА

Союзу Городовъ (16 марта 1917 г.).

Въ 8 дней, кромѣ бесѣдъ, произнесъ населенію и воинскимъ частямъ 43 рѣчи... настроеніе приподнятое... выношу высокое наслажденіе отъ дѣла.

Изъ редакц. статьи «ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА» т. 147,

Мартъ 1917 г.

... Великій народъ, сознавшій свои силы, сбросилъ съ себя оковы единоличной самодержавной власти, мертвенныя формы которой мѣшали росту могучаго народнаго организма и на каждомъ шагу, во всѣхъ отрасляхъ народной и государственной жизни давали о себѣ знать лишь притѣсненіями и репрессіями...

.... Вѣра эта — вѣра въ Россію, въ ея міровое призваніе, въ ея братство со всѣми народами міра...

Изъ рѣчи ген. ЛЕЧИЦКАГО солдатамъ и офицерамъ арміи 13 марта 1917 г.

... Вамъ даны теперь права, но права эти возлагаютъ на васъ во много разъ больше обязанностей и обязанностей очень тяжелыхъ...

... Вы слышали, что во многихъ мѣстахъ Россіи идутъ манифестаціи, а я долженъ сказать, что радоваться еще рано...

Изъ рѣчи ген. ЛЕША солдат., офицер., организ., и жителямъ 15 марта 1917 г.

... Старое отжило, ему возврата нѣтъ, нужно бороться съ одной опасностью — попытками возврата къ прошлому, державшему Родину въ оковахъ постыднаго рабства...

Изъ статьи М. КАМЕНСКАГО — «Русскій Ивалидъ» 16 марта 1917 г.

.... Если въ единичныхъ случаяхъ офицеры не сразу присоединились къ революціонерамъ, то не потому, что ихъ сдерживало сочувствіе къ старому правительству, не боязнь за себя, за свою жизнь, нѣтъ, ихъ сдерживало отсутствіе увѣренности, что это дѣйствительно революція всего народа, а не безпорядокъ созданный небольшой группой. Ихъ сдерживала осторожность, боязнь привлечь своимъ участіемъ еще большія массы, соблазнить толпу, поощрить толпу и тѣмъ повредить родинѣ въ минуту, когда она въ полномъ спокойствіи, должна напрягать всѣ силы для борьбы съ величайшимъ зломъ — врагомъ Россіи — Германіей.

Но когда обнаружилось, что это не «безпорядокъ толпы», а народная воля, офицеры тотчасъ же искренно заявили — «Мы съ вами»...

Изъ рѣчи генер. М. В. АЛЕКСѢЕВА въ С.О.А. и Ф. 7 мая 1917.

...Побѣду одержитъ тотъ, кто умѣетъ дерзать наступать, хочетъ атаковать и жаждетъ побѣды, ставитъ эту побѣду выше покоя и мира. Вотъ кому достанется побѣда.

.... Начертали на нашемъ знамени великое слово «братство», — но не начертали его въ сердцахъ и умахъ...

Изъ рѣчи генер. А. ДРАГОМИРОВА въ Сов. Солд. Деп. 14 мая 1917

.... Имперіализмъ центральныхъ армій — это язва, отъ которой необходимо избавиться. Демократія Франціи, Англіи и Америки на нашей сторонѣ. Мы должны совмѣстными усиліями создать истинную свободу демократіи, а не свободу Бетманъ-Гольвега и Вильгельма 2-го.

Изъ рѣчи полк. ВАСИЛЬЕВА на Казач. Съѣздѣ 17 іюня 1917 г.

... Тамъ гдѣ большевики — казачеству тамъ не мѣсто..

Изъ рѣчи И. ЦЕРЕТЕЛЛИ на Съѣздѣ С.С. и Р.Д. 19 іюня 1917 г.

... Сейчасъ все поставлено на карту. Если мы докажемъ, что новые идеалы поняты арміей и что теперь армія является несокрушимымъ оплотомъ свободы, то можно быть спокойнымъ за судьбы русской революціи. Если бы наши войска дрогнули на фронтѣ, этимъ былъ бы нанесенъ ударъ въ сердце русской революціи, который убилъ бы ее. Окажемся ли мы достойными довѣрія арміи? Мы отвѣчаемъ за будущее революціи...

Изъ рѣчи Дж. БЬЮКЕНЕНА представ. печати 19 іюня 1917 г.

... Я всегда былъ увѣренъ въ благопріятномъ результатѣ русской революціи для общаго союзнаго дѣла. Я ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что окрыленный гражданской свободой русскій солдатъ съумѣетъ постоять за высокіе демократическіе идеалы всего міра... Я счастливъ, что мое знаніе русскаго народа меня не обмануло..

VII.

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ

1. Лекція Е. Д. КУСКОВОЙ.

Одной изъ самыхъ «шумныхъ» лекцій первой половины текущаго года несомнѣнно является лекція Е. Д. Кусковой, состоявшаяся 21 марта с.г. въ Парижѣ.

Имя г. Кусковой и ея статьи, въ достаточной степени извѣстны широкимъ слоямъ русской эмиграціи, какъ сочувствующей, такъ и враждебной ея взглядамъ и вполнѣ понятенъ тотъ интересъ, съ которымъ русская колонія ждала доклада на тему: «Сдвиги въ Россіи и эмиграціи» (психологія и дѣйствительность).

Въ дѣйствительности, докладчица далеко не оправдала ожиданій русской колоніи и въ своей лекціи преподнесла аудиторіи жиденькую дѣйствительность сдвига въ Россіи, въ части касающейся только совѣтск. власти и отчасти религіи; такіе же важные вопросы какъ политика, школа, наука и искусство и рядъ другихъ — г. Кусковой совершенно не были затронуты — или въ этой области не произошло никакихъ сдвиговъ,—или же, можетъ быть, эти факторы настолько мелки, что съ точки зрѣнія г. Кусковой не заслуживаютъ даже нѣсколькихъ словъ?!...

Психологія вопроса, т.е. область изслѣдованій хотя бы перечисленныхъ фактовъ, (причины, слѣдствія, выводы) осталась внѣ сферы доклада — аудиторіи запросто былъ поднесенъ рядъ голенькихъ фактовъ... Да и въ этой части,— никто изъ присутствующихъ не согласился съ дифирамбами г. Кусковой по адресу «честнѣйшаго Сольца, Кутлера и Брусилова» — въ чемъ докладчица не замедлила убѣдиться во время пренiй.

Развивая свой докладъ г. Кускова допустила въ немъ рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, напр., «Роль Коминтерна вовсе не въ разжиганіи міровой революціи, а въ самозащитѣ противъ европейскихъ державъ...» — заявила она ... Даже «Дни» устыдились этой игривости мыслей и, напечатавъ докладъ, поставили въ этомъ мѣстѣ— ?

Касаясь сдвиговъ въ эмиграціи, докладчица начала съ упрековъ по ея адресу «въ гордынѣ» — это уже являлось прямымъ непониманіемъ психологіи эмигрантскихъ массъ, и въ рѣчахъ оппонентовъ зазвучалъ единодушный отпоръ этому утвержденію: «нѣтъ, это не гордыня, а гордость своими идеалами»...

И въ концѣ концовъ «знаменитый ровъ между ними и нами» — который докладчица тщетно пытается засыпать во имя облегченія перехода туда желающихъ... —въ этомъ, собственно говоря, и таилась скрытая мысль доклада, являющаяся продолженіемъ соотвѣтствующихъ статей, въ связи съ Пѣшехоновской исторіей перехода...

Но когда одинъ изъ оппонентовъ преподнесъ докладчицѣ рядъ «документиковъ» о той участи, которая ожидаетъ «тамъ» возвращающихся даже съ «высоко поднятой головой», и когда докладчица заявила, что она знаетъ объ этомъ — въ аудиторіи поднялось вполнѣ понятное волненіе, ибо никто не могъ допустить, чтобы русская женщина, зная о подобныхъ «документахъ», могла вполнѣ сознательно призывать итти въ царство «беззаконія и смерти».

И невольно, напрашивается сравненіе съ ежедневно повторяющейся сценой на Чикаговскихъ стокъ-ярдахъ, гдѣ довѣрчивыя животныя покорно идутъ за «выдресированнымъ» вожакомъ, не подозрѣвая, что онъ ведетъ ихъ къ «колесу смерти» и самъ скроется въ рѣшительный моментъ.

Въ концѣ доклада ярко опредѣлилось отношеніе аудиторіи къ г. Кусковой и интересно отмѣтить, что аудиторія была на это вызвана г. Кусковой. Говоря о бывшемъ генералѣ Брусиловѣ и о его заслугахъ передъ Россіей и не принимая

во вниманіе протестующихъ возгласовъ, г. Кускова заявила: «хорошо, пусть тотъ кто сочувствуетъ моимъ взглядамъ о дѣяніяхъ этого великаго человѣка—пусть тотъ почтитъ его память вставаніемъ» — тщетно всѣ оглядывались: ни одинъ человѣкъ не всталъ...

«Скажите — спросилъ я сидѣвшаго рядомъ со мной извѣстнаго общественнаго дѣятеля — скажите, какъ можно было выступить съ такимъ непродуманнымъ докладомъ? Какъ можно было не принять во вниманіе психологіи той части эмигрантскихъ массъ передъ которыми дѣлается докладъ?

«А вы слыхали сказку о «голомъ королѣ»?

?!...

«Жилъ былъ, очень хорошій, довѣрчивый добрый король, имѣвшій одинъ недостатокъ: король любилъ наряжаться въ яркія одежды. Однажды пришли къ нему три мошенника съ предложеніемъ сшить необыкновенную одежду, которую могутъ видѣть только умные люди»...

И онъ разсказалъ мнѣ извѣстную сказку Андерсена, столь часто слышанную нами въ дѣтствѣ.

«Вотъ Вамъ и отвѣтъ на ваши вопросы: Кускова повѣрила совѣтскимъ мошенникамъ о происшедшихъ яко бы сдвигахъ, о возможностяхъ возвращенія и т. п. и нарядилась въ воображаемыя одежды, а на повѣрку — оказалась... въ роли упомянутаго короля»...

Кстати нѣсколько словъ «о возвращенствѣ».

Вопросъ о возвращеніи въ Россію — вопросъ далеко не новый и возникъ онъ чуть ли не въ первые дни послѣ Крымской катастрофы (ген. Слащевъ, Гильбахъ Туненбергъ и др.). Но тогда для проповѣдниковъ возвращенства было нѣсколько серьезныхъ если не оправданій, то смягчающихъ вину обстоятельствъ: они не знали — какая судьба ожидаетъ соблазненныхъ ими и, въ большинствѣ случаевъ, г.г. проповѣдники сами возвращались въ Россію.

Не то мы видимъ теперь: современные г.г. проповѣдники прежде всего сами не думаютъ о возвращеніи въ Россію. Современные г.г. проповѣдники документально знаютъ какая судьба ожидаетъ соблазненныхъ ими «малыхъ сихъ». И все таки зная это — они зовутъ, и убѣждаютъ, и успокаиваютъ, и увлекаютъ къ «колесу смерти».

Комментаріи излишни...

2. ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪѢЗДЪ.

Національный Съѣздъ, Рейхенгальскій Съѣздъ, Приморскій Земскій Соборъ, и, наконецъ, Зарубежный Съѣздъ — таковы этапы пройденные русской эмиграціей на путяхъ къ объединенію.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ попытокъ объединенія, Зарубежный Съѣздъ несомѣнно является наиболѣе яркимъ и наиболѣе крупнымъ, т.к. независимо отъ достигнутыхъ результатовъ — по увѣреніямъ однихъ или «безрезультатности» по мнѣнію другихъ — онъ, сдѣлавъ попытку объединить всѣ слои русской эмиграціи, тѣмъ самымъ глубоко всколыхнулъ широкіе слои Зарубежной Руси и показалъ хоть какое то маленькое «дѣйствіе»,—практическое приложеніе активной мысли въ наше время всеобщей апатіи и бездѣятельности.

«Страна безъ арміи—не имѣетъ права на историческое существованіе, ибо она не можетъ отстоять этого права мечемъ»—говоритъ историческая формула.

«Организація безъ дѣйствія (или бездѣйствія — все равно) обречена на погибель» — скажемъ мы — «ибо какой смыслъ и кому какая польза въ ея существованіи?!..

Вотъ поэтому то нужно прежде всего привѣтствовать — не только организаторовъ Съѣзда, перешедшихъ къ активнымъ дѣйствіямъ, но и составъ Съѣзда въ его цѣломъ, который несмотря на всѣ недочеты и обнаружившіеся отрицательныя явленія, является воплощеніемъ идеи активности.

«Никто Съѣздъ не устраивалъ
«Онъ самъ устроился,
«Очень многіе Съѣздъ разстраивали,
«Но онъ все таки не разстроился.

(Возрожд. №327).

Ни съ первымъ, ни со вторымъ положеніями почтеннаго автора вышеприведенныхъ строкъ согласиться нельзя и вотъ почему: ту или иную идею мало еще создать — нужно умѣть воплотить ее въ жизнь, а это далеко не каждому дано, ибо какъ бы не былъ геніаленъ планъ, но безъ единой активной воли, — многочисленныя единицы создавшія его или учавствующія въ немъ — не въ состояніи претворить его въ жизнь, именно въ силу своей многочисленности (а въ данномъ случаѣ и разбросанности)—вотъ почему, вполнѣ оцѣнивая скромность организаторовъ, нельзя согласиться, что «Съѣздъ самъ собой устроился».

Но нельзя также согласиться и съ тѣмъ, что Съѣздъ «не разстроился»... Да! Съѣздъ не разстроился въ буквальномъ смыслѣ этого слова: засѣданія начались въ точно опредѣленные день и часъ, въ точно опредѣленномъ мѣстѣ, при точно опредѣленномъ количествѣ делегатовъ и продолжались точно опредѣленное время, но духовная сторона его, какъ ни больно въ этомъ сознаться, умерла еще во время организаціи — когда одни изъ партійныхъ и общественныхъ элементовъ отказались учавствовать въ Съѣздѣ, другіе продиктовали рядъ условій своего вхожденія, третьи въ силу создавшихся предвыборныхъ обстоятельствъ вынуждены были выйти изъ организаціонной группы, четвертые вели противъ Съѣзда злостную агитацію, пятые уже на самомъ Съѣздѣ собирались задавить «меньшинство», шестые противупоставили этой угрозѣ, какъ средство обороны — уходъ со Съѣзда» и т. д...

А между тѣмъ какая высокая и прекрасная идея заложена была въ основу Съѣзда!!!

«Зарубежный Съѣздъ является экзаменомъ Зарубежной Россіи на путяхъ къ патріотическому, дѣйственному и дисциплинированному объединенію для возсоединенія съ Россіей внутренней во имя воскресенія Національной Россіи», — при чемъ непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго хода работъ прежде всего ставилось отрицаніе партій и партійнаго засилья, избѣганіе ссоръ, интригъ, каверзъ, и самое главное, — ни у одного изъ участниковъ Съѣзда даже и задней мысли не должно было быть объ «имущественной реставраціи». (Возрожд. №301).

Но уже въ первый день открытія Зарубежнаго Съѣзда устроителями его овладѣваютъ сомнѣнія: «окажутся ли зарубежныя силы на надлежащей высотѣ? найдутъ ли онѣ согласно-мудрыя и мудро-согласованныя рѣшенія? или же возобладаетъ духъ розни и властолюбія? Да не будетъ этого!... съ искреннимъ испугомъ восклицаетъ авторъ передовой статьи (Возрожд. № 306).

«Да не будетъ этого»... искренно воскликнулъ всякъ прочитавшій эту статью, любящій Россію, ненавидящій большевизмъ и видящій въ Зарубежномъ Съѣздѣ осуществленіе тѣхъ или иныхъ надеждъ.

И правду сказать, — устроителямъ Съѣзда было чего бояться: трудно описать весь тотъ морально-тернистый путь, который былъ пройденъ ими въ пред-

организаціонныхъ работахъ; тѣ надежды и разочарованія съ которыми они поминутно сталкивались; ту стойкость съ которой они выдержали безсовѣстную и беззастѣнчивую травлю со стороны извѣстной части эмиграціи — хотѣлось думать что послѣ всѣхъ этихъ организаціонныхъ передрягъ: уходовъ, возвращеній, ультиматумовъ и т.п. въ оставшейся отборной и морально спаянной части Съѣздъ дастъ картину полнаго единенія — уже первые дни Съѣзда показали что это не такъ...

«Въ чемъ самая большая трудность Зарубежнаго Съѣзда»? — спрашиваетъ авторъ передовой статьи (Возрожд. № 307) и даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: «въ томъ, что съѣздъ одновременно и политическій и безвластный» и приглашаетъ членовъ Съѣзда — «не соблазняться видимостью парламента», помня, что у нихъ нѣтъ никакой по отношенію къ эмиграціи принудительной власти и что нужно лишь провозгласить ИДЕЮ и призвать объединиться вокругъ одного лица воплощающаго эту идею.

Идея эта — та же непримиримая борьба съ большевизмомъ въ полномъ единеніи съ внутренней Россіей во имя возстановленія Національной Россіи безъ какихъ бы то ни было корыстныхъ вожделѣній.

Лицо — ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Итакъ — великая ИСТОРИЧЕСКАЯ задача: единеніе вокругъ ВОЖДЯ и отогнаніе признаковъ «реставраторства» (Возрожд. № 307).

Какъ извѣстно, идея НАЦІОНАЛЬНАГО ВОЖДЯ нашла въ Зарубежномъ Съѣздѣ такое же единодушіе, какъ и въ сердцахъ той части русской эмиграціи «для которой Россія не пустой звукъ, а Русскій народъ не поле для партійныхъ опытовъ» — эта часть и не мыслила себѣ иного ВОЖДЯ и Имя ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА было у всѣхъ на устахъ.

Итакъ великая ИСТОРИЧЕСКАЯ задача въ этомъ смыслѣ была блестяще разрѣшена.

Но уже на пятый день засѣданій Зарубежнаго Съѣзда выдвинулся во всей остротѣ вопросъ «объ органѣ» — быть или не быть послѣднему; разсматривая этотъ вопросъ съ трехъ точекъ зрѣнія (исполн. орг. какъ учрежденіе общественное, исполн. орг. для выполненій предначертаній Великаго Князя — правительство и, наконецъ, массовая организація Зарубежной Руси въ цѣломъ), авторъ передовой статьи (Возрожд. № 311) указываетъ, что задачей настоящаго момента является задача скромная и дѣловая; «созданіе Съѣздомъ своего органа для выполненія порученій въ духѣ сдѣланныхъ имъ постановленій».

Въ конечномъ итогѣ Съѣздъ, какъ извѣстно, отказался отъ созданія широковѣщательнаго и громоздкаго органа и на вопросъ представителей — что мы скажемъ своимъ избирателямъ — авторъ передовой статьи (Возрожд. № 414) разъясняя, что вопросъ объ органѣ еще не созрѣлъ и только поставленъ на очередь и что разрѣшеніе его оставлено въ наслѣдство второму Съѣзду, совѣтуетъ: указавъ избирателямъ всѣ трудности вопроса, «нести на себѣ бремя несбыточныхъ надеждъ и не перекладывать его на Нашего Вождя».

Таковы въ общемъ задачи и ходъ выполненія ихъ Зарубежнымъ Съѣздомъ.

Я не буду касаться характера самихъ засѣданій — партійной розни между членами, страстныхъ и горячихъ споровъ, угрозъ и нетактичныхъ выпадовъ въ рѣчахъ со стороны наименѣе сдержанныхъ членовъ, докладовъ, среди которыхъ были и плохіе и хорошіе — словомъ всего того, что сгущаетъ или разряжаетъ

атмосферу подобныхъ засѣданій и остановлюсь лишь на конечныхъ итогахъ Зарубежнаго Съѣзда.

Лѣвая часть русской эмиграціи торжествуетъ, указывая на *полный провалъ* Съѣзда, но являясь, въ свою очередь противниками большевизма (въ большей или меньшей степени), они не могутъ не понимать, что и въ этомъ случаѣ, если бы даже Съѣздъ и провалился, то тѣмъ самымъ значительно уменьшены и ихъ шансы на побѣду надъ большевиками. Та рознь, которая обнаружилась при организаціи Зарубежнаго Съѣзда, уже дала торжество большевикамъ—слѣдовательно если провалилась «правая» затѣя, то тѣмъ легче большевикамъ справиться съ «лѣвой».

Къ счастью можно говорить «о несбывшихся или неоправдавшихся надеждахъ», но отнюдь не о провалѣ. По словамъ кн. Г.Н. Трубецкого «не принимавшаго участія въ работахъ Съѣзда и сомнѣвавшагося въ практическихъ результатахъ», Съѣздъ далъ положительныя достиженія, являющіяся результатомъ побѣды трехъ идей:

1)Непримиримость къ большевикамъ и полное примиреніе со всѣми личными и классовыми потерями; это «не ровъ», а мостъ для возвращенія въ Россію,

2)Отказъ отъ предвзятыхъ рѣшеній за-рубежомъ безъ участія внутренней Россіи и

3)идея Національнаго движенія и Національнаго Вождя (Возрожд. № 320).

В. Л. Бурцевъ въ своемъ письмѣ въ редакцію газеты Возрожденіе, подробно перечисляя всѣ ошибки и недостатки Съѣзда (которыхъ между прочимъ не скрываютъ и сами устроители), говоритъ: «Зарубежный Съѣздъ и приготовленія къ нему глубоко всколыхнули заснувшую эмиграцію. Агитація по поводу Съѣзда и онъ самъ всюду, гдѣ только существуетъ русская эмиграція, передъ всѣми, къ какимъ бы кто направленіямъ ни принадлежалъ, поставили вопросъ ребромъ о дальнѣйшей борьбѣ съ большевиками и о борьбѣ за возрожденіе Россіи; въ настоящее время даже невозможно, какъ слѣдуетъ оцѣнить значеніе этой агитаціи.

Вспахана (и хорошо вспахана) эмигрантская почва. Посѣяны хорошія сѣмена. Слѣдовательно въ будущемъ есть надежда на хорошую жатву». Статья заканчивается словами, что безспорно Зарубежный Съѣздъ одно изъ самыхъ крупныхъ событій русской эмиграціонной жизни за послѣдніе годы. (Возрожд. № 320).

Итакъ Зарубежный Съѣздъ окончился и ближайшимъ слѣдствіемъ или вѣрнѣе отзвукомъ его явилось... образованіе двухъ новыхъ политическихъ группировокъ (Рос. Центр. Объед. и Заруб. Патр. Объед.); но это еще не все... къ переорганизаціи мы уже привыкли: двумя партіями больше, двумя партіями меньше, не все ли равно — мы русскіе эмигранты можемъ позволить себѣ такую «роскошь»... и это разъединеніе само по себѣ не такъ ужъ страшно...

Но внезапно всплыло на поверхности эмигрантскаго моря новое и болѣе серьезное обстоятельство — это выступленіе «дѣтей» противъ «отцовъ» — молодежи противъ стариковъ.

Часть неудовлетворенной молодежи рѣзко выступила противъ бездѣятельности и безсилія въ практическомъ осуществленіи тѣхъ или иныхъ идей, — стариковъ, съ обвиненіями ихъ въ болтливости, партійности, сорахъ, личномъ мелкомъ честолюбіи и т. п.

Старики устами «Странника» (Возрожд. № 339) соглашаются съ этимъ, но въ свою очередь, указываютъ, что этими же пороками заражена и молодежь и возбужденіе охватившее ее называетъ «бунтарствомъ».

И.Д.Гриммъ въ своей, довольно рѣзкой, статьѣ «Шапки долой»-подчеркиваетъ практическую неспособность «вожаковъ изъ молодежи» и невозможность въ воп-

росахъ практическаго строительства обойтись безъ помощи стариковъ; отстаивая старческій авторитетъ и указывая, что поруганіе старости всюду нарекалось хамствомъ, И. Д. Гриммъ опредѣляетъ, что бунтъ противъ старшихъ какъ таковыхъ, есть по духу и сущности дѣло комсомольское и заканчиваетъ статью словами: не по шапкѣ стариковъ, — а шапки долой передъ ихъ сѣдиною!

Молодежь была весьма обижена этой, дѣйствительно рѣзкой, статьей и, по слухамъ, организуетъ: «Союзъ Активной Молодежи» — какъ противовѣсъ бездѣятельной старости.

Сейчасъ борьба между «отцами и дѣтьми» въ полномъ разгарѣ — чѣмъ она окончится — покажетъ недалекое будущее.

3. КАТОЛИЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВІЕ НА ФОНѢ ПАРИЖСКИХЪ ДНЕЙ.

28 марта с. г. читатели «Посл. Нов.» были крайне взволнованы появившейся въ этой газетѣ статьей — «Злое Дѣло».

Авторъ статьи сообщалъ, что вслѣдствіе заявленія аббата Кэнэ, являющагося представителемъ монсиньора Шапталя, стоящаго во главѣ Организаціи Французской помощи русскимъ бѣженцамъ, эти католическія организаціи прекращаютъ свою помощь, а вслѣдъ за ними тоже отрицательное отношеніе можетъ быть принято и въ другихъ странахъ.

«Естественно, пишетъ «Посл. Нов.»,что всѣ--кто пользовался этой помощью (дѣти, старики, инвалиды) и теперь, неожиданно, среди учебнаго года оставленъ безъ поддержки на которую расчитывалъ, должны особенно остро испытывать то чувство огорченія, которое испытываемъ и мы, но это чувство огорченія должно превратиться въ чувство негодованія, когда общественное мнѣніе узнаетъ кому русскіе эмигранты обязаны столь суровой мѣрой»... (Посл. Нов.» № 1381).

Далѣе, ссылаясь на объясненіе аббата Кэнэ, — «Посл. Нов.» указываютъ, что причиной отказа католическихъ организацій отъ дальнѣйшей помощи является раздраженіе, какъ результатъ той травли, которой незаслуженно, но систематически яко бы подвергалось мѣстное католическое духовенство за то, что будто бы подъ покровомъ благотворительности улавливало православныя души въ католицизмъ.

Письмо аббата Кэнэ указываетъ и авторовъ этой травли: газ. «Возрожденіе» и священникъ Сахаровъ, авторъ извѣстной брошюры «Православіе и Католицизмъ».

Далѣе въ означенной газетѣ идетъ разборъ и брошюры о. Сахарова и его личности, попутно рѣзко достается газ. «Возрожденіе», дѣлающей по словамъ «Посл. Нов.» — «Злое Дѣло». Конечно не оставленъ по этому случаю безъ вниманія и Зарубежный Съѣздъ (?)...

Въ этой же газетѣ приведено письмо аббата Кэнэ къ Митрополиту Евлогію.

При чтеніи этого письма невольно поражаешься вызывающему и рѣзкому тону аббата Кэнэ: забыта не только іерархическая разница, столь строго соблюдаемая въ католическомъ мірѣ, но забыто и элементарное чувство вѣжливости хозяина по отношенію къ «невольному» гостю...

Но затѣмъ поражаетъ и другое обстоятельство — какъ можно на основаніи вѣковой догматической розни лишать помощи ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, стариковъ, инвалидовъ — какъ можно бить слабаго и беззщитнаго?...

Естественно, что въ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія этого вопроса, взоры всѣхъ были устремлены въ сторону газ. «Возрожденіе», но послѣдняя хранила упорное молчаніе.

Наконецъ, 31 марта, газ. «Возрожденіе» дала исчерпывающій отвѣтъ въ передовой статьѣ «Прискорбный фактъ и Постыдное поведеніе». Освѣщая всестороне вопросъ, объясняя и причину молчанія и свой взглядъ, газета подходитъ къ нему не съ узкой точки сведенія партійныхъ счетовъ, а съ точки зрѣнія оскорбленнаго національнаго достоинства.

Суть этой прекрасной статьи, въ краткихъ словахъ, сводится къ слѣдующему.

«Мы молчали сознательно и намѣренно. Мы считаемъ наше изданіе не только литературнымъ, но и національно-политическимъ дѣломъ. А въ такомъ дѣлѣ мы считаемъ необходимымъ и обязательнымъ строгую національную дисциплину?»

Разсматривая далѣе письмо аббата Кэнэ и дѣйствіе монсиньора Шапталя противъ высокочтимаго русскаго іерарха, стоящаго во главѣ управленія Западнорусскими церквами, — какъ выпадъ противъ русскихъ бѣженцевъ, газета говоритъ, что, въ цѣляхъ объективности, ею рѣшено было выждать отвѣтъ Высокопреосвященнаго Митрополита Евлогія и тогда только помѣстить всю переписку.

«Наша собственная позиція въ этомъ вопросѣ проста и ясна — мы считаемъ вражду между разными христіанскими вѣроисповѣданіями — передъ лицомъ единаго и сильнаго врага христіанской вѣры — большой ошибкой и великимъ грѣхомъ».

Далѣе указывая на доходившіе одиночные жалобы объ использованіи матеріальной нужды бѣженцевъ для совращенія ихъ въ католичество, газета говоритъ, что не только не обобщала этихъ жалобъ, но, вопреки этимъ обвиненіямъ, подчеркивала безкорыстный и деликатный характеръ этой помощи.

«Но мы не могли и не можемъ допустить мысли, что бы чья либо помощь могла лишить насъ и нашихъ братьевъ по вѣрѣ, духовной свободы и наложить печать молчанія на православныя уста».

И, въ прекращеніи этой помощи, газета видитъ элементы страшнаго давленія на духовную свободу русскихъ.

Съ глубокимъ и искреннимъ негодованіемъ газета обрушивается на своихъ политическихъ противниковъ «глубоко равнодушныхъ къ религіи вообще и къ православной вѣрѣ въ частности», воспользовавшихся случаемъ для «безидейнаго, безпринципнаго и лживаго сведенія партійныхъ счетовъ» и, съ глубокимъ презрѣніемъ, клеймитъ неразбирающагося въ средствахъ противника.

Въ письмѣ Высокопреосвященнаго Митрополита Евлогія къ монсиньору Шапталю звучатъ нотки достойныя Древнихъ Русскихъ Пастырей, блюдущихъ крѣпость православной вѣры, порученную имъ паству и не идущихъ ни на какіе компромиссы.

Твердо, заявляя, что указанные «факты перевода въ католичество православныхъ русскихъ, къ сожалѣнію, имѣли мѣсто», Владыка энергично отстаиваетъ права духовныхъ лицъ «въ обереженіи юныхъ душъ нашихъ дѣтей, у которыхъ часто нѣтъ заступничества ихъ родителей».

Соглашаясь, «что Католичество и Православіе издавна спорятъ другъ съ другомъ», Владыка мужественно ставитъ монсиньору Шапталю убійственный вопросъ: «какимъ образомъ дѣло христіанскаго милосердія можно ставить въ зависимость отъ того или иного разногласія во взглядахъ на церковные вопросы, отъ нашихъ споровъ и даже раздоровъ? Гдѣ же тутъ правда? Гдѣ, Христосъ, которому Вы служите? Гдѣ Его Святая любовь, о которой Вы говорите»?

Такъ пишетъ Высокопреосвященный Евлогій монсиньору Шапталю.

Кн. Г. Н. Трубецкой, въ своей статьѣ по этому вопросу Tertius gaudens (Возр. №302) подводитъ итоги удручающему по формѣ и содержанію письму аббата Кэнэ: оно доставитъ удовольствіе большевикамъ и лжеименной православной церкви, ибо для этихъ враговъ Христа, рознь между тѣми, кто долженъ былъ бы сплотиться во имя Христа, всякая рознь доставляетъ величайшее удовлетвореніе.

«Но при чемъ же тутъ находящіеся въ нуждѣ бѣженцы, малолѣтнія дѣти и учащаяся молодежь... въ недоумѣніи восклицаетъ авторъ...

Весь этотъ конфликтъ, происшедшій на глазахъ русской колоніи, нашелъ горячій откликъ въ эмигрантской средѣ, сразу оцѣнившей благородную и мужественную позицію занятую въ этомъ вопросѣ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Евлогіемъ: нѣсколько адресовъ покрытыхъ подписями тысячъ сочувствующихъ и представителями 21 русской организаціи, должны были послужить глубокимъ моральнымъ удовлетвореніемъ для Владыки.

Но русскія организаціи не остановились на этомъ и, въ особомъ письмѣ, на имя монсиньора Шапталя, съ твердостью заявили, что питая чувства глубокой благодарности за оказываемую французскими организаціями помощь русскимъ бѣженцамъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаютъ нужнымъ заявить, что оскорбленіе высокочтимаго всѣми Владыки является вмѣстѣ съ тѣмъ и оскорбленіемъ Національнаго достоинства русскихъ.

Въ отвѣтномъ письмѣ монсиньора Шапталя на имя предсѣдателя Національнаго Комитета, по существу вопроса, ничего новаго добавлено не было, но внимательный глазъ могъ уловить въ немъ новыя нотки, болѣе мягкаго характера и, дѣйствительно, спустя нѣсколько времени, въ печати появилось сообщеніе, что Организація Союза помощи во Франціи будетъ продолжать дѣло помощи русскимъ бѣженцамъ.

Такимъ образомъ, съ чувствомъ глубокаго моральнаго удовлетворенія можно констатировать, что христіанское милосердіе, справедливость и благоразуміе одержали вверхъ въ этомъ щекотливомъ для обѣихъ сторонъ дѣлѣ.

4. КРАСНОВЪ—КОЙСУГОВЪ—СУВОРИНЪ.

Интересная полемика, являющаяся слѣдствіемъ прочитаннаго въ свое время генераломъ Красновымъ доклада о Донскомъ Атаманѣ А. М. Калединѣ — возникла между этими тремя лицами.

Какъ извѣстно, генералъ Красновъ, въ своемъ докладѣ, сдѣлалъ рядъ досадныхъ промаховъ — какъ въ отношеніи личности покойнаго Атамана, такъ и въ отношеніи характера минувшихъ событій этой эпохи.

Съ цѣлью возстановленія исторически-точно событій того времени и указанія этихъ промаховъ, въ «Посл. Новост.» выступилъ нѣкто г. Койсуговъ (очевидно псевдонимъ); опровергая и исправляя невѣрныя положенія доклада ген. Краснова, г. Койсуговъ въ свою очередь допустилъ ошибку, а именно — говоря о конспиративномъ возглавленіи Добровольческой Арміи генераломъ Корниловымъ, г. Койсуговъ пишетъ: «что этотъ фактъ неожиданно былъ опубликованъ въ газетѣ Б. Суворина» и что Донской Атаманъ передалъ Объединенному Прави-

тельству просьбу генераловъ Алексѣева и Корнилова принять мѣры къ недопущенію подобныхъ провокаціонныхъ выходокъ.

Далѣе — г. Койсуговъ добавляетъ, что когда былъ вызванъ для объясненія по этому вопросу редакторъ, то вмѣсто него явился нѣкто Іоль де Монкларъ, которому и было сдѣлано надлежащее внушеніе съ предупрежденіемъ о высылкѣ.

Съ опроверженіемъ, въ свою очередь, въ «Посл. Нов.» выступилъ Бор. Суворинъ, который хронологически доказалъ неправильность вышеприведеннаго сообщенія, ибо газета «Веч. Время» первый разъ появилась на Дону... спустя 4½ мѣсяца послѣ смерти генер. Каледина...

Дѣйствительно, газета Б. Суворина, въ моментъ затронутый г. Койсуговымъ еще не существовала, а слѣдовательно Б. Суворинъ и ничего не могъ писать, по этому поводу, но описываемый фактъ появленія въ печати имени генер. Корнилова—какъ Главнокомандующаго Добровольческой Арміей, все таки имѣлъ мѣсто и вотъ какъ освѣщаетъ этотъ вопросъ, самъ виновникъ этого, бывшій капитанъ Іоль де Монкларъ, —письмо котораго случайно сохранилось среди матеріаловъ Музея «Современныхъ Событій въ Россіи».

...««на Вашъ запросъ о матеріалахъ, въ силу коихъ въ телеграммахъ «Юго-Восточнаго Издательства,» возглавляемаго мною появилось въ Январѣ 1918 года о назначеніи генер. Л. Г. Корнилова Главнокомандующимъ силами Добровольчесобой Арміи, находящимися въ Ростовѣ, сообщаю:

Оперативнымъ отдѣленіемъ Штаба Походнаго была передана телеграмма Донского Атамана А. М. Каледина Ростовскому Генералъ-Губернатору, кажется ген. А. П. Богаевскому, о томъ, что ген. Л. Г. Корниловъ состоитъ Главнокомандующимъ Добровольческой Арміи. Копія этой телеграммы была доставлена мнѣ въ редакцію. Помѣщена она была послѣ переданнаго мнѣ генеральнаго штаба подполковникомъ В. Е. Роженко мнѣнія Л. Г. Корнилова, что опубликованіе ея не встрѣчаетъ возраженій съ его стороны».

Александръ Іоль

(Капитанъ Іоль де Монкларъ).

5. ВОСЬМАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ ГЕНЕРАЛА Л. Г. КОРНИЛОВА.

Скромное помѣщеніе Союза Галлиполійцевъ...58 человѣкъ, окутанныхъ голубыми волнами ладана стояли низко склонивъ голову съ зажженными свѣчами въ рукахъ?... «Вѣчная память»... и скромное засѣданіе посвященное памяти покойнаго.

Говорили... но не въ этомъ дѣло кто и что говорилъ...

Я вспомнилъ прежнія торжественныя собранія, посвященныя памяти «истиннаго сына отечества погибшаго на своемъ посту»... переполненные театры и залы въ Ростовѣ, Таганрогѣ, Харьковѣ, Екатеринодарѣ...

Я не видѣлъ здѣсь многихъ высокихъ сподвижниковъ покойнаго...не видѣлъ и оффиціальныхъ представителей... и никого изъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей, кромѣ, всегда свято чтущаго память покойнаго, кн. Н. Н. Львова...

Я слушалъ рѣчи... а въ головѣ назойливо звенѣли слова К. Бальмонта:

«Я подъ камнемъ могильнымъ лежу
«Слишкомъ рано меня схоронили»...

Сколько соберется въ будущемъ году почтить священную память народнаго героя?...

VIII.

ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ

Красная Армія и «Военизація».

Тѣ времена когда на совѣтскія войска смотрѣли какъ на «красную с-----чь» и «красноармейскія банды», повидимому прошли безвозвратно.

Нынѣ это одна изъ сильныхъ европейскихъ армій (вторая послѣ французской), официально насчитывающая въ своихъ рядахъ до 600.000 человѣкъ, можетъ быть плохо снаряженная и вооруженная, но неустанно и энергично идущая по пути всевозможныхъ улучшеній и усовершенствованій, а главное-не боящаяся никакихъ широкихъ опытовъ и имѣющая гражданское мужество сознаваться въ неудачѣ или ошибкахъ этихъ опытовъ.

Держа въ постоянномъ страхѣ возмездія, Польшу и Румынію, являясь, можетъ быть, и непріятнымъ, но относительно сильнымъ сосѣдомъ лимитрофныхъ образованій, красная, армія если будетъ итти и дальше по пути самоусовершенствованія такими же гигантскими шагами, можетъ достигнуть такого положенія когда съ ней будутъ считаться первокласныя европейскія арміи. Не понимать этого—значить сознательно закрывать глаза на будущее или уподобляться страусу застигнутому врасплохъ опасностью... Если только въ сердцахъ нашихъ Вождей не предрѣшенъ отказъ отъ вооруженной борьбы въ будущемъ за счетъ могущаго произойти переворота внутри страны — необходимо теперь же приступить къ самой широкой ОРГАНИЗАЦІИ учета *дѣйствительныхъ* бѣлыхъ силъ, намѣтивъ принципы и способы ихъ концентраціи — продолжающаяся бездѣятельность въ этомъ отношеніи — непростительна!

Интересно прослѣдить, хотя бы въ общихъ чертахъ развитіе красныхъ вооруженныхъ силъ:

Въ октябрѣ-ноябрѣ 1917 г. Кронштадтъ, крейсеръ Аврора и отдѣльныя латышско-матросскія банды; въ январѣ 1918 г. отряды матросовъ, латышей, китайцевъ и военно-плѣнныхъ нѣмцевъ, австрійцевъ и мадьяръ сведенныхъ въ организаціонные единицы, а также рядъ разрозненныхъ воинскихъ частей, покинувшихъ фронтъ. Въ іюнѣ-іюлѣ 1918 г. послѣ угрозы чехословаковъ, начинается лихорадочная организація красной арміи и къ осени того же года численность ихъ, правда въ сырой формѣ, достигаетъ — *двѣнадцати*, распредѣленныхъ между Сибирскимъ и Южнымъ фронтами. Добровольческая и Донская Арміи, въ бояхъ на Сѣверномъ Кавказѣ и Азовско-Донскомъ фронтахъ, въ теченіе осени и зимы 1918 — 1919 гг. весны и лѣта 1919 г., выводятъ изъ строя нѣсколько совѣтскихъ армій, но на смѣну имъ являются другія, въ большинствѣ наново съорганизованныя и, къ осени 1919 г., число ихъ достигло —*пятнадцати*.

Крымъ уже съ первыхъ дней предрѣшилъ исходъ борьбы; по заявленію генерала Врангеля у него на фронтѣ было сорокъ тысячъ, а въ тылу триста тысячъ; если бы было наоборотъ, еще могла быть какая нибудь надежда — въ данномъ же случаѣ исходъ борьбы если и затянулся, то лишь исключительно благодаря мужеству и стойкости этихъ сорока тысячъ и неудачамъ большевиковъ на польскомъ фронтѣ.

По окончаніи гражданской войны, организація приняла болѣе планомѣрный характеръ: было обращено вниманіе на воспитаніе и образованіе войскъ — конечно, въ совѣтскомъ духѣ, призывная система нѣсколько разъ видоизмѣнялась и въ настоящее время, построена на двухъ основахъ—кадровой и территоріальной; заново разработаны мобилизаціонные планы, безпрестанно идутъ закупки оружія и снаряженія и, въ настоящее время, красная армія имѣетъ кадровый составъ около 600.000 чел.

Какія мѣры воздѣйствія принимала и принимаетъ совѣтская власть для организаціи арміи въ цѣломъ — это мы хорошо знаемъ и по разсказамъ плѣнныхъ, и по письмамъ, и по распоряженіямъ самой совѣтской власти — мѣры крутыя, — что и говорить!..

Но вотъ какія принимаются мѣры въ частности, хотя бы для воспитанія этой арміи, или вѣрнѣе, какія принципы заложены въ основу ея воспитанія — это гораздо интереснѣе и нужно остановиться хотя бы на двухъ, трехъ наиболѣе характерныхъ примѣрахъ.

Въ памяткѣ «красному инструктору», между рядомъ наставленій, читаемъ (приводится по памяти)—если ты обѣщалъ наградить кого нибудь, то не забудь награди, но если ты обѣщалъ наказать (или чуть ли не убить), то исполни это не задумываясь...

Еще интереснѣе опредѣленіе солдата и сравненіе его съ прежнимъ опредѣленіемъ —

Прежде:	Теперь:
Солдатъ есть слуга Государя и Отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.	Солдатъ Красной Арміи есть защитникъ рабочихъ и бѣднѣйшаго крестьянства и защитникъ Совѣтской власти.

Какъ видно,—прежнее «обидное» опредѣленіе «слуга» выброшено и оставленъ лишь терминъ «защитникъ», при чемъ для усиленія значенія этого, термина прежнее слово «Отечество» разложено на свои составные части: рабочихъ и бѣднѣйшихъ (именно бѣднѣйшихъ т.к. солдатъ происходитъ въ большинствѣ случаевъ изъ этой среды) крестьянъ — чѣмъ и подчеркивается *его связь* съ этой средой.

Но еще интереснѣе слѣдующіе вопросы и отвѣты изъ «памятки красноармейца»;

В. За что ты бьешься?

О. *За правду...*

В. Какъ же ты бьешься съ врагомъ?

О. *Безъ пощады, пока не сокрушу!*

В. Много ли васъ, *защитниковъ труда и бѣдности?*

О. Въ резервѣ у меня вся бѣднота и пролетаріатъ спѣшатъ ко мнѣ на помощь.

Въ 1919 г., на съѣздѣ красныхъ инструкторовъ военно-учебныхъ заведеній, Инспекторъ в. уч. зав. Дзевалтовскій заявилъ: что къ дѣлу обученія краснаго офицерства нужно привлечь весь прежній составъ военно-учебныхъ заведеній, использовавъ ихъ опытъ и знаніе, и, не боясь контръ-революціонности, заставить ихъ работать въ «красномъ духѣ».

И привлекли... и использовали... и заставили...

Въ 1920 г., во время лекціи по военной исторіи въ бывшей Императорской Николаевской военной Академіи, лекторъ (одинъ изъ бывшихъ профессоровъ), дѣлая выводы изъ какого то сраженія добавилъ, что выводы эти вполнѣ подтверждаютъ тѣ принципы, которые были заложены нашими величайшими военными геніями и т.д.

Послѣ лекціи одинъ изъ «высокихъ красныхъ слушателей» спросилъ въ профессорской лектора: «на какихъ это Вы, военныхъ геніевъ намекали?»

«На Императора Петра Великаго и Суворова» — послѣдовалъ отвѣтъ.

«Почему же Вы не назвали эти имена?»

«Помилуйте, съ одной стороны — красные слушатели будущіе такъ сказать борцы не только противъ имперіализма, но и противъ мірового буржуазнаго строя и съ другой — императоръ и императорскіе полководцы, какъ проводники основъ будущей борьбы»... — и въ голосѣ лектора послышалась еле замѣтная иронія...

«Намъ мертвыхъ императоровъ и императорскихъ полкодцевъ бояться нечего —послѣдовалъ отвѣтъ,—инашамолодая красная военная исторія должна признать ихъ авторитеты также — какъ они были признаны въ царскіе времена. Однимъ словомъ, — все то, что можетъ усилить нашу красную армію, нами безотговорочно принимается и Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, ссылаться на тѣ или иные авторитеты — разъ они могутъ послужить къ усиленію мощи нашей арміи».

Если прослѣдить совѣтскія военныя изданія то, можно въ нихъ замѣтить такія же частыя ссылки на Петра Вел., Фридриха Вел., Карла XII, Наполеона, Суворова и др., какъ и въ доброе старое время...

Не удивительно, что «военизація» является однимъ изъ колоссальнѣйшихъ опытовъ, продѣлываемыхъ большевиками съ присущей имъ смѣлостью и настойчивостью.

Что такое «военизація» въ совѣтскомъ смыслѣ слова —*это принудительная система привлеченія молодой части населенія для теоретическаго и практическаго изученія основъ военнаго дѣла.*

«Передъ нами стоитъ задача — все населеніе приспособить къ тому, чтобы въ самомъ дѣлѣ служить интересамъ обороны страны. Если мы въ піонерскихъ отрядахъ, въ спортивныхъ организаціяхъ, въ школахъ 1-й и 2-й ступени и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ будемъ учить какъ защищать нашъ Союзъ, будемъ обучать спорту, военному искусству, то при минимальной затратѣ времени и средствъ будемъ имѣть на три четверти подготовленныхъ бойцовъ, способныхъ вести борьбу, способныхъ защищать Союзъ. Если, начиная съ дѣтскаго возраста мы будемъ физическизакалять будущихъ бойцовъ, а затѣмъ обучать ихъ военному дѣлу, то это дастъ намъ возможность сократить средства на содержаніе и обученіе кадровыхъ частей, на подготовку краснаго состава». (Докладъ помощ. комис. по воен. и морс. дѣламъ Уншлихта — Красн. Зв. № 52).

Такимъ образомъ, большевики вступаютъ въ новую сферу усиленія своей военной мощи—и само собою разумѣется, что арміи они не только не сократятъ, но за спиной 600.000 кадровыхъ бойцовъ, они будутъ имѣть обученный и вооруженный резервъ всей страны.

Таковы послѣдствія первой части ихъ знаменитаго лозунга: «миръ хижинамъ»...

Что идея «военизаціи» «не нова», съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться («Военизація» ст. А. Эфеса Возрожд. № 358), точно также какъ не вызываетъ сомнѣній утвержденіе автора, что почти во всѣхъ государствахъ удѣлено большое вниманіе внѣ войсковой подготовкѣ молодежи; но есть и существенная разница,— въ то время, какъ во всѣхъ государствахъ этотъ вопросъ поставленъ на добровольческихъ началахъ (въ Америкѣ напр., въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ согласія родителей), въ Сов. Россіи говорятъ о самыхъ «рѣшительныхъ» дѣйствіяхъ по проведенію этой мѣры въ жизнь, т.е. расшифровывая эти слова — получимъ «принудительный, образъ дѣйствій»—типичнѣйшій совѣтскій методъ.

«Военизація» отнюдь не является мертворожденной идеей и, если она не выльется—во что нибудь похожее на «совѣтскую аракчеевщину», то, въ конечномъ итогѣ, она, при надлежащемъ проведеніи этого дѣла въ жизнь, при упорствѣ и настойчивости, можетъ дать «вооруженный народъ» съ милліонной арміей въ

Къ статьѣ „Красная Армія и „военизація“.

А. Призывъ въ Красную Армію.

Провожаютъ!..

На призывномъ пунктѣ. Запись.

Къ статьѣ „Красная Армія и „военизація“.

А. Призывъ въ Красную Армію.

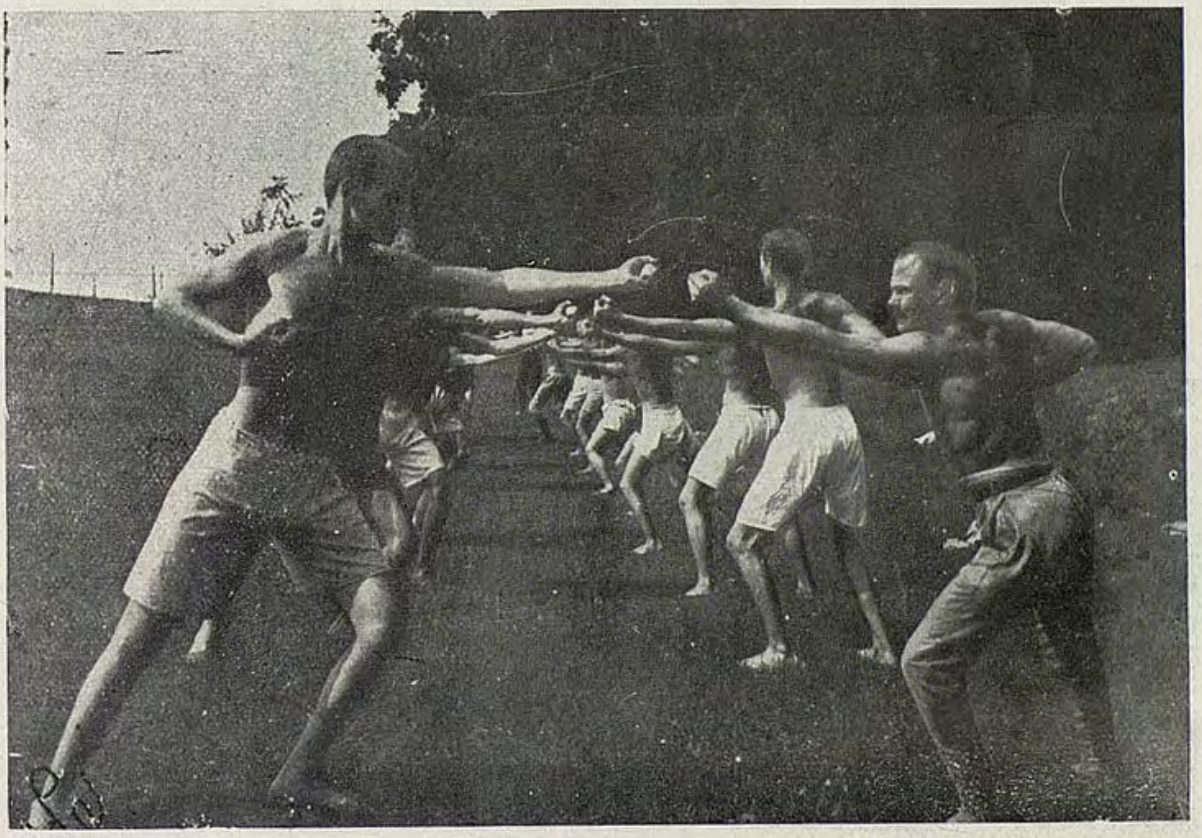
Очередь записи...

«Забрили»!..

Къ статьѣ „Красная Армія и „военизація“.

Б. Красные курсанты.

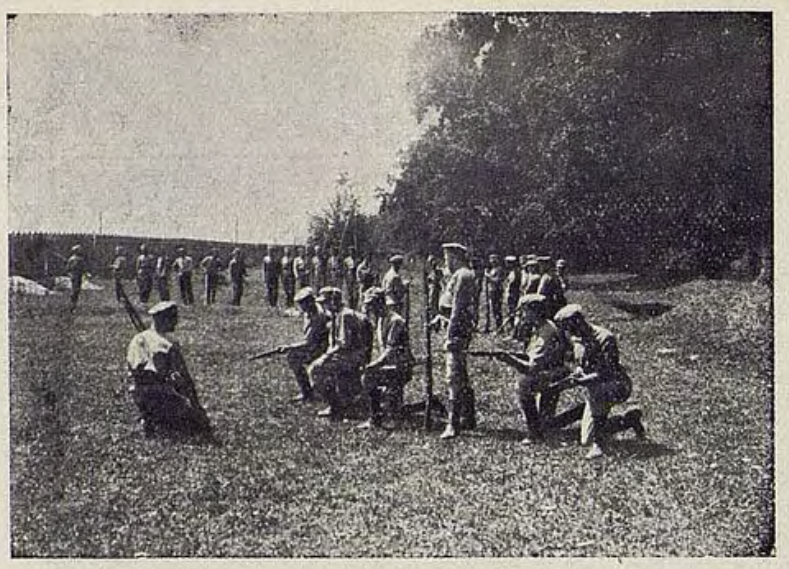
Въ бывшемъ Кіевскомъ Военномъ Училищѣ.



«Пассивная гимнастика».

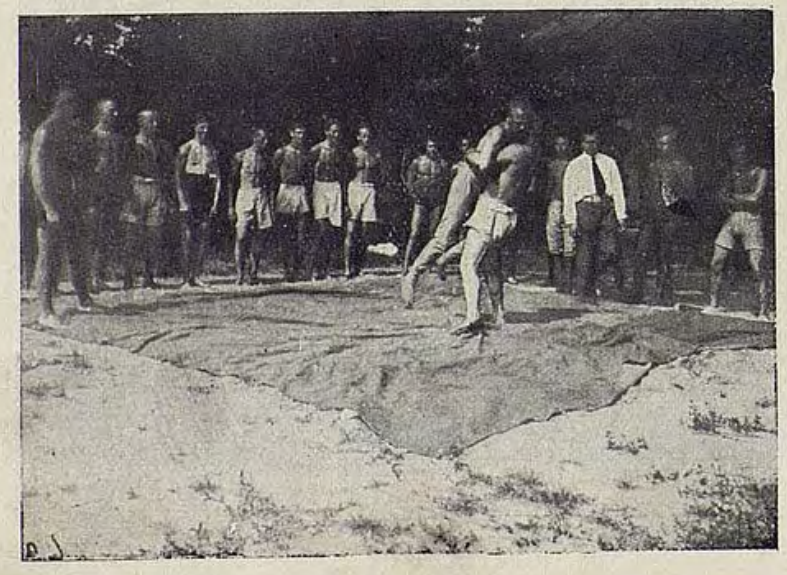
Къ статьѣ „Красная Армія и „военизація".

Б. Красные курсанты.



На прицѣлкѣ.

«Кобыла».



Французская борьба.

авангардѣ — а это уже не шуточная угроза миру міра... и окончательное разрѣшеніе второй части ихъ лозунга:«война дворцамъ» — конечно, не заставитъ себя долго ожидать...

Какіе же выводы можемъ сдѣлать для себя — мы «бѣлогвардейцы». Нужно прежде всего внимательно изучать нашего настоящаго и будущаго противника, отбросивъ предубѣжденіе и о его неспособности и о его неумѣніи, ибо, повторяю это уже не «красная с-чь» — это армія на пути къ «первоклассной».

«Бѣлогвардейцевъ» не такъ уже много за-границей, — что бы пренебрегать изученіемъ психологіи противника, его пріемовъ и методовъ, технической стороны и т. д. и нужно противупоставить имъ свое, если такъ можно выразиться, — «творчество», закаленное въ горнилѣ «умѣнія»,—ибо все таки «бьютъ не числомъ, а умѣніемъ»— что и большевики уже, къ несчастью поняли.

И еще нужно помнить слѣдующее: будемъ ли мы въ будущемъ драться съ Красной Арміей или Всевышнимъ Предопредѣленіемъ, намъ суждено будетъ слиться съ нею и образовать могучую Русскую Армію, являющуюся дѣйствительнымъ стражемъ Страны и Народа — намъ нельзя явиться «младенцами, несмышленышами»; въ этомъ, послѣднемъ случаѣ, много съ собою принесемъ, конечно и мы, но много мы должны будемъ впитать въ себя и отъ нихъ и поэтому, къ каждому новому опыту въ Россіи внутренней, — мы должны относиться не съ легкой верхоглядной критикой, а съ глубочайшимъ вниманіемъ и серьезностью.

Здѣсь мы приводимъ нѣсколько снимковъ изъ жизни Красной Арміи и красныхъ курсантовъ.

Владимиръ Игоревъ.

Большевистскій „воинъ“ первыхъ дней

(*Каррикатура Sid'a.*)

IX.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ

Генер. Н. Н. ГОЛОВИНЪ: 1) Мысли объ устройствѣ будущей россійской вооруженной силы.
2) Тактика въ задачахъ. Атака укрѣпленной позиціи.

Читая эти труды нашего уважаемаго профессора невольно представляешь себѣ его низко склонившимся надъ картой, разложенной на большомъ столѣ, въ стѣнахъ нашей Академіи. Кругомъ слушатели... Спокойное и любовное изложеніе «основныхъ методовъ», неумолимая логика выводовъ, «натаскиваніе и наталкиваніе» на цѣлесообразныя рѣшенія, вдумчивое отношеніе къ возраженіямъ молодежи и уваженіе къ чужому мнѣнію — вотъ чѣмъ дорогъ для насъ ген. Н. Н. Головинъ и то, что онъ читалъ—нельзя было не знать и нельзя было не помнить.

И еще — его одиночество и въ вопросѣ о нашумѣвшей въ свое время «доктринѣ» и въ рядѣ другихъ вопросовъ,—привлекало къ нему наши симпатіи.

Что сказать о книгахъ? Это настольныя книги для каждаго любящаго военное дѣло и интересующагося имъ. Съ одной стороны «рядъ мыслей» о будущей Русской Арміи, съ другой—практическое приложеніе этихъ мыслей, какъ всегда ясное, логическое и жизненное.

И, конечно, такія мысли не могутъ остаться незамѣченными, какъ въ Россіи Зарубежной, такъ и въ Россіи внутренней, точно такъ же какъ предложенныя авторомъ методы — безплодными.

И мы искренно желаемъ ученому автору видѣть не только результаты практическаго приложенія этихъ мыслей и ученій, но и стоять во главѣ руководящаго центра по проведенію ихъ въ жизнь, въ «Будущихъ Россійскихъ вооруженныхъ Силахъ».

В. ДАВАТЦЪ. Годы. 1926. Бѣлградъ.

При чтеніи этой книги, точно такъ же какъ и при чтеніи другихъ произведеній того же автора («На Москву» и разн. статьи), въ головѣ невольно мелькаетъ мысль: какую коренную ломку своего внутренняго «Я», долженъ былъ произвести надъ собой авторъ, чтобы написать то, что онъ написалъ. Словно, жилъ, жилъ человѣкъ, дожилъ до сѣдыхъ волосъ, оглянулся, увидѣлъ что заблудился на жизненномъ пути, махнулъ рукой и свернувъ на новую дорогу, — началъ новую жизнь со всѣмъ оставшимся пыломъ и страстью уходящихъ «годовъ».

Съ этой именно точки зрѣнія гражданскаго мужества и необыкновенной силы воли и нужно разсматривать «Годы» В. Даватца.

Можно ли писать такія книги «по-заказу»? какъ объ этомъ иронически намекаютъ «Посл. Нов»., называя г. Даватца: офиціальный исторіографъ Врангелевской Арміи. И—да, и — нѣтъ.

Да — въ смыслѣ поднесенія однихъ голыхъ скучныхъ и безпочвенныхъ фактовъ и восхваленія «заказчика». Нѣтъ — въ смыслѣ искренности, горячей любви и юношескаго энтузіазма.

Вотъ на фонѣ то этихъ всѣхъ страницъ и блеститъ ярко этотъ юношескій энтузіазмъ сѣдого человѣка, порвавшаго со всѣмъ прошлымъ и нашедшаго новый идеалъ и этотъ энтузіазмъ если и не подкупаетъ, то заставляетъ читателя временно забыть недостатки книги и сомнительные афоризмы вродѣ: «пока армія жива — Россія не умерла»,—неудачно передѣланный изъ исторической формулы: только

тогда народъ и страна имѣютъ право на историческое существованіе, если они могутъ это право отстоять мечемъ, т. е. если они будутъ имѣть армію.

Въ книгѣ автора много фактовъ, но нѣтъ объективныхъ «поученій», нѣтъ указаній на недочеты и ошибки, — словомъ, если и можно принять первую половину его формулы «безъ ненависти къ политическимъ врагамъ», то вторая половина этой же формулы «безъ пристрастія къ политическимъ друзьямъ», послѣ прочтенія этой, все таки, интересной книги опровергается сама собой.

А въ конечномъ итогѣ—книга является еще одной страницей въ исторіи Добровольческой Арміи.

Е. И. В. Великій Князь БОРИСЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ. «My Royal adventures in Society and Bohemia».

Въ концѣ прошлаго года, среди сенсаціонныхъ «исторій» Чикаговской вечерней газеты: «The Evening American», — еженедѣльно, по субботамъ, начали печататься воспоминанія Е. И. В. Великаго Князя Бориса Владиміровича, подъ заглавіемъ: «My Royal adventures in Society and Bohemia».

Это тѣмъ болѣе удивительно и непонятно, что газета эта принадлежитъ association извѣстнаго Герста, далеко, выражаясь мягко, не отличающагося своими симпатіями къ Россіи царскихъ временъ и являющагося политическимъ противникомъ Генри Форда; повидимому всѣ эти разсказы были одновременно помѣщены во всѣхъ газетахъ (болѣе 20) принадлежащихъ этому Association.

Разсказы Великаго Князя богато иллюстрированы довольно рѣдкими фотографіями, автографами и зарисовками (съ натуры?). Послѣднія представляютъ собою рядъ довольно откровенныхъ сценъ ночного разгула въ различныхъ «мѣстахъ злачныхъ», Распутина гипнотизирующаго какую то, лежащую въ изнеможеніи даму, и т. п. Тутъ же рядомъ помѣщены портреты Августѣйшихъ Особъ-Мучениковъ: Государя Императора, Государыни Императрицы, и Ихъ Дѣтей...

Воздерживаясь отъ какихъ либо комментарій,—мы предоставимъ читателямъ, начиная со второго номера «Бѣлаго Архива», возможность ознакомиться непосредственно, какъ съ полнымъ текстомъ перевода этихъ воспоминаній съ англійскаго языка, такъ и съ главнѣйшими иллюстраціями.

К. ТРОЯНОВСКІЙ «Востокъ при свѣтѣ революціи» Изд. В.Ц.И.К. Сов. Солд. и Раб. Деп.

Послѣднія событія въ Китаѣ заставляютъ каждаго интересующагося совѣтской политикой на Дальнемъ Востокѣ съ вниманіемъ остановится на одной очень интересной книгѣ — «Востокъ при свѣтѣ революціи» К. Трояновскаго изд. 1919 г.

Книга эта выгодно отличается отъ большинства ей подобныхъ своимъ спокойно-дѣловымъ отношеніемъ къ затрагиваемому вопросу, на страницахъ ея развертывается огромный по замыслу планъ проведенія будущей политики совѣтской власти на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ органически переплетены жизненные интересы большинства европейскихъ и азіатскихъ государствъ,

Съ точки зрѣнія автора — ударъ по Дальнему Востоку — это ударъ по капиталистической Европѣ и имперіалистической Японіи, — короче говоря: въ этой весьма рѣдкой нынѣ книгѣ, съ полной откровенностью изложены основные принципы стремленій большевиковъ къ мировому владычеству.

Политика, по мнѣнію автора, на Д. Востокѣ должна быть только активной, ибо: «ограничиться собственной территоріей означало бы для русской революціи рано или поздно задохнуться». (стр. 1)

Далѣе мы сталкиваемся съ еще болѣе откровенной предпосылкой:...« расширить тѣсный кругъ какъ интернаціонала такъ и угнетенныхъ народностей, населяющихъ другія страны свѣта является прямой нашей обязанностью передъ міромъ и исторіей»... (стр. 2)

Куда же должны направляться стратегическо-политическіе удары во имя и «спасенія революціи», и «расширенія интернаціонала» и «освобожденія угнетенныхъ народностей».?

Противупоставляя Россіи, являющейся нынѣ очагомъ революціи на Западѣ — Индію, авторъ опредѣленно заявляетъ, что «Индія — цитадель революціи на Востокѣ» (стр. 29) а «Персія, Турція, Египетъ — ворота открывающіе доступъ въ эту цитадель» (стр. 49) — поэтому то первый ударъ и долженъ быть направленъ на эти государства.

Что касается Китая, — то эта страна является, по мнѣнію автора, наиболѣе подготовленной въ смыслѣ проведенія большевистскихъ программъ и поэтому: «роль революціонной Россіи по отношенію къ Китаю сводится къ тому же къ чему мы сводили по отношенію ко всему остальному Востоку — не только примѣра и застрѣльщицы, но и самаго дѣятельнаго агента, помощницы»... (стр. 69).

Какъ дополненіе къ книгѣ приложена «Программа Союза освобожденія Востока» — излагающая организаціонные принципы проведенія въ жизнь всѣхъ путей намѣченныхъ авторомъ.

Книга эта въ свое время была переведена на индусскій и китайскій языки и пользовалась большой популярностью среди населенія этихъ странъ. Во время функціонированія музея*) въ Константинополѣ на эту книгу обратили вниманіе представители политическаго отдѣла Англійскаго командованія и тогда же она была переведена на англійскій языкъ.

Какова цѣнность изложенныхъ въ книгѣ теорій мы не такъ давно уже видѣли, да вѣроятно въ недалекомъ будущемъ опять увидимъ, ибо борьбу въ Китаѣ должно считать далеко еще не законченной...

О. М-я.

---

*) Книга находилась въ числѣ экспонатовъ музея «Современныхъ событій въ Россіи».

X.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ПАМЯТКА

Музея «Современныхъ Событій въ Россіи»

Приступая къ изданію матеріаловъ музея «Современныхъ Событій въ Россіи», я считаю необходимымъ ознакомить читателей съ краткой исторіей зарожденія и развитія его, отношеніемъ къ этому культурному дѣлу русской организованной и неорганизованной эмиграціи, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, военно-начальствующихъ лицъ, населенія тѣхъ странъ гдѣ музей функціонировалъ въ видѣ передвижной выставки, а также, конечно, и большевиковъ, съ которыми невольно приходилось всегда въ большей или меньшей мѣрѣ сталкиваться.

I. 1914-1917 Г.Г.

Идея частнаго сбора «лепестковъ исторіи» зародилась у меня еще въ началѣ Великой войны и вылилась въ тщательное коллекціонированіе всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которые относились къ эпохѣ боевыхъ дѣйствій въ Вост. Пруссіи. Естественно, что кругъ моей дѣятельности былъ строго ограниченъ рамками моей скромной должности; тѣмъ не менѣе, къ началу 2-го отступленія изъ Вост. Пруссіи, личные мои матеріалы составляли ящикъ весьма внушительнаго вида и вѣса.

Къ глубокому сожалѣнію, не только весь этотъ матеріалъ, но и значительная часть историческаго матеріала 3-го арм. к-са погибли во время второго отступленія изъ Вост. Пруссіи — послѣ Ласденскихъ боевъ; случайно лишь сохранились бывшіе на рукахъ реляціи первыхъ боевъ корпуса въ В. Пруссіи, часть фотографій, кой какіе документы, замѣтки, зарисовки съ натуры и т.п., находящіеся нынѣ въ музеѣ.

Несмотря на это, въ дальнѣйшемъ, все свободное отъ служебныхъ обязанностей время, я посвящалъ продолженію сбора всевозможныхъ матеріаловъ и такъ какъ рамки моей служебной дѣятельности, въ продолженіи войны, постепенно расширялись — то естественно, что увеличилась и продуктивность работы въ этомъ направленіи: матеріаловъ стало поступать больше и матеріалы были разнообразнѣе.

Къ началу революціи общее количество матеріаловъ достигло внушительной цифры до 2500 разнообразныхъ экземпляровъ, состоявшихъ изъ русскихъ и иностранныхъ книгъ (главнымъ образомъ французскихъ) по исторіи войны, въ количествѣ до 600 экземпляровъ, большой колекціи германскаго, австрійскаго, англійскаго и русскаго вооруженія и снаряженія, многочисленныхъ фотографій, газетъ журналовъ, открытокъ и т. п.

Весь собранный матеріалъ отправлялся въ г. Полтаву, гдѣ жила моя семья, при чемъ печатная часть матеріаловъ (книги, газеты, журналы, академическія работы и т.п.), были сданы на храненіе въ находившееся въ этомъ же городѣ Виленское военное училище, гдѣ я состоялъ до войны преподавателемъ военной исторіи.

II. РЕВОЛЮЦІЯ.

Революція выбила меня изъ намѣченной коллеи такъ гладко шедшаго сбора матеріаловъ; событія шли съ такой молніеносной быстротой и развивались въ такомъ масштабѣ, что далеко опередили всѣ мои скромныя предположенія; къ тому же давало себя знать полное отсутствіе средствъ, — пришлось, буквально, хватать все, что попадалось подъ руку. Спѣшно отправленные мною въ разныя политическія и общественныя организаціи многочисленныя письма, съ просьбой о присылкѣ матеріаловъ, или оставались безъ отвѣта или же, какъ потомъ выяснилось, далеко не всѣ высланные ими матеріалы дошли до меня въ виду моей одіозности въ глазахъ комитетовъ и комиссаровъ.

Тѣмъ не менѣе все таки удалось многое достать и изъ этой эпохи, какъ напр., брошюры разныхъ политическихъ партій, революціонные бюллетени, кое какія газеты и т. п.

III. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА — ДО КУБАНСКАГО ПОХОДА.

Условія гражданской войны конца 1917 и начала 1918 г.г. для сбора матеріаловъ были таковы, что, несмотря, на высокія посты занимаемыя мною въ Донской и Добровольческой Арміяхъ, *) исключали какую бы то ни было возможность планомѣрной работы въ этомъ направленіи. Отсутствіе средствъ даже для жизни, многочисленныя сопряженныя съ рискомъ командировки — часто въ условіяхъ конспиративности, неизвѣстность завтрашняго дня въ связи съ тяжелымъ положеніемъ на фронтахъ, тяжелая оперативная работа, оторванность отъ семьи и, наконецъ, отсутствіе какого бы то ни было хранилища—все это вмѣстѣ взятое въ достаточной степени опредѣляетъ ту обстановку при которой, конечно, невозожно было и думать о какомъ бы то ни было сборѣ матеріаловъ.

Съ грустью вспоминаю я о той невознаградимой потерѣ, которую понесла Исторія Добровольческой Арміи передъ Ледянымъ походомъ.

По приказанію генерала Алексѣева я, съ болью въ сердцѣ, руководилъ сжиганіемъ всѣхъ дѣлъ и документовъ Политическаго Отдѣла Добровольческой Арміи, а въ послѣдній день — день ухода арміи изъ Ростова, за отсутствіемъ свободныхъ лицъ (всѣ уходили въ походъ — я же по приказанію ген. Алексѣева оставался въ Ростовѣ), я сжигалъ оперативныя и др. дѣла Штаба Добров. Арміи.

Въ огнѣ погибли: Протоколы засѣданій Политическаго Совѣщанія Д. А., переписка съ общественными и политическими дѣятелями Москвы, Петрограда Кіева, Полтавы и др. городовъ, проектъ организаціи Союза хлѣборобовъ г. Полтавы, предусматривающій въ деталяхъ развѣтвленіе этой организаціи и на всю Украину, переписка генерала Алексѣева съ Карпатороссами и Чехословаками, переписка Вождей Доб. Арміи. съ Донскимъ Атаманомъ, необычайно интересная и поучительная переписка между генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ, оперативныя дѣла, проекты разворачиванія, снабженія и вооруженія арміи, первоначальны проекты организаціи центровъ, прокламаціи и листовки, колекція печатей и различныхъ штамповъ (около 2000) для изготовленія различныхъ документовъ и паспортовъ и много разныхъ другихъ матеріаловъ—лишь, совершенно случайно, удалось найти впослѣдствіи незначительные обгорѣвшіе остатки этихъ дней.

*) И. д. Начальника В. Политическ. Отд. Добр. Арміи и И. д. Н-ка Полев. Шт. Донск. Арміи.

IV. 1918 Г.

Послѣ возвращенія арміи изъ Кубанскаго похода и укрѣпленія политическаго положенія на Дону, дѣло собиранія матеріаловъ было поставлено на болѣе прочныя основанія, но въ это время я опять понесъ невознаградимую потерю значительной части моихъ матеріаловъ.

Дѣло въ томъ, что въ іюлѣ 1918 г. я былъ отправленъ генераломъ Алексѣевымъ въ секретную командировку въ города Харьковъ, Кіевъ и Полтаву. По прибытіи въ Полтаву я узналъ, что всѣ сданные мною на храненіе въ Виленское военное училище матеріалы, безвозвратно исчезли съ самимъ училищемъ, — но это еще не все...

Послѣ одной изъ моихъ многочисленныхъ лекцій («Причины разложенія Русской Арміи» и др., а также призывовъ поступать въ ряды Добр. Арміи), я былъ внезапно арестованъ нѣмцами и заключенъ въ Полтавскую тюрьму*) гдѣ просидѣлъ около мѣсяца, при чемъ, при обыскѣ были конфискованы всѣ находившіеся въ домѣ матеріалы и, конечно, въ первую очередь документы, оружіе и литература. Хотя ничего компрометирующаго для меня въ этихъ матеріалахъ найдено не было и, послѣ мѣсячнаго заключенія, я былъ выпущенъ на свободу, тѣмъ не менѣе... обратно ничего получить не удалось..

Кромѣ того, въ силу создавшихся для меня опасныхъ условій дальнѣйшаго пребыванія въ Полтавѣ, мнѣ пришлось спѣшно выѣхать, разсортировавъ часть матеріаловъ по своимъ знакомымъ — конечно, далеко не все впослѣдствіи мнѣ удалось собрать.

V. В. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ.

Въ концѣ 1918 года, бывшій Управл. Дѣлами Отд. Иностр. Дѣлъ Веев. В. Донского, нынѣ Донской Атаманъ, генералъ А. П. Богаевскій обратился къ Начальнику Штаба Добровольческой Арміи генералу И. П. Романовскому съ предложеніемъ — организовать В. Историческую Комиссію по сбору и храненію памятниковъ борьбы съ большевиками. Генералъ И. П. Романовскій къ проекту отнесся вполнѣ сочувственно, средства были отпущены и комиссія съорганизована. Предсѣдателемъ комисіи былъ назначенъ полковникъ Колобовъ.

Къ моему удивленію, однажды, ко мнѣ является полковникъ Колобовъ и проситъ на нѣкоторое время моего неоффиціальнаго руководства въ этомъ сложномъ и мало знакомомъ ему дѣлѣ, обѣщая, въ свою очередь, передавать мнѣ дубликаты всѣхъ поступающихъ къ нему матеріаловъ — конечно, я согласился.

Нѣсколько ранѣе, въ рядѣ газетъ («Россія» и др.) былъ напечатанъ мой призывъ о передачѣ мнѣ матеріаловъ по исторіи Добр. Арміи, а также выпущено и распространено, главнымъ образомъ, среди фронта, нѣсколько тысячъ листовокъ аналогичнаго содержанія — все это вмѣстѣ взятое имѣло положительные результаты.

VI. ОСВАГЪ.

Съ момента возникновенія «ОСВАГА», въ первые дни организаціи котораго и я принималъ нѣкоторое участіе (редакторъ газ. «Военный Листокъ», Военно-политич. обозрѣватель газетъ «Родина», «Донской Вѣстникъ», «Народная Газета» и ряда друг.), дѣло дальнѣйшаго собиранія не представляло уже никакихъ затрудненій, благодаря сочувствію и широкой моральной поддержкѣ со

*) По обвиненію въ агитаціи въ пользу Добровольч. и Союзныхъ Армій.

стороны лицъ, стоящихъ во главѣ этого учрежденія (Н. Е. Парамоновъ, С. Г. Сватиковъ и Ф. Г. Крюковъ).

Въ періодъ реорганизаціи «ОСВАГА» и назначенія во главѣ Управленія новыхъ лицъ, въ дѣлѣ произошла нѣкоторая временная заминка, но когда Управл. Освагомъ Проф. К. Н. Соколовъ и его помощникъ генер. шт. полк. Б. А. Энгельгардтъ ознакомились съ характеромъ моихъ работъ въ этомъ направленіи, то оказали также широкое содѣйствіе моему дѣлу и съ этого времени въ музей стали автоматически поступать дубликаты матеріаловъ «ОСВАГА».

Независимо содѣйствія оказываемаго центральнымъ учрежденіемъ «Освага», я, во время своихъ поѣздокъ въ качествѣ журналиста, всегда видѣлъ полную готовность оказать мнѣ помощь и со стороны филліаловъ названнаго учрежденія — этимъ и объясняется нахожденіе у меня почти всѣхъ фотографическихъ снимковъ изъ жизни Добр. Арміи, а также большинства плакатовъ и эскизовъ, какъ въ оригиналахъ, такъ и въ копіяхъ.

Въ то же время съиграли огромную роль разосланныя мною письма и листовки съ просьбой о присылки матеріаловъ: различные матеріалы съ фронта — отъ офицеровъ, а также изъ разныхъ городовъ — отъ разныхъ незнакомыхъ, но знавшихъ меня по печати лицъ, стали поступать періодически.

VII. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ПРОПАГАНДЫ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

Лѣтомъ 1919 года, послѣ переговоровъ съ предсѣдателемъ В. Исторической выставки, я обратился къ находившемуся въ то время въ Ростовѣ Предсѣдателю Особаго Совѣщанія генер. Лукомскому съ слѣдующимъ предложеніемъ: такъ какъ къ этому времени разнообразныхъ матеріаловъ по исторіи Добровольческой Арміи скопилось огромное количество, то, въ цѣляхъ практическаго использованія ихъ, я предложилъ организацію и отправку за-границу трехъ выставокъ (Римъ, Берлинъ и Парижъ), съ цѣлью наглядпаго ознакомленія всѣхъ странъ съ истиннымъ положеніемъ вещей, популяризаціи идей Добровольческой Арміи, борьбы съ совѣтской пропагандной и т.д.

Принявъ мой планъ въ цѣломъ, и удивившись незначительной смѣтѣ расходовъ, генер. Лукомскій предложилъ мнѣ явиться черезъ три дня за полученіемъ инструкцій и необходимыхъ суммъ.

Казалось, что истинная цѣль сбора матеріаловъ находится на порогѣ къ ея осуществленію,—но это только казалось, ибо когда я, согласно приказанію, явился черезъ три дня, то оказалось, что генер. Лукомскій абсолютно ничего, ни единаго слова не помнитъ изъ моего доклада и...даже сомнѣвается былъ ли такой докладъ вообще...

Съ мыслью о цѣлесообразномъ использованіи матеріаловъ пришлось временно разстаться и вновь заняться пополненіемъ ихъ.

VIII. ХАРЬКОВЪ-РОСТОВЪ-НОВОРОССІЙСКЪ.

Если бы въ дни предшествующіе эвакуаціи Харькова, Ростова, Екатеринодара, Новороссійска, и др. городовъ, кто нибудь вздумалъ заняться собраніемъ всего того матеріала, который уничтожался, или запросто, какъ ненужный хламъ, выбрасывался на улицы изъ различныхъ учрежденій Добр. Арм., то, вѣроятно были бы собраны огромные архивы — къ сожалѣнію до подобной организаціи въ то время никто не додумался, и не до этого впрочемъ было — каждый спасалъ болѣе цѣнное: свою жизнь; одиночнымъ же начинаніямъ массовый сборъ, конечно былъ не подъ силу — тѣмъ не менѣе большое количество матеріаловъ было собрано мною имен но тогда, въ дни эвакуаціи: и въ стѣнахъ опустѣвшихъ домовъ, и на улицахъ, и на вокзалахъ и, даже, вдоль пути слѣдованія поѣздовъ (Батайскъ, Екатеринодаръ, Новороссійскъ).

XI. НА БЕРЕГАХЪ БОСФОРА.

Къ началу эвакуаціи, различныхъ матеріаловъ было мною собрано около 30 пудовъ; оставалось только разрѣшить вопросъ о возможности перевозки заграницу; съ помощью англичанъ это не представило никакихъ затрудненій и къ 1 марту матеріалы были погружены на парох. «Брюгенъ» а 5-го выгружены на берегахъ о-ва Антигоны; при выгрузкѣ произошелъ непріятный инцидентъ, благодаря которому я чуть не лишился весьма цѣнной части моего груза: тюкъ съ плакатами сорвался съ подъемнаго крана, упалъ въ море и едва незатонулъ; только благодаря энергичнымъ мѣрамъ администраціи парохода и матросамъ онъ былъ своевременно извлеченъ изъ воды... правда въ сильно подмокнувшемъ видѣ.

X. ВЫСТАВКА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

А) Характерныя воспоминанія.

20 мая, послѣ упорныхъ и тяжелыхъ хлопотъ была наконецъ мною открыта въ залахъ «NEW SPORTING CLUB» первая выставка подъ названіемъ: «La lutte contre le Bolchevisme en Russie».

Такъ какъ борьба съ большевиками еще продолжалась, то и выставка носила ярко-антибольшевистскій характеръ. Цѣль ея была привлеченіе симпатій въ дѣлѣ продолжающейся борьбы на сторону Добровольческой Арміи и созданіе такого могучаго органа пропаганды, который будучи сосредоточенъ въ частныхъ рукахъ, и отвѣчая условіямъ современности, могъ явится болѣе гибкимъ и болѣе подвижнымъ чѣмъ обыденная казенщина съ ея многочисленнымъ штатомъ, съ ея колоссальными тратами и минимальной продуктивностью.

Дѣйствительно, открытая въ трехъ залахъ клуба выставка сразу привлекла общее вниманіе не только друзей и враговъ Добровольческой Арміи, но и широкихъ слоевъ тѣхъ элементовъ, которые населяли Константинополь—это было тѣмъ болѣе легко, что объясненія на выставкѣ давались на двѣнадцати языкахъ.

Интересно, въ области характерныхъ воспоминаній, отмѣтить рядъ инцидентовъ.

Въ первые дни открытія выставки ко мнѣ явились нѣсколько евреевъ и, заявивъ о своей солидарности въ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ — просили лишь о снятіи «антисемитскихъ» плакатовъ работы «Освага»; такъ какъ въ дѣйствительности ничего антисемитскаго въ этихъ плакатахъ не было, а были лишь шаржи и каррикатуры на отдѣльныхъ совѣтскихъ дѣятелей, то я отказался отъ снятія этихъ плакатовъ, мотивируя еще и тѣмъ — что удовлетворивъ ихъ просьбу, я, въ силу справедливости, долженъ буду удовлетворить и другія.

И дѣйствительно,—чуть ли не на другой день, группа посѣтителей праваго толка обратилась ко мнѣ съ просьбой—изъять изъ числа экспонатовъ выставки политическую программу генер. Корнилова, являющуюся по ихъ мнѣнію слишкомъ одностороннимъ показателемъ политическихъ взглядовъ генер. Корнилова — «программа республиканская и является несомнѣнной уступкой со стороны ген. Корнилова духу времени, такъ какъ всѣмъ вѣдь извѣстно, что генералъ Корниловъ былъ монархистъ». Само собой разумѣется, что программа не была снята.

Не обошлось, конечно, безъ скандаловъ; я уже не говорю о дикихъ непристойныхъ выходкахъ со стороны распропагандированныхъ нашихъ военно-плѣнныхъ, обращавшихся каждый разъ въ паническое бѣгство только лишь при одной попыткѣ пригласить полисмена, — вспоминается скандалъ устроенный небезъизвѣстной гр. В. Б-й—по поводу фотографическихъ снимковъ съ жертвъ чрезвычайки.

Почтенная графиня возбужденно-повышеннымъ голосомъ начала доказывать, что наоборотъ это все жертвы Добр. Арміи и что она вообще протестуетъ

противъ общаго характера выставки... — протестъ графини былъ принятъ къ свѣдѣнію...

Другой инцидентъ носилъ по-истинѣ курьезный характеръ: супруга одного извѣстнаго генерала партизана заявила рѣшительный протестъ, противъ того, что на выставкѣ портретъ ея мужа имѣется не только въ очень уменьшеномъ видѣ, но и повѣшенъ значительно ниже Деникина и Врангеля, тогда какъ, по справедливости, «онъ долженъ висѣть значительно выше ихъ»;—и этотъ протестъ также былъ принятъ къ свѣдѣнію...

Были случаи упрековъ въ «большевизмѣ» — чему основаніемъ послужили снимки изъ совѣтской жизни, портреты совѣтскихъ вождей и совѣтскія изданія...

Но были случаи и другого отношенія къ моему дѣлу со стороны той или иной части русской эмиграціи, а также и иностранцевъ: многочисленные случаи безкорыстныхъ услугъ, отдѣльные предложенія матеріальной помощи дѣлу (неизмѣнно мною отклоняемыя) и, наконецъ, предложенія помощи деньгами или вещами для нуждъ и распредѣленія, черезъ посредство моего музея, среди бѣднѣйшей части русской эмиграціи — всегда съ благодарностью мною принимаемыя.

Б) Посѣщаемость выставки.

Посѣщаемость выставки въ Константинополѣ легла главнымъ образомъ за счетъ иностранцевъ; уже въ день вернисажа выставку посѣтили высшіе турецкіе сановники, а также многіе изъ иностранныхъ военныхъ и дипломатическихъ представителей съ большимъ интересомъ изучавшіе матеріалы музея.

Въ дальнѣйшемъ, въ залахъ клуба неизмѣнно можно было видѣть толпящихся французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, греческихъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ, туристовъ, учащихся и т. п.

В) Противодѣйствіе большевиковъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ выставки явился отвѣтъ большевиковъ, организовавшихъ рядомъ съ помѣщеніемъ выставки въ кинематографѣ «русскіе сеансы», на которыхъ демонстрировались фильмы съ участіемъ Распутина, Мясоѣдова и которые бросали тѣнь, какъ на Царскую Семью такъ и на русское общество. Хотя цензурой союзнаго командованія фильма была значительно урѣзана, но къ обращенію все таки допущена и—сдѣлала свое дѣло: жадная ко всему сенсаціонному публика толпами ждала очереди попасть на этотъ сеансъ.

Необходимо было принять соотвѣтствующія мѣры для парализованія этого выпада — и средства для этого нашлись: фильмъ у меня было достаточно, разрѣшеніе на демонстрированіе ихъ отъ союзной цензуры было мною, хотя и съ трудомъ, но получено — остановка была лишь за аппаратомъ стоющимъ, какъ извѣстно, большія деньги и не могущимъ быть пріобрѣтеннымъ мною за недостаткомъ средствъ.

Какъ разъ, въ это время, въ Крымъ отправлялось имущество Освага, среди котораго было десять кинематографическихъ аппаратовъ. Несмотря на просьбы о передачѣ мнѣ во временное пользованіе одного изъ аппаратовъ въ цѣляхъ борьбы съ большевистскимъ кинематографомъ — военнымъ представителемъ генер. Врангеля было мнѣ въ этомъ отказано: аппараты были отправлены въ Крымъ, гдѣ и, какъ полагается, пропали; — большевики же продолжали безнаказанно «крутить» свою фильму, — русское дѣло, конечно отъ этого не выиграло...

Г. Ближайшіе результаты выставки.

Однимъ изъ осязательныхъ результатовъ открытія въ Константинополѣ выставки, явились приглашенія послѣдовавшія сразу съ трехъ сторонъ: 1)Франціи, 2)Польши и 3)Сербіи.

Для дѣла больше всего, конечно, улыбалась поѣздка во Францію — центръ симпатій Добровольч. Арміи. Нужно было эти симпатіи подогрѣть, наглядно освѣтивъ французскому народу и истинный смыслъ борьбы и природу обѣихъ борющихся сторонъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что къ этому времени никакого нагляднаго органа пропаганды за границей, собственно говоря, не было; «то», — что было создано при Главнокомандующемъ, тѣснилось на Крымскомъ пятачкѣ точно такъ же, какъ въ свое время пресловутый «Освагъ» тѣснился въ Ростовѣ. Кромѣ моего музея не было другого подобнаго учрежденія обладающаго къ тому же гибкостью, подвижностью и разнообразіемъ матеріаловъ, допускавшемъ въ полной мѣрѣ освѣщеніе происходившихъ событій.

Съ этой точки зрѣнія, казалось, я долженъ былъ получить всемѣрную поддержку, но, опять таки—это только казалось. Когда я, въ цѣляхъ выполненія формальностей французскаго представительства, обратился съ ходатайствомъ къ Военному представителю въ Константинополѣ о выдачѣ мнѣ: удостовѣренія о моей личности, о моей прежней службѣ въ рядахъ Добр. Арміи, о характерѣ моего музея, о политической благонадежности и т.п. — генер. Лукомскій на каждую просьбу изложенную въ моемъ раппортѣ, по каждому пункту отвѣтилъ однимъ словомъ: «нѣтъ».

Съ такимъ непониманіемъ обстановки я, конечно, примириться не могъ и обратился съ аналогичнымъ рапортомъ на имя Главнокомандующаго; къ моему удивленію, а также удивленію значительной части эмигрантовъ отъ Н-ча Шт. Главно-го былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ: «... по имѣющимся въ Ставкѣ свѣдѣніямъ Вы отбыли за-границу, какъ частное лицо, почему поданый Вами рапортъ, а равно и ваша дѣятельность могутъ разсматриваться только какъ дѣятельность частнаго лица, не имѣющаго никакихъ заданій оффиціальнаго характера»... и это все.

Я понимаю изумленіе генерала Фулона и Верх. Комис. Г. Вотье — разведшихъ руками въ недоумѣніи — когда я показалъ имъ эту «бумажку»...

Такъ какъ въѣздъ во Францію безъ соблюденія этихъ формальностей и при наличіи подобнаго опаснаго груза — какъ матеріалъ пропаганды, былъ въ то время крайне затруднителенъ, а въ Ставкѣ очевидно не вполнѣ себѣ уясняли сущность и преимущества пропаганды за-границей — пришлось отъ поѣздки Францію отказаться.

Что касается поѣздки въ Польшу, то послѣдняя въ виду сложной политической обстановки того времени мнѣ и вообще не улыбалась и я, принявъ братское предложеніе сербовъ, въ концѣ 1920 г. перебросился съ музеемъ въ Югославію.

XI. ВЫСТАВКИ ВЪ ЮГОСЛАВІИ.

А. Реорганизація музея.

Въ періодъ 1921 года, музей объѣхалъ почти всѣ крупные города нынѣшняго Королевства С.Х.С. всюду вызвая всеобщій интересъ къ событіямъ происходившимъ въ братской Россіи.

Къ этому времени, учитывая опытъ Константинополя и острововъ, музей былъ реорганизованъ на ново: былъ добавленъ большевистскій отдѣлъ, жизнь эмигрантовъ, финансовый, анархизмъ и др. — такимъ образомъ, отбросивъ пропагандный характеръ, музей вылился въ чисто историческій и принялъ названіе «Современныхъ Событій въ Россіи».

Б. Посѣщаемость музея.

Посѣтителями музея, главнымъ образомъ, явились учащіеся и военные, живо интересовавшіеся событіями въ родной имъ Россіи. Вообще же отношеніе всего общества, прессы и населенія было на рѣдкость внимательное и предупредительное.

Характерный и тяжелый случай произошелъ въ Бѣлградѣ 15 апрѣля 1921 г. когда въ присутствіи корреспондента сербской газеты «Трибуна» одна изъ русскихъ посѣтительницъ, среди жертвъ чрезвычайки, узнала своего мужа о которомъ долгое время не имѣла никакихъ извѣстій...

Другой интересный случай произошелъ въ Бѣлградѣ, послѣ закрытія выставки: въ 10 ч. в., когда при тусклом свѣтѣ свѣчей, матеріалы снимались и укладывались, явилась только что прибывшая изъ Россіи группа бывшихъ плѣнныхъ сербскихъ офицеровъ и убѣдительно просили позволить имъ осмотрѣть музей, хотя бы въ его разобранномъ видѣ — всю ночь просидѣли мы на ящикахъ, за стаканами холоднаго чая, ведя бесѣду и разсматривая матеріалы...

В. Дѣятельность коммунистической партіи.

Конечно и въ Сербіи коммунисты не оставили безъ вниманія мой музей — сейчасъ вспоминаются слѣдующіе эпизоды.

Въ Бѣлградѣ при постановкѣ фильмъ «Голгоѳа русской женщины» и «Кіевская чрезвычайка», на второй день демонстрированія фильмъ была устроена химическая обструкція двумя коммунистами.

Нѣсколько позднѣе, открывшуюся выставку посѣтили извѣстные сербскіе коммунисты Филипъ Филиповичъ и Триша Кацлеровичъ, — послѣдній съ нѣсколькими спутниками внимательно, около двухъ часовъ, изучалъ экспонаты выставки, интересуясь вопросомъ — кто субсидируетъ это предпріятіе и не вѣря, что такое количество матеріаловъ является частной собственностью и ведется на скромныя средства получаемыя отъ эксплоатаціи выставки.

Въ Новомъ Саду коммунисты ограничились разбрасываніемъ прокламацій о появленіи русской «контръ-революціи»...

Нѣсколько иное и болѣе интересное положеніе дѣлъ было въ Загребѣ; уже въ первый день открытія выставки явились коммунисты въ числѣ 15 человѣкъ и, затѣмъ, въ продолженіе всего періода функціонированія выставки являлись одни и тѣ же лица, зачастую два и три раза въ день, — приводя съ собою все новыхъ и новыхъ посѣтителей; всѣ они, какъ потомъ оказалось, приходили по назначенію комитета; инкогнито былъ и самъ предсѣдатель Центр. Юго-Слав. комитета.

Цѣль посѣщенія — срывать даваемыя персоналомъ выставки объясненія путемъ вмѣшательства и диспутированія и, пропаганда у входа — въ цѣляхъ отговариванія посѣтителей отъ посѣщенія выставки.

Не было никакихъ сомнѣній въ самой тѣсной связи Загребскаго комитета съ внѣшнимъ коммунистическимъ міромъ, такъ напр., выставку посѣтилъ прослѣдовавшій въ Новый Садъ изъ Царицына, одинъ видный русскій коммунистъ-«коммерсантъ» — какъ сначала онъ себя отрекомендовалъ.

Другой разъ на выставку явилась нарядно одѣтая пара, въ сопровожденіи свиты изъ молодыхъ людей; «парочка» внимательно осмотрѣла всѣ экспонаты музея, а затѣмъ дама пожелала переговорить наединѣ съ моей женой. Убѣдившись, что онѣ однѣ, дама начала горячо доказывать всю безплодность моего предпріятія бѣдность его организаціи и безполезность борьбы съ большевиками — противупоставляя ему въ этой плоскости огромные масштабы большевиковъ и неисчерпаемость ихъ средствъ: «я отъ Васъ не скрою» — говорила дама — «и это доказываетъ только, что мы настолько сильны, что можемъ иногда позволить себѣ съоткровенни-

чать: я ѣду съ мужемъ въ Америку для организаціонныхъ цѣлей и знаете ли— сколько намъ отпущено для этого? Дама остановилась, какъ бы предвкушая сладость отъ изумленія собесѣдницы: «м и л л і о н ъ» — нараспѣвъ проговорила она и затѣмъ добавила «ну можете ли Вы бороться съ нами?»

Въ общемъ—поведеніе Загребскихъ коммунистовъ, если не считать одного-двухъ случаевъ, было вполнѣ корректное — это объясняется отчасти ихъ интеллигентностью, отчасти тѣмъ, что среди нихъ было нѣсколько бывшихъ участниковъ бѣлыхъ армій.

Интересное мнѣніе коммунистической партіи высказалъ одинъ изъ ея представителей (бывшій добровольческій офицеръ) въ день закрытія выставки: «по существу противъ всего, что у Васъ здѣсь показано, мы можемъ возражать и спорить безъ конца, но противъ трехъ изъ Вашихъ отдѣловъ нельзя возразить ни слова: экономическаго, финансового и эмигрантского; я былъ недавно въ Москвѣ и, по справедливости, могу сказать, что наши до этого еще не додумались».

Характерно, что всѣ приходившіе на выставку коммунисты держали себя вполнѣ свободно, и открыто высказывали свои мнѣнія, не стѣсняясь нападками на своихъ же сторонниковъ и снабжая нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно нелестными эпитетами вродѣ: бандитъ! разбойникъ! и т. п. Одна и та же сцена повторялась ежедневно: приходя на выставку большинство вѣжливо, по военному представлялись мнѣ, а нѣкоторые добавляли: «на дежурство отъ Ц. К. присланъ».

По просьбѣ делегатовъ населенія Загреба, Банъ Хорватскій разрѣшилъ продолжить выставку въ виду вызываемаго ею общаго культурнаго интереса.

XII. 1921-1922 г.р.

Выставка въ Загребѣ являлась послѣдней въ маршрутѣ по Югославіи. Конецъ 1921 и 1922 г.г. были посвящены отдѣльнымъ киносеансамъ въ воинскихъ частяхъ, а также веденію переговоровъ по переброскѣ музея въ Италію, Венгрію и Америку. До окончанія переговоровъ, мнѣ пришлось временно занять скромную должность референта русской печати, сначала въ кабинетѣ Предсѣдателя Совѣта министровъ г. Пашича, а затѣмъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Между тѣмъ, политическія событія въ Италіи и ея отношенія къ Югославіи приняли настолько острый характеръ, что въ концѣ концовъ выяснилось абсолютная невозможность поѣздки съ музеемъ въ эту страну; правильность этого рѣшенія вскорѣ подтвердилась: при демонстрированіи въ Римѣ одной изъ отправленныхъ мною фильмъ, произошла кровавая схватка между фашистами и соціалистами съ жертвами съ обѣихъ сторонъ.

Не въ лучшемъ состояніи находились переговоры и о поѣздкѣ въ Венгрію, и, когда вопросъ о поѣздкѣ былъ уже почти рѣшенъ, выяснилось, что предсѣдатель венгерской организаціи, устраивавшій эту поѣздку... растратилъ порученныя ему суммы.

XIII. ПОѢЗДКА ВЪ АМЕРИКУ.

Въ концѣ 1922 года были закончены переговоры съ представителями одной изъ Американскхъ организацій и въ февралѣ 1923 г. я съ музеемъ выѣхалъ въ Америку.

Характерно отмѣтить одно обстоятельство — многочисленныя письма отправленныя мною русскимъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ объ оказаніи мнѣ посильнаго содѣйствія въ смыслѣ оріентировочныхъ указаній, совѣтовъ, рекомендательныхъ писемъ и т.п. ... или остались безъ отвѣта, или же полученныя отвѣты носили весьма уклончивый характеръ.

Впослѣдствіи, уже будучи въ Америкѣ, я не разъ вспоминалъ объ этомъ стран-

номъ и непонятномъ явленіи,—когда при переѣздѣ изъ города въ городъ милые американцы снабжали меня массою рекомендательныхъ писемъ, указаніями, совѣтами и т. п.

За то мой призывъ къ эмигрантскимъ массамъ въ Европѣ о пожертвованіи въ музей историческихъ матеріаловъ—встрѣтилъ среди нихъ самый живѣйшій откликъ и, въ короткое время, мой музей пополнился многими цѣнными историческими предметами.

Какъ и слѣдовало ожидать, предстоящая поѣздка не была упущена большевиками безъ вниманія: появился рядъ статей въ «Наканунѣ», «Извѣстіяхъ» и др. газетахъ.

XIV. ВЪ АМЕРИКѢ.

А. Русскіе въ Америкѣ.

Въ Америкѣ ожидало меня тяжелое разочарованіе: организація выписавшая меня внезапно обанкротилась и спѣшно ликвидировала свои дѣла — при этихъ обстоятельствахъ нечего было думать объ организаціи какихъ-бы то ни было выставокъ: я былъ предоставленъ самому себѣ. Въ чужой странѣ, безъ языка, безъ денегъ съ огромнымъ матеріаломъ на рукахъ, я очутился въ критическомъ положеніи; но такъ какъ «нѣтъ такого положенія изъ котораго нельзя было бы выйти съ честью», то я рѣшилъ: если нельзя было использовать музей въ его цѣломъ видѣ — использовать его по частямъ, сдѣлавъ попытку обратиться за моральнымъ содѣйствіемъ ко многимъ вліятельнымъ русскимъ людямъ живущимъ въ Америкѣ. Результаты получились слѣдующіе: въ одномъ случаѣ просили за помощь «процентики», въ другомъ—сіятельный и пользующійся, благодаря своей женѣ, больнимъ вліяніемъ, князь, отвѣтилъ: «на счетъ политики или противодѣйствія активнаго противъ большевиковъ она никогда этимъ дѣломъ не занималась и въ будущемъ не предполагаетъ это дѣлать», въ третьемъ, извѣстный русскій академикъ отказался отъ содѣйствія подъ предлогомъ «большого количества радикаловъ и травли всего, что хоть сколько нибудь напоминаетъ пропаганду, хотя бы и здоровую»... и т.д.—такимъ образомъ на помощь русскихъ людей въ русскомъ дѣлѣ, по обыкновенію, расчитывать было нечего, пришлось изворачиваться самому.

Б. Въ Колорадо и Калифорніи.

Крупную помощь дѣлу оказалъ личный другъ бывшаго президента Рузвельта, — русскій выходецъ д-ръ С. С. Юнгъ, проживший въ Америкѣ болѣе 20 лѣтъ, любящій Россію, написавшій по русскимъ вопросамъ нѣсколько книгъ и 22 раза переплывшій океанъ, что онъ всегда съ гордостью подчеркивалъ. Съ нимъ я объѣхалъ всѣ крупные города штата Колорадо, и нѣкоторые изъ городовъ штата Калифорніи, читая лекціи, организуя кино-сеансы и маленькіе выставки.

Онъ же всегда съ неизмѣнной готовностью приходилъ на помощь всякому доброму русскому дѣлу и русскимъ людямъ; благодаря его связямъ и вліянію удалось отстоять русскую православную церковь въ Денверѣ отъ притязаній Кедровскаго, благодаря ему голодавшій въ Мексикѣ оркестръ изъ двадцати шести русскихъ офицеровъ получилъ разрѣшеніе на въѣздъ въ Америку и т.д.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ я, распрощавшись съ милымъ д-мъ Юнгомъ, выѣхалъ въ Чикаго.

В. Въ Чикаго и др. гор.

Почти весь 1924 годъ, пришлось работать въ условіяхъ подготовки къ будущему открытію музея въ цѣломъ. Съ этой цѣлью пришлось организовать рядъ лекцій, кино-сеансовъ, небольших выставокъ, собесѣдованій и т. п. не только въ штатѣ Иллинойсъ, но и въ близъ лежащихъ штатахъ Висконсинъ и Индіана.

Отношеніе населенія было различное: американцы выслушивали съ величайшимъ интересомъ, ибо многое раньше было для нихъ непонятно или же представлено въ умышленно извращенномъ видѣ — здѣсь же они знакомились по первоисточникамъ. Какъ дѣловой народъ, они обращали вниманіе на дѣловую сторону и внимательно изучали экономическія діаграммы и финансовый отдѣлъ. Любители кинематографа — они не пропускали ни одного сеанса. Но были и курьезы, такъ напр., въ одномъ изъ крупныхъ городовъ предсѣдательница «Дома Искусствъ» очень просила меня, при открытіи выставки, выступить въ полной парадной формѣ, пропѣть нѣсколько русскихъ пѣсенъ и протанцовать «камаринскій» и серьезно была огорчена когда я отказался...

Колонисты—сербы, чехословаки и, особенно, русскіе нѣмцы всегда показывали такой интересъ и такую любовь, что послѣ каждой бесѣды съ ними, я испытывалъ огромное моральное удовлетвореніе. Какъ примѣръ приведу: въ одномъ городѣ прихожане одной изъ нѣмецкихъ церквей выразили желаніе что бы на слѣдующій день, въ воскресенье, во время литургіи,—«Отче Нашъ»—было исполнено по русски. Пришлось цѣлый вечеръ посвятить на обученіе пѣнію жены пастора, ея двухъ дочерей, незнавшихъ по-русски ни слова и, на слѣдующій день стѣны, кирки впервые, услышали русскій церковный мотивъ «Отче Нашъ», подъ акомпаниментъ... рояля и особой американской гармоніи.

Что касается русскихъ то какъ и вездѣ, они раздѣлены на три рѣзкихъ лагеря: большевиковъ, антибольшевиковъ и нейтральныхъ и, въ зависимости отъ этихъ группировокъ, и отношеніе было различное: рѣзко-оппозиціонное, сочувственное или индеферентное. Тѣмъ не менѣе о музеѣ писали въ мѣстныхъ прогрессивныхъ газетахъ что «Это не музей — училище».

Въ этомъ же году мною былъ полученъ рядъ приглашеній въ большіе американскіе клубы, какъ напр., Press Club, Union League Club и др. Тотъ интересъ къ лекціямъ, фильмамъ и продемонстрированнымъ мною экспонатамъ, какой я наблюдалъ среди присутствующихъ, надолго останется у меня въ памяти. «За сорокъ лѣтъ существованія Press Club-а мы слышали самую интересную лекцію» пишетъ президентъ этого клуба въ письмѣ на мое имя.

Повидимому, въ Вашингтонѣ съ вниманіемъ сѣдили за моей дѣятельнстью, ибо мною были получены двѣ телеграммы отъ Стейтъ-Секретаря Хьюза, съ просьбой описать сущность имѣющихся у меня матеріаловъ, что и было мною исполнено.

Въ 1925 году мною была организована въ залахъ Чикаговскаго Arts Club-а выставка національныхъ, антибольшевистскихъ, большевистскихъ, сербскихъ и др. плакатовъ, прошедшая съ большимъ успѣхомъ въ результатѣ чего мною былъ полученъ рядъ приглашеній, — между прочимъ и въ далекій Тексасъ.

Въ томъ же году литовская соц.-дем. газета «Naujienos», ознакомившись съ матеріалами музея, организовала въ Чикаго открытіе въ его цѣломъ видѣ въ теченіе двухъ недѣль, при чемъ, кромѣ обычныхъ посѣтителей, выставка обильно посѣщалась и туристами.

Конецъ года мною былъ посвященъ организаціи ряда небольшихъ выставокъ: картинъ, русскихъ революціонныхъ денегъ, плакатовъ и т. п. а также устройству кинематографическихъ сеансовъ, послѣ чего я временно выѣхалъ для отдыха въ Европу.

Интересно привести нѣкоторыя цифровыя и др. данныя о дѣятельности музея.

Музей насчитываетъ 10.000 экспонатовъ и 18.000 фут фильмъ и состоитъ изъ 21 отдѣловъ: 1.)Старая Россія, 2)Россія и міровая война. 3)Революція въ тылу, 4)Революція на фронтѣ, 5)Большевизмъ, 6)Антибольшевизмъ, 7)Казачество, 9)Бѣлыя Арміи, 9)Голодъ въ Россіи, 10)Жизнь русскихъ эмигрантовъ, 11)Большевизмъ въ другихъ странахъ, 12)Каррикатуры, 13)Діаграммы, 14)Карты и схемы, 15)Финансовый, 16)Документально-литературный, 17)Анархизмъ въ Россіи, 18)Кинематографическій, 19)Современная Россія, 20)Секретный и 21)Архивъ.

Библіотека музея насчитываетъ до 2.000 названій преимущественно періода гражданской войны.

За время существованія музея было организовано 385 лекцій, 85 кинематографическихъ сеансовъ и 45 выставокъ.

Музеемъ выпущены слѣдующія изданія:

въ 1918 г. 5.000 листовокъ съ призывомъ передать матеріалы въ музей,
въ 1920 г. а)Краткій каталогъ музея «*Борьба съ большевизмомъ въ Россіи*».
в)Programme de l'Exposition «La lutte contre le bolchevisme en Russie». (На правахъ рукописи).
въ 1921 г. Причини за разложеніета на руската армія (переведена на нѣмецкій яз.)
въ 1922. 5.000 либретто фильмы «Голгофа Русской Женщины».
въ 1925. Каталогъ «The Museum Contemporary Events in Russia».
въ 1926. «Бѣлый Архивъ» кн. 1-ая

Готовится къ печати:

въ 1926 «Бѣлый Архивъ» книги 2-ая, и 3-я и т.д.

Музей среди немногочисленныхъ подобнаго рода организацій является *старѣйшимъ* и обладаетъ многими первоисточниками, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ учрежденій подобнаго рода.

И, наконецъ, музей существуетъ *исключительно на собственныя средства* и не получаетъ *никакихъ субсидій* и вслѣдствіе этого *совершенно независимъ*.

Въ періодъ 1920-1923 г.г., для печатанія матеріаловъ музея были предложены страницы: Общаго Дѣла, Архива Русской Революціи и Лѣтописи революціи.

Я. М. ЛИСОВОЙ.

ОТЗЫВЫ

газетъ и журналовъ о «Музеѣ Современныхъ Событій въ Россіи»

...Музей въ частныхъ рукахъ — роскошь, которая не всегда и не для всѣхъ осуществима даже въ нормальныхъ условіяхъ. Тѣмъ большій интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ труды полк. Я. М. Лисового, создавшаго въ тяжелые дни эмигрантскихъ скитаній первый музей «Современныхъ Событій въ Россіи»...

(Новое Время I-21-23 № 522)

...Выставка Россіи, ея могущественныхъ страданій, ея исторіи за послѣдніе три года — такая выставка собрана трудами полк. Лисового... и еще хороша коллекція денежныхъ знаковъ... много брошюръ, снимковъ, рисунковъ, все что уцѣлѣло, что донесли до Бѣлграда. Безъ сомнѣнія, со временемъ выставка еще пополнится, но и теперь она весьма поучительна для насъ, русскихъ, и для невѣрующихъ иностранцевъ.

(Новое Время 4-23-21 № 2)

...Въ числѣ оригинальныхъ русскихъ предпріятій заграницей, нужно отмѣтить коллекцію разнообразныхъ матеріаловъ, принадлежащихъ воен. публиц. генеральн. штаба полковнику Я. М. Лисовому; матеріалы составляютъ *частный музей по исторіи революціи въ Россіи вообще и гражданской войны въ частности* и демонстрируются имъ въ видѣ передвижной выставки...

Являясь результатомъ частной иниціативы и не имѣя никакихъ пропагандныхъ заданій, выставка-музей ставитъ себѣ задачей въ предѣлахъ возможнаго ознакомить зрителя съ происшедшими въ Россіи событіями съ начала революціи и по настоящее время.

(Новая Русская Книга, Іюль 1922 г. № 7)

Исключительная Русская Выставка.

Въ Америку недавно прибыла исключительная по своему интересу русская выставка, иллюстрирующая ходъ русской революціи, большевизма и гражданской войны. Иниціаторомъ и владѣльцемъ этой выставки является полк. Я. М. Лисовой, посвятившій этому дѣлу всѣ свои послѣдніе годы жизни, начиная съ германской войны...

Выставка составлена вполнѣ безпристрастно и можетъ быть названа не большевистской и не антибольшевистской, а лишь чисто исторической.

(Новое Русское Слово, Нью-Іоркъ, 4-25-23, № 3742)

...Въ среду 13 мая въ Гулл-Гаузѣ открылась выставка матеріаловъ полк. Лисового — впечатлѣніе колоссальное. Характерно отмѣтить, что еще во время работъ по организаціи, масса публики являлась для осмотра этой замѣчательной коллекціи...

...Всѣ американскіе газеты дали прекрасные отзывы о ней, а нѣкоторые даже рекомендуютъ студентамъ изучать по матеріаламъ выставки эпоху гражданской войны въ Россіи...

(Русскій Вѣстникъ 4-30-25 № № 102, 117)

...Одна изъ крупнѣйшихъ коллоніальныхъ газетъ — литовская, предложила спеціально избранному комитету, въ составѣ 3 членовъ, изученіе матеріаловъ музея полк. Я. М. Лисового, съ цѣлью организаціи выставки.

Въ протоколѣ комитета читаемъ:

1. Самая крупная коллекція изъ всѣхъ существующихъ по исторіи русскаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

2. Матеріалы настолько велики и разнообразны, что представляютъ необыкновенный интересъ не только для русскихъ, но и для всякаго иностранца.

3. Матеріалы носятъ строго научный и вполнѣ безпристрастный характеръ.

4. Всѣ матеріалы отвѣчаютъ вопросамъ современности.

На основаніи изложеннаго газета «Naujienos» рѣшила:

А. Немедленно приступить къ организаціи выставки «Современныхъ Событій въ Россіи», которую открыть въ кратчайшій срокъ.

Б. Немедленно приступить къ печатанію каталога.

(Русскій Вѣстникъ 5-5-25 № 106)

...Въ свое время печать отмѣтила значеніе этого перваго по организаціи заграницей и единственнаго въ своемъ родѣ музея «Современныхъ Событій въ Россіи». Замѣтимъ еще, что несмотря на тяжелыя условія существованія, музей продолжалъ развиваться и къ существующимъ добавлены еще новые отдѣлы...

(Русское Дѣло, 12-28-25, № 256)

За онога који не зна и не појма: шта је то большевизам, неопходно је потребно да посети изложбу савремене Русије...

Организатор изложбе је пуковник Лисовој. Он је ван сваке сумње уложио много труда да изведе овај интересантан и којрисан посао...

(Епоха, 4-21-21, № 695)

...Изложба је по својој занимљивости заслужује од првог момента велико интересованье и обилну посету нашег гражанства...

(Политика, Балкан 4-15-21)

Данас је отворена прва покретна историјско-књижевна уметничка изложба савремених догаджаја у Русији, којој припада иницијатива да у широким размерима упозна Европу са догаджајима који се пуне три године одигравају на једном делу Велике Русије на југоистоку...

...Не би требало ни један наш гражданин да пропусти ову прилику а да не посети изложбу на којој се на болье у слици и слову могу све грозоте большевизма видети...

...Оставимо за дан за два све забаве, па похита мо сви да видимо сву грозоту која је нашу одвајкада мајку заштитницу задесила.

(Застава, 5-15-21, № 108)

...Среди общей апатіи, бездѣятельности или бюрократизма есть однако исключенія.

Таковымъ является выставка, устроенная въ Константинополѣ полк. генер. штаба Я. М. Лисовымъ. Хотя на выставкѣ фигурировали только бумажные документы (афиши, фотографіи, описанія и т. п.), но тѣмъ не менѣе она являлась серьезнымъ освѣдомительнымъ средствомъ, такъ необходимымъ для Западной Европы, до сихъ поръ не усвоившей всей сущности и опасности большевизма...

Выставка создана цѣнными трудами Я. М. Лисового, безъ всякой помощи со стороны оффиціальной Россіи и даже Всероссійскаго Земскаго Союза.

Пожелаемъ, чтобы этотъ примѣръ полезной самодѣятельности не былъ бы единственнымъ. — Генер. П. И. Залѣсскій.

(Военный Голосъ, 5-8-20, № 89)

Im Kunstpavillon wurde am 12 Juni eine Ausstellung ueber das bolshevistische Russland und die Ereignisse im «roten» Reiche eroeffnet. Der Russische Kriegsberichterstatter Lissovoy hatte auf grund reichen Materials eine reichhaltige Sammlung von geschichtlichen Documenten angelegt, welche er der Oeffentlichkeit vorlegte.

Es ist fuer jedermann vom Interess, die bildiche Darstellung der Verhaeltnisse in Russland waehrend des Kommunistischen Regimes und waehrend der verschiedenen Perioden der Konterrevolution anzusehen.

Agramer Tagblatt, 17-6-21, Agram. № 154.

...Cette exposition des plus intéressantes et instructives, nous montre ce que le bolchevisme est en réalité.

Une foule des plus choisies s'y pressait, qui recevait toutes les explications demandées par des interprètes en toutes langues...

(«Le Bosphore», 5-11-20, № 164)

L'EXPOSITION DE LA RUE DE PERA.
UNE INTERESSANTE DOCUMENTATION SUR LE BOLCHEVISME

...M. le colonel Lissovoy, ancien chef du service politique du général Alexeieff, est un grand collectionneur. Inlassablement depuis 3 ans il a recueiili tous les documents qu'il pouvait trouver concernant le bolchévisme et la lutte contre le bolchévizme. C'est le résultat de ce patient labeur qu'il offre aujourd'hui aux habitants de Constantinople dans son exposition. Résultat incomplet encore, car le colonel travaille toujours à augmenter, à enrichir sa collection...

(«Press du Soir», 5-20-20, № 13)

NOUS EN AVONS VU QUELQUES PIECES DIGNES DU «MUSEE DES HORREURS».

...M. Lissovoy emporte avec lui un bagage précieux et important, qui peut être considéré comme la plus impressionnante collection de documents et d'illustrations se rapportant aux derniers événements de Russie. Cette collection comprend trois séries: 1) Guerre mondiale, 2) Révolution bolchevique, 3) Contre révolution...

(«Cherbourg Eclair» 3-1-23)

...The stark terror which stalked thru Russia in the wake of the revolution, hand in hand with famine, pestilence and death, is portrayed in the collection of paintings, photographs, currency, medals and curios brought to Denver from darkest Russia by Col. Jacques M. Lissovoy.

Lissovoy's collections to be the greatest expose of the iron terror of Bolshevism ever brought to the United States, as well as being the largest collection of its kind to be brought out of Russia. It is history of Russia from the time of the czarist regime, thru the revolution, and up to present.

It is not, however, devoted wholly to propaganda or to the horror of the soviet atrocities. It portrays much of the artistic life of Russia before and after the revolution, of clerical history and of peasant life...

(By Forbes Parkhill. «The Denver Post», 3-6-23)

The strangest and most unique exhibit which has been placed on the walls of the Perkins Fine Arts Hall galleries in a number of years is thar which has been brought here.

The exhibits is as interesting as it is unique and strange, and those who have seen it have gone back for a second view, meanwhile telling their friends about it.

They were collected by Col. Jacques Lissovoy.

(«Gazette and Telegraph», 2-9-23)

The various exhibits are said to be the most interesting of any that have been brought here in a number of years.

The exhibit is a part of the collection of Col. J. Lissovoy.

(«The Colorado Springs Evening Telegraph», 29/30-8-23).

The message from Washington indicated that whatever Mr. Lissovoy had to say regarding the bolsheviki and the soviet government would be of interest to the state department.

(«Chicago Sunday Tribune», 6-6-24).

RUSSIA AFLAME IN POSTERS

There are two sides to bolshevism — as Emma Goldman herself illustrates — and two sides are shown graphically and with starting insistence and sledgehammer force in the display of Russian posters in the galleries of the Arts Club.

The posters are a part of the collection of Col. J. Lissovoy. Col. J. Lissovoy made it his hobby, along with his military duties, to collect both bolshevik and anti-bolshevik material during the Russian civil war.

(C. T. B. «The Chicago Evening Post. Magazine of the Art World» 31-3-25)

ARTS CLUB EXHIBITION

Unfortunately the Russian paintings and posters belonging to Col. J. Lissovoy are being removed before they have been as widely seen as their interest merits.

We wish that this exhibition might turn up again somewhere else in Chicago.

If only the young students who were flocking in such throngs to a certain exhibition of American advertising art, recently held could have passed their time here instead!

(By Marguerite B. Williams. «The Daily News». 2-4-25)

ПЕЧАТАЕТСЯ

БѢЛЫЙ АРХИВЪ.

КНИГА 2-ая.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письма и переписка Бѣлыхъ Вождей.
2. Генер. П. И. Залѣсскій — Причины неудачъ Бѣлаго движенія на Югѣ Россіи.
3. Я. Арефинъ. Развалъ Арміи.
4. Полковн. Я. М. Лисовой. Итоги сдного изъ уговоровъ.
5. ,, Революціонные генералы.
6. Александръ Котомкинъ. Чехословацкіе легіоны въ Сибири.
7. Разные документы и т. п.
8. Мысли современниковъ Революціи.
9. Работа политич. центр. Добр. Арміи.

(и др.)

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Е.И.В. Вел. Кн. Борисъ Владимировичъ.
«My Royal adventures in Society and Bohemia» (переводъ съ англійскаго).

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Генералъ Врангель и Крымская эвакуація (въ иллюстраціяхъ).

Въ текстѣ каррикатуры, карты, схемы, фотодокументы.

ПЕЧАТАЕТСЯ

НОВАЯ КНИГА

Генерала П. И. ЗАЛѢССКАГО

«ВОЗМЕЗДІЕ».

БИБЛІОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

ПЕЧАТАЕТСЯ

БѢЛЫЙ АРХИВЪ.

КНИГА 2-ая.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письма и переписка Бѣлыхъ Вождей.
2. Генер. П. И. Залѣсскій — Причины неудачъ Бѣлаго движенія на Югѣ Россіи.
3. Я. Арефинъ. Развалъ Арміи.
4. Полковн. Я. М. Лисовой. Итоги сдного изъ уговоровъ.
5. ,, Революціонные генералы.
6. Александръ Котомкинъ. Чехословацкіе легіоны въ Сибири.
7. Разные документы и т. п.
8. Мысли современниковъ Революціи.
9. Работа политич. центр. Добр. Арміи.

ПОПРАВКИ:

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать:*
49	10 сверху	«Калининъ»	«Калининъ» (или Козьминъ — авт.)
67	5 сверху	«Кацъ»	«Розенфельдъ»
68	10 снизу	«Сегѣй»	«Сергѣй»
101	6 сверху	«къ 15 октября 1919 года»	«къ 20 октября 1919 года»
127	4 слѣва	«къ 10 ноября 1919 года»	«къ 20 ноября 1919 года»
158	5 снизу	«И. Т. Каплана»	«Ф. Т. Каплана»

greycoyote13@gmail.com 2016-Feo